

Министерство образования и науки Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.А. Добролюбова»

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного
лингвистического университета
им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 26

Нижний Новгород

2014

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
ФГБОУ ВПО «НГЛУ»*

УДК 81'1:008+82(091)+378.14+1(091)

Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Выпуск 26. – Нижний Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2014. – 178 с.

ISSN 2072-3490

Главный редактор

Б.А. Жигалев

Редакционная коллегия:

Е.С. Гриценко (*зам. главного редактора*), Е.В. Плисов (*отв. секретарь*), М.К. Бронич, В.М. Бухаров, М.А. Викулина, М.А. Грачев, Е.Н. Дмитриева, В.Г. Зусман, В.И. Карасик (Волгоград), З.И. Кирнозе, Л.П. Крысин (Москва), Е.В. Курбакова, М.М. Лебедева (Москва), Л.А. Львов, М.И. Никола (Москва), О.Г. Оберемко, Е.Р. Поршнева, Е.П. Савруцкая, Т.Н. Синеокова, В.В. Сдобников, О.Н. Сенюткина, В.М. Строгоцкий, А.А. Сергунин (Санкт-Петербург), С.В. Устинкин, А.Н. Шамов, Л.Е. Шапошников, Д. Боксэ (США), Д. Марке (Бельгия), Д. Мийе-Жерар (Франция), У. Реннер-Хенке (Германия), М. Руэп (Германия), К. Флидль (Австрия), С. Фрилз (США)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-32158 от 07.06.2008 г.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ с 19.02.2010 г.

ISSN 2072-3490

© ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2014

Ministry of Education and Science of the Russian Federation

NIZHNY NOVGOROD LINGUISTICS UNIVERSITY

VESTNIK
of Nizhny Novgorod Linguistics University

Issue 26

Nizhny Novgorod

2014

**Vestnik of Nizhny Novgorod Linguistics University. Issue 26. –
Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Linguistics University,
2014. – 178 p.**

ISSN 2072-3490

Editor-in-Chief

B. Zhigalev

Editorial Board:

E. Gritsenko (*Deputy Editor-in-Chief*), E. Plisov (*Executive Secretary*),
M. Bronich, V. Bukharov, M. Vikulina, M. Grachev, E. Dmitryeva, V. Zusman,
V. Karasik (Volgograd), Z. Kirnoze, L. Krysin (Moscow), E. Kurbakova,
M. Lebedeva (Moscow), L. Lvov, M. Nikola (Moscow), O. Oberemko,
E. Porshneva, E. Savrutskaya, T. Sineokova, V. Sdobnikov,
O. Senyutkina, V. Strogetsy, A. Sergunin (St-Petersburg), S. Ustinkin,
A. Shamov, L. Shaposhnikov, D. Boxer (USA), D. Markey (Belgium),
D. Millet-Gérard (France), U. Renner-Henke (Germany), M. Ruep (Germany),
K. Fliedl (Austria), S. Freels (USA)

ISSN 2072-3490

© ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

- Т.Н. Великода** (*Магадан*)
Современные принципы научного терминообразования (на материале английского языка) 9
- Е.В. Ефимова** (*Нижний Новгород*)
Семантика лексемы *страсть* в авторском дискурсе (на примере повести Л.Н. Толстого «Крейцера соната») 22
- Е.З. Киреева** (*Тула*)
Особенности функционирования показателей косвенной эвиденциальности со значением инференции (на материале официальных документов) 33
- Т.М. Огородникова** (*Нижний Новгород*)
Эмотивно-немаркированная просодия как лингвокультурологическое явление 40
- Ю.Ю. Панченко** (*Москва*)
Арго куртизанок *ю:риго* и общий язык в Японии 52
- А.В. Синелева** (*Нижний Новгород*)
Структура и содержание одноименных терминов логики и философии (на примере термина *абстракция*) 62

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

- К.С. Когут** (*Екатеринбург*)
Элегический контекст пьесы А.П. Платонова «Голос отца» 72

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

- Т.А. Лопарева** (*Киров*)
Роль родного языка в многоязычной подготовке учащихся 87

О.Г. Оберемко (<i>Нижний Новгород</i>) Диалог культур в обучении иностранному языку студентов лингвистического вуза	101
--	-----

Е.Н. Панкратова (<i>Нижний Новгород</i>) Критерии отбора кинодискурса при профессионально- ориентированном обучении иностранному языку в магистратуре	115
---	-----

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ, ИСТОРИИ И СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Д.З. Хайретдинов (<i>Москва</i>) Нижгары и маджары: этнические связи. К вопросу о происхождении нижегородских татар-мишарей	122
--	-----

М.Б. Черницкая (<i>Дзержинск</i>), Д.В. Семенов (<i>Нижний Новгород</i>) Онтологический статус субстанции в философии Бенедикта Спинозы	133
---	-----

Б. Чурич (<i>Белград, Сербия</i>) Русская эмиграция в Сербии	141
--	-----

ХРОНИКА

Научная конференция «Скребневские чтения»	169
---	-----

DAAD в НГЛУ: 20 лет сотрудничества	171
--	-----

Научно-образовательный проект «Начало славянской письменности: культурные корни цивилизаций»	173
---	-----

Летняя стажировка в университете Экс-Марсель в Провансе (Франция)	177
--	-----

CONTENTS

LANGUAGE AND CULTURE

- Tatiana Velikoda** (*Magadan*)
Modern Principles of Scientific Term Formation in the English Language 9
- Evgenia Efimova** (*Nizhny Novgorod*)
The Semantics of the Lexeme *Passion* in the Author`s Discourse (in *The Kreutzer Sonata* by Leo Tolstoy) 22
- Elena Kireeva** (*Tula*)
Functioning of Indirect Evidentiality Indicators with the Meaning of Inference in Official Documents 33
- Tatyana Ogorodnikova** (*Nizhny Novgorod*)
Emotively Unmarked Prosody as a Linguo-Culturological Phenomenon 40
- Yury Panchenko** (*Moscow*)
Courtesans` Argot *yurigo* and the Common Language in Japan ... 52
- Anastasia Sineleva** (*Nizhny Novgorod*)
Structure and Content of Analogous Terms in Logic and Philosophy (as exemplified by the Term “*Abstraction*”) 62

CROSS-CULTURAL ASPECTS OF LITERARY DISCOURSE

- Konstantin Kogut** (*Ekaterinburg*)
The Elegiac Context of A.P. Platonov`s Play *The Father`s Voice* ... 72

CROSS CULTURAL COMMUNICATION AND FOREIGN LANGUAGE TEACHING. TOPICAL ISSUES IN EDUCATION

- Tatyana Lopareva** (*Kirov*)
The Role of the Mother Tongue in Polylingual Training of Students 87

Olga Oberemko (<i>Nizhny Novgorod</i>) Dialogue of Cultures in Teaching Foreign Languages to Linguistics University Students	101
---	-----

Elena Pankratova (<i>Nizhny Novgorod</i>) The Criteria of Selecting Video Discourse for Teaching English for Special Purposes to Senior Students of Technical Universities	115
---	-----

CURRENT ISSUES IN PHILOSOPHY, HISTORY AND SOCIAL COMMUNICATION

Damir Khayretdinov (<i>Moscow</i>) Nizhgars and Madjars: Ethnic Ties. On the Origin of Nizhny Novgorod Mishar Tatars	122
---	-----

Maya Chernitskaya (<i>Dzershinsk</i>), Dmitry Semenov (<i>Nizhny Novgorod</i>) The Ontological Status of Substance in the Philosophy of Benedict Spinoza	133
--	-----

Boban Churich (<i>Belgrad, Serbia</i>) Russian Emigrants in Serbia	141
--	-----

CHRONICLE

Yu. M. Skrebnev Readings Academic Conference	169
--	-----

DAAD at LUNN: 20 Years of Partnership	171
---	-----

Research and Training Project “Origins of Slavic Writing: Cultural Roots of Civilizations”	173
---	-----

Summer Internships at Aix-Marseille University (AMU) in Provence, France	177
---	-----

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

УДК 811.111'373.46

СОВРЕМЕННЫЕ ПРИНЦИПЫ НАУЧНОГО ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Т.Н. Великода

*Северо-восточный комплексный научно-исследовательский институт
Дальневосточного отделения Российской Академии Наук, Магадан*

В статье исследуются особенности современного терминообразования на примерах лексикографических источников, электронных изданий и научных статей. Основными принципами терминообразующей политики на современном этапе автор считает коллегиальность и оперативность действий по разработке терминологических стандартов, понятийно-логическую и языковую системность терминологического ресурса, его унифицированность и узкую специализацию, рекомендательный характер, номенклатурную унаследованность и перспективность.

Ключевые слова: политика терминообразования, терминологический ресурс, лексикографические, электронные и научные источники, терминологическая перспективность.

Modern Principles of Scientific Term Formation in the English Language Tatiana Velikoda

The article analyses modern term-forming processes using examples from lexicographic publications, internet sources, and research papers. As basic principles of current term-forming policy, the author identifies collegial and effectual efforts to standardize terminology, as well as conceptual, logical and language consistency of terminological resources, their unified, highly specialized and recommending character, and both the term inventory inheritance and prospects.

Key words: term-forming policy, terminological resources, lexicographic, internet and scientific sources, terminological prospects.

Термин – основная понятийно-номенклатурная единица языка, используемая для специальных целей (ЯСЦ). Термин представляет собой квинтэссенцию понятия ЯСЦ, обладает понятийно-логической и языковой системностью, собственными системообразующими свойствами [1; 2; 3; 4; 5; 6]. Гносеологическая функция термина обеспечивает не только номинативно-дефинитивное определение им

соответствующего понятия, но и способность терминологической единицы активно участвовать в приращении современного научного знания благодаря своим системным и системообразующим свойствам [7].

Цель данной статьи – на примере английских лексикографических и научных (геологических, химических, физических и некоторых других) текстов классифицировать основные источники современного терминологического знания и продемонстрировать их динамическую природу.

1. Лексикографическая база современного научного знания (на примере геологических наук).

Специализированные словари по различным областям знания содержат сами термины и их дефиниции, истолковывающие соответствующие понятия. В некотором смысле, можно говорить об определённой статичности лексикографических источников, фиксирующих современное научное или техническое, или отраслевое знание как стабильное. Тем не менее лексикографический материал демонстрирует вполне очевидные эволюционные тенденции, что, в первую очередь, связано с динамикой научной когниции, нуждающейся в соответствующих терминологических ресурсах. Результатом непрерывного научного развития является включение новых терминов и уточнение прежних дефиниций в очередных лексикографических изданиях. Так, издание Толкового словаря английских геологических терминов (ТСАГТ) от 2002 года [8] содержит целый ряд терминов, отсутствовавших в издании 1977-1979 годов [9]. Новые термины могут появиться в результате развития научной теории, например, *terrane: террейн*; *tectonic accretion: тектоническая аккреция*; *tectonic assemblage diagram: диаграмма тектонического слияния*; *slab: плита в зоне субдукции* и пр. Содержание терминологической дефиниции также может подвергаться изменениям вследствие получения современных данных относительно внутренних свойств известного объекта исследования, например, уточнённая дефиниция термина *core: ядро Земли* включает новые сведения о некоторых характеристиках и свойствах внутреннего ядра и пр.

Кроме этого, установление новых внешних признаков, связей и отношений изучаемого объекта имеет, как правило, своим следствием значительный прирост числа терминологических словосочетаний,

реализующих родовидовые, типовые, партитивные и иные логические отношения, например, *fault-line coast*: *приразломный берег*; *fault-related fold*: *складка, сопряжённая с разрывом*; и пр.

Приведённые примеры позволяют нам говорить о таком свойстве словарных ресурсов, как собственная понятийно-инвентаризационная динамика.

Динамический характер лексикографического описания также связан с унаследованной языковой (лексической) природой термина. Подавляющее количество всех современных монотерминов, независимо от той или иной области научного, технического или промышленно-отраслевого знания, исторически сформировалось путём метафорического переосмысления значений общеупотребительных слов. Особую роль в процессе семантического терминообразования, в частности в геологии, сыграли слова, представляющие реалии повседневного быта человека: названия частей тела (*arm*: *рукав, отрог, рука*; *head*: *верхний бьёф, вершина, верховье, высокий мыс, гребень* и пр.; *neck*: *перешеек, коса, седловина, горлышко* и пр.; *elbow*: *коленообразный изгиб*; *finger lake*: *пальцевидное озеро* и пр.), предметов бытовой утвари (*fork*: *вилка, слияние*; *cup*: *базальное расширение*; *needle ore*: *игольчатая руда*; и пр.), бытовых реалий (*apron*: *шлейф*; *fan*: *конус, веер*; *pancake ice*: *блинчатый лёд*; *spoil*: *пустая порода, отвал* и пр.), конструктивных элементов жилища (*floor*: *подошва*; *roof*: *кровля*; *wall*: *стенка, борт*), некоторых природных явлений (*weathering*: *выветривание*) и пр.

Сформировавшиеся монотермины, в свою очередь, явились семантической основой для дальнейшего развития терминологических смыслов, реализуемых политерминами, состоящими из двух и более лексических единиц и отражающими углубляющееся знание исследователя, прежде всего, в сфере атрибутивных и родовидовых отношений и связей объекта исследования. Бесконечные возможности лексической (метафорической) номинации, связанные с неограниченным потенциалом внутренних свойств и отношений объектов окружающего мира, как фактуальных, так и психологически эмотивных, могут стать основой терминологических наименований в настоящем и будущем.

Языковая диалектика термина заключается в том, что он не только унаследовал лексические свойства, присущие общеупотребительному слову, но и наполнил их новым содержанием. Это проявляется в особенностях категориально-лексических отношений термина. Например, терминологическая синонимия, с одной стороны, имеет явно ограниченный характер по сравнению с общеупотребительной лексикой, с другой стороны, синонимия терминов является преимущественно прагматической (мейоративный / пейоративный, рекомендуемый / нерекондуемый / устаревший термин и пр.). Важнейшей особенностью терминологической синонимии является то, что в подавляющем большинстве случаев она реализуется на уровне терминологических словосочетаний, а не отдельных терминов. Иными словами, термин способен формировать собственные категориально-лексические отношения, зафиксированные в специализированных лексикографических источниках и отражающие динамическую природу научной ментальности.

Наконец, динамический характер современного научно-лексикографического описания проявляется как методологические различия в приёмах подачи материала. Так, дефиниции терминов, представленные в русскоязычных версиях ТСАГТ 1977-1979 и 2002 годов [9; 8], носят строго научно-понятийный характер, тогда как описания в «Encyclopedia of Geology» [10] являются более пространными и даже в какой-то мере научно-популярными. Примером может быть дефиниция термина *terrane* в издании ТСАГТ 2002 года [8. Т.2. С. 402.] и соответствующая статья в «Encyclopedia of Geology» [10. Vol. 5. P. 455-458] и пр.

Таким образом, исходя из вышесказанного, мы можем говорить о научно-понятийной и языковой динамике лексикографических терминологических ресурсов, включающих термины и их дефиниции.

Вместе с тем существующие лексикографические источники стабильно фиксируют современное научное знание, и в этом смысле они обладают некоторой статичностью, что является также следствием периода «нормализованной», устоявшейся науки. Однако даже в эпоху научной революции кардинальные изменения происходят отнюдь не одновременно во всех областях знания: обычно они имеют место в естественных науках, таких как химия, физика, молекулярная генетика и пр. Геология, по крайней мере, геология

Земли, является одной из наиболее древних наук, и здесь вряд ли можно ожидать каких-либо значительных трансформаций. Соответственно, геологические терминосистемы можно считать достаточно статичными по сравнению, например, с ядерной физикой или астрофизикой.

2. Методологические основания и электронный формат терминологического развития.

Современные терминологические разработки отражают как углублённое понимание природы исследуемого объекта, так и необходимость детальной спецификации его свойств. Текущий этап научного развития характеризуется сложившейся системой базовых объектов познания, их свойств, отношений и внешних признаков: в философии – это материальные и духовные сущности, их этическая и эстетическая составляющие, в физике – физические законы движения материи, в биологии – эволюция живой природы, социогуманитарное направление ориентировано на познание различных проявлений человеческой природы и пр. В этих условиях, углублённая научная специализация и детализированная спецификация характерных свойств объекта получают приоритетное значение, что задаёт соответствующий импульс современной политике терминообразования. На сегодняшний день особенностью такой политики является, прежде всего, её коллегиальность. Для решения вопросов терминообразования в той или иной сфере создаются специализированные рабочие группы, комиссии, подкомиссии, например, Подкомитет по систематике метаморфических пород (<http://www.bgs.ac.uk/scmr/>), Рабочая группа по лекарственной терминологии (http://www.webapteka.ru/expert_grup1/pub29/), Рабочая группа по разработке терминологии в сфере инфокоммуникаций (http://irctu.org/working_groups_3) и пр.

On-line предложения по номенклатурному упорядочиванию, стандартизации и углублённому развитию терминосистем обычно представлены в формате электронного источника или реже – научной статьи на бумажном носителе.

В качестве примера подобной научной статьи можно привести работу авторов М.Ж. Ле Ба и А.Л. Штрекайзена [11], содержащую предложения по принципам номенклатуры изверженных пород. Авторы определяют цель своего исследования как обеспечение системных оснований научной классификации с использованием

идентифицирующих терминов, не допускающих неоднозначных толкований (*unequivocal terms of identification*) [11. P. 826]. Спецификация изверженных пород базируется на их физических и химических свойствах, которые трактуются как описательные определения (*descriptive attributes*) и не должны смешиваться с толковательными определениями (*interpretative attributes*). Предлагаемые номенклатурные принципы включают общедоступную смысловую ясность базового или корневого имени (*root name*), научно-логические основания разрабатываемого терминологического ресурса, его унаследованность, типологичность, неосложнённость, международную приемлемость и пр. [11. P. 825-827]. При этом авторы подчёркивают возможную спорность номенклатурных спецификаций, что, в свою очередь, отражает открытость и проблемную дискуссионность современного научного знания: «Unanimity of nomenclature was not reached for all igneous rocks, and debate continues about how best to classify the potassic, the lamprophyric and a few other groups of rocks» [11. P. 826].

Материальным основанием предлагаемой спецификации является действительный состав комплекса пород (*modal mineralogy*) [11. P. 827], что является прямым указанием на приоритет научного знания относительно процессов его терминологической объективации. Тем не менее мы полагаем, что языковые (морфологические, лексические, синтаксические) ресурсы не просто пассивно обеспечивают вербализацию научной ментальности, но и активно участвуют и даже способствуют процессу научной когниции, что мы намерены продемонстрировать в дальнейшем в рамках нашего исследования.

Несмотря на то, что рассматриваемая статья вышла ещё в начале 1990-х годов, она сохраняет своё научно-терминологическое значение и в настоящее время, поскольку предлагает конкретные методологические основания в сфере современного терминологического строительства, которые и сегодня остаются актуальными.

Вместе с тем ускоренный научный рост постоянно требует, с одной стороны, текущей ревизии уже существующих терминологических систем и комплексов, а с другой – оперативной и регулярной разработки новых терминологических спецификаций, отражающих непрерывный процесс углубления и уточнения

научного знания и являющихся перспективной основой для терминологического развития в будущем. В условиях современного научного мира электронный формат является наиболее удобным способом терминологических ревизий и спецификаций, поскольку наилучшим образом обеспечивает оперативность и возможность широкого доступа к информации. Электронные терминологические ресурсы включают электронные словари, нормативные документы, статьи, рекомендации по терминологической номенклатуре, например, в формате «Белой Книги» (*White Paper*) и пр. Отметим, что электронный формат «цветной книги» получил широкое распространение и отражает узкую тематическую спецификацию терминологических систем. Примером могут быть химические науки, в частности, Золотая Книга (*Gold Book*) представляет химическую терминологию, Белая Книга (*White Book*) включает рекомендации по биохимической номенклатуре, Красная (*Red*) и Синяя (*Blue*) Книги содержат номенклатуры неорганической и органической химии и т.д. [12].

Как уже было отмечено, предлагаемый терминологический норматив является результатом совместных усилий различных групп специалистов по терминологической унификации и стандартизации. Это может быть общенациональный проект, как, например, работа Комитета по научной и технической терминологии Министерства образования Индии [13]. В сферу деятельности указанного Комитета входит координация усилий по ревизии и стандартизации систем научных и технических терминов, обеспечение широкого доступа студентов, профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников к соответствующим информационным ресурсам, издание энциклопедических и специализированных словарей и пр. Однако в большинстве случаев политика выработки терминологических стандартов связана с конкретными практическими задачами в той или иной сфере деятельности: обеспечение единства законодательной базы в сфере финансовых слуг и финансовых рынков Европейского Союза [14], международная стандартизация терминологической номенклатуры и улучшение доступа к объединённым базам данных биологических и информационных наук [15], ревизия и разработка новых научно-концептуальных оснований в сфере медицинской системной терминологии [16], стандартизация терминологии по

медицинскому оборудованию как условие его безопасности для человека [17] и пр.

В качестве конкретного примера подобного электронного источника можно привести номенклатуру флавоноидов, предложенную Международным союзом теоретической и прикладной химии [18].

Рекомендуемому номенклатурному описанию предшествуют авторские разъяснения необходимости подобного терминологического упорядочивания: научная новизна и усложненный характер современного объекта исследований (флавоноидов), требование понятийно-логической последовательности и языковой ясности как основы политики в сфере научно-химического терминообразования не только в настоящем, но и в будущем. Подчеркивается коллегиальность предложений по терминологическому упорядочиванию, особо оговаривается стабильность и унаследованность принципов номенклатурной классификации: «Flavonoid structures, found in nature or obtained by synthesis, have become more and more complex, and a guide for aglycone names is provided here to permit the construction of the names for their polyglycosylated species with clarity and conciseness. A joint working party of IUPAC / IUBMB members has prepared these recommendations, which establish rules for the general nomenclature of flavonoids, providing examples of acceptable trivial names, and names derived from trivial names, together with semi-systematic and fully systematic names that follow the published IUPAC recommendations» [18].

Практическая ценность подобных рекомендаций связана с возможными расхождениями в трактовках понятийного содержания тех или иных терминов, не являющихся элементами номенклатурно упорядоченных терминосистем: «Different workers have used a variety of alternative names and naming systems for such compounds, and trivial names are commonly used to simplify complex names. Semi-systematic names derived from parent structures are very useful for naming flavonoids, and have been widely used, but they often lead to misunderstandings. There is an urgent need to avoid ambiguity in the naming of flavonoids by clarifying acceptable usage and limiting the variety of options to a reasonable extent» [18].

Основной организационный принцип систематики флавоноидов – их древовидная классификация от общих свойств к

частным. Флавоноиды определяются как природные биологически активные вещества на основе фенилпропанового скелета C₆–C₃–C₆. Выделены классы собственно флавоноидов, также ротеноидов, флавонолигнанов, бифлавоноидов и других флавоноидных олигомеров. Флавоноиды включают флаваны, флавоны, гидроксифлавоны, антоцианидины. Изофлавоноиды включают изофлаваны, изофлавоны. Также выделяются группы неофлавоноидов (неофлаваны, неофлавоны), хальконов и дигидроксихальконов, ауранов, птерокарпанов.

Данная классификация основана на понятийно-логическом подходе при прямом участии языковой составляющей, обеспечившей саму возможность последовательного описания. Прежде всего, это текст самой дефиниции: «The term “flavonoid” is commonly used to include not only natural products, but also synthetic compounds related to them. The structural feature of this family of compounds is based on derivatives of a phenyl-substituted 1-phenylpropane possessing a C15 skeleton, except for the rotenoids, which have a C16 skeleton but are also phenyl-substituted 1-phenylpropane derivatives, and that of flavonolignans, whose structure is based on flavonoids condensed with C₆ – C₃ lignan precursors» [18].

Текстовая составляющая также включает процитированные разъяснения авторов о необходимости унификации и стандартизации терминологии флавоноидов в связи с возможными расхождениями в понимании значений тех или иных терминов и в условиях современной узконаучной среды.

Морфологический потенциал отдельных терминов как элементов флавоноидной систематики проявляется в их словообразовательных возможностях посредством префиксации и суффиксации, что и демонстрирует приведённая выше классификация, а также путём словосложения, например, *dihydro+chalcone*. Лексическая составляющая систематики флавоноидов находит своё выражение в использовании официальных или системных (*systematic*), полуофициальных (*semi-systematic*) или бытовых (*trivial*) названий. Синтаксические возможности термина реализуются на словосочетательном уровне: *flavonoid oligomers*, *carbon framework*, *benzenoid aromatic substituent* и пр.

Таким образом, процесс современной стандартизации, унификации и углублённой спецификации терминологической

системы, изначально базирующейся на научной понятийно-логической основе, невозможен без прямого активного участия языковых средств всех уровней. Это, прежде всего, дискурсивно-текстовая составляющая, морфологический, лексический и синтаксический потенциалы термина. Подобно металлическому сплаву, прошедшему через горнило плавильной печи и получившему новые качественные свойства, сплав научных и языковых знаний обладает синэргетикой порождения новой научной сущности, в нашем случае – принципиально обновлённым терминологическим ресурсом.

3. Научная дискуссия как источник новых терминологических знаний.

Современная терминообразующая и терминообразующая политика может также реализовываться в процессе научных дискуссий, результаты которых могут быть представлены в материалах конференций или рабочих заседаний, в печатных или электронных публикациях. Особенностью таких источников уточнённого или нового терминологического знания является, как правило, небольшое количество терминов, один или два, дискуссионный характер выдвигаемых предложений, высокая научная специализированность терминов, одномоментное отсутствие окончательного результата. В основе подобных дискуссий лежит неоднозначная трактовка специалистами тех или иных конкретных терминов, причиной чего может быть общелексическое наследие в смысловой структуре термина, различное в разных языках, или неодинаковые смыслы, приписываемые одному и тому же термину, или разноаспектное описание объекта исследования.

Примером является статья Р.М. Руссо по рентгенфлюоресцентному анализу [19]. Автор указывает на терминологические расхождения в трактовке научного понятия «предел обнаружения»: “detection limit”, которое, по его мнению, должно определяться как *наименьшее количество: the smallest amount* вещества-аналита, устанавливаемого в образце, тогда как зачастую используется термин *наименьшая концентрация: the smallest concentration*, что неверно: «The detection limit is usually defined as the smallest amount of an analyte that can be detected in a specimen. However, it is often misinterpreted as the smallest concentration of an

analyte that can be determined with reliability in a given sample» [19. P. 34].

Эти терминологические расхождения можно предположительно объяснить разными трактовками понятия «содержание» как абсолютного (*amount*) и относительного (*concentration*). При этом объект терминологической номинации одинаков – «наименьшее количество вещества».

Далее автор цитируемой статьи, с одной стороны, особо подчёркивает важность используемой терминологии как механизма обеспечения научно-понятийной однозначности, а с другой стороны, указывает на то, что она пока не является общепринятой, что, по нашему мнению, также свидетельствует в пользу динамического характера современного терминологического упорядочивания: «It must be emphasized that the terminology used here is presented to avoid ambiguity, but does not have any international ratification» [19. P. 34].

Таким образом, сам факт языковой (терминологической) дискуссии в узкоспециализированном научном тексте, не являющемся по своей сути лингвистическим исследованием, наглядно иллюстрирует важность языковой составляющей процесса научной когниции.

Суммируя всё вышесказанное, мы можем сделать следующие выводы:

1. Политика современного терминообразования носит подчёркнуто оперативный характер, что связано с ускоренным развитием диверсифицированного научного знания.

2. Развитие науки на данном этапе характеризуется углублённой спецификацией свойств объектов исследования, результатом чего является углублённая спецификация терминологических систем.

3. Основными источниками современного терминологического знания являются лексикографические издания, электронные ресурсы и научные дискуссии, обладающие собственной динамикой развития; наименее динамичным источником являются печатные лексикографические издания, наиболее динамичным – электронные ресурсы.

4. Принципиальными характеристиками современной терминологической политики являются её коллегиальность, понятийно-логическая и языковая системность разрабатываемого

терминологического ресурса, его узкая специализация, рекомендательный характер, номенклатурная унаследованность и перспективность.

Библиографический список

1. Гринёв-Гриневиц С.В. Терминоведение. М.: Академия, 2008. 304 с.
2. Даниленко В.П. Актуальные направления лингвистического исследования русской терминологии // Современные проблемы русской терминологии / Ред. В.П. Даниленко. М.: Наука, 1986. С. 5-23.
3. Ивина Л.В. Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем. М.: Академический проект, 2003. 304 с.
4. Лейчик В.М. Терминоведение. Предмет. Методы. Структура. М.: Либроком, 2009. 256 с.
5. Никитина С.Е. Семантический анализ языка науки. На материале лингвистики / Ред. Н.А. Слюсарева. М., Либроком, 2010. 146 с.
6. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: Терминологическая деятельность. М.: ЛКИ, 2008. 288 с.
7. Великода Т.Н. Философия термина (на примерах английских геологических терминологических комплексов). Магадан: Изд-во СВНЦ ДВО РАН, 2013. 50 с.
8. Толковый словарь английских геологических терминов (ТСАГТ) / Ред. Дж.А. Джексон. Ред. русского перевода Н.В. Межеловский. В 2 т. М., 2002.
9. Толковый словарь английских геологических терминов (ТСАГТ) / Ред. М. Гери, Р. Мак-Афи мл., К. Вульф. Ред. русского перевода Л.П. Зоненшайн. В 3 т. М.: Мир, Т. 1. 1977. Т. 2. 1978. Т. 3. 1979.
10. Encyclopedia of Geology / Edited by Richard C. Selley, L. Robin, M. Cocks, Ian. R. Palmer. Elsevier Ltd., The Boulevard, Langford Lane, Kidlington, Oxford, 2005.
11. Le Bas M.J., Streckeisen A.L. The IUGS systematics of igneous rocks // Journal of the Geological Society. London. Vol. 148. 1991. Pp. 825-833.
12. International Union of Pure and Analytical Chemistry // Электронный ресурс Интернет: www.iupac.org.
13. Commission for Scientific and Technical Terminology, Ministry of Education, India // Электронный ресурс Интернет: http://www.nal.usda.gov/pgdic/Probe/v1n1_2/improv.html.
14. European Commission on Financial Services Policy and Financial Markets // Электронный ресурс Интернет:

http://ec.europa.eu/internal_market/finances/docs/terminology/final_study_on_terminology_publication_en.pdf.

15. Blaine Lois. Improving Access Standardized Biological Terminology. CODATA Convenes Workshop To Address Problems // Электронный ресурс Интернет: <http://www.codata.org/about/CODATA@45years.pdf>.

16. Berg Anne T., Scheffer Ingrid E. New concepts in classification of the epilepsies: Entering the 21st century // Электронный ресурс Интернет: http://www.ilae.org/Visitors/Centre/ctf/documents/NewConcepts-Classification_2011_000.pdf.

17. Data Standards and Terminology Standards for Information Submitted to CDRH // Электронный ресурс Интернет: <http://www.fda.gov/MedicalDevices/DeviceRegulationandGuidance/DataStandardsMedicalDevices/default.htm>.

18. Nomenclature of Flavonoids // Электронный ресурс Интернет: http://iupac.org/fileadmin/user_upload/publications/recommendations/2013/rauter_prs.pdf.

19. Rousseau R.M. Detection Limit and Estimate of Uncertainty of Analytical XRF Results // The Rigaku Journal. Vol. 18. No.2. 2001. Pp. 33-47.

Сведения об авторе

Великода Татьяна Николаевна
главный специалист-переводчик
Северо-восточного комплексного
научно-исследовательского института
Дальневосточного отделения
Российской Академии Наук
E-mail: velikoda@neisri.ru

УДК 811.161.1'37:821.161.1

**СЕМАНТИКА ЛЕКСЕМЫ СТРАСТЬ В АВТОРСКОМ
ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ Л.Н. ТОЛСТОГО
«КРЕЙЦЕРОВА СОНАТА»)**

Е.В. Ефимова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматриваются семантические особенности лексемы *страсть* в повести Л.Н. Толстого «Крейцерова соната». Анализируемая лексическая единица реализует широкий спектр имплицитных смыслов, актуальных для мировоззрения Л.Н. Толстого конца 1880-х годов.

Ключевые слова: лексема, сема, лексико-семантический ряд, смысл, текстовое пространство.

**The Semantics of the Lexeme *Passion* in the Author's Discourse
(in *The Kreutzer Sonata* by Leo Tolstoy)**

Evgenia Efimova

The article examines the semantic peculiarities of the lexeme “passion” in the novella *The Kreutzer Sonata* by Leo Tolstoy and concludes that the lexical unit “passion” creates a wide range of implicit meanings, typical for Tolstoy’s thought of the late 1880s.

Key words: lexeme, seme, lexico-semantic row, meaning, text space.

Творчество Л.Н. Толстого привлекает внимание исследователей разных областей знания: литературоведения, языкознания, философии, религиоведения. Данная работа сфокусирована на семантическом уровне текста, которому уделяли внимание такие исследователи, как Р.В. Алтухов [1], В.Е. Алексеева [2], С.С. Ваулина [3]. Цель данной работы – выявление семантических особенностей лексической единицы «страсть» в повести «Крейцерова соната», экстенциональных и интенциональных значений лексемы «страсть».

Под экстенциональным значением М.В. Никитин понимает содержательный объем понятия «класс предметов» (денотатов), под интенциональным значением – значение имени [4. С. 18]. Интенционал и экстенционал находятся в обратной зависимости: чем богаче интенционал понятия, чем больше признаков он содержит, тем меньше денотатов, к которым может быть отнесено данное имя. Интенционал представляет собой набор семантических признаков, находящихся в определенной иерархии и являющихся

определяющими для данного класса денотатов. Семантические признаки, составляющие интенционал, распадаются на гиперсемы (архисемы) и гипосемы (дифференциальные признаки). Гиперсемы являются родовой частью интенционала, а гипосемы – видовой. Интенционал слова *страсть* – охватывающее человека чувство, где гиперсема – ‘чувство’, а гипосемы – ‘любовь’, ‘желание’, ‘ужас’, ‘страх’. Данные признаки не существуют сами по себе, они с определенной степенью вероятности могут предполагать, порождать новые признаки. По отношению к ядру (интенционалу) они образуют периферию его информационного потенциала [4. С. 18]. Тот или иной интенциональный признак актуализируется контекстом. Их выявление позволяет рассмотреть потенциальные, а также актуальные для контекста смыслы.

Понятие *страсть* является одним из основных в повести Л.Н. Толстого «Крейцера соната». Согласно «Русскому семантическому словарю» Н.Ю. Шведовой, понятие *страсть* является биполярным. Опираясь на теорию бинарных оппозиций, Н.Ю. Шведова раскладывает структуру лексико-семантической единицы *страсть* на два лексических множества, последнее понимается как ряд лексем, объединенных общей архисемой. Множества представлены следующими лексемами: *любовь, нежность, расположение, привязанность, благодарность* и *страх, тревога, нетерпение*, общей семой для которых является – ‘чувство’ [5]. Актуальность представленных лексических групп в повести делает рассматриваемое понятие одним из значимых в тексте Л.Н. Толстого.

Лексическое множество состоит из лексем, формирующих лексико-семантический ряд, который, по определению Н.Ю. Шведовой, представляет собой ряд лексем – лексическое множество, которое объединяет в себе словозначения, находящиеся в отношениях непосредственной семантической близости или непосредственной семантической противопоставленности [5]. Лексико-семантический ряд для первого лексического множества выражен следующими единицами: *взаимность, влечение, влюбленность, любовь, нежность, обожание, привязанность, приязнь, симпатия, страсть, увлечение, чувство* [5]. Лексема *страсть* в семантическом пространстве указанных лексем репрезентирует положительные чувства и эмоции, испытываемые по

отношению к другому человеку, людям или объекту. Лексема *страсть* в данной семантической реализации синонимична лексеме *любовь*.

Толковый словарь С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой дает следующие значения слова *страсть*: 1. Сильная любовь, сильное чувственное влечение. 2. Сильно выраженное чувство, воодушевлённость. 3. Крайнее увлечение, пристрастие к чему-нибудь [6. С. 718].

Ключевые семантические компоненты данной лексемы – ‘*сильный*’, ‘*крайний*’. Понятие *страсть* включает и компонент ‘*чувство*’, и компонент ‘*любовь*’. Соответственно понятие *страсть* являет собой крайнюю, высшую степень проявления любви. Интенсивность проявления чувства выделяет *страсть* из всего синонимического ряда лексемы *любовь*.

В тексте Л.Н. Толстого актуализируется значение лексемы *страсть*, связанное с половой любовью. «Половая страсть, как бы она ни была обставлена, есть зло, страшное зло, с которым надо бороться, а не поощрять, как у нас» [7. С. 345]. Лексема *страсть* в дискурсивном анализе соотнесена с телесной природой человека и не содержит семы ‘*любовь*’.

Лексема *страсть* употребляется в повести либо с определением «половая», либо во множественном числе – *страсти*, что актуализирует совсем иное семантическое содержание данной лексико-семантической единицы.

Негативную коннотацию данного словоупотребления актуализирует второе значение данного слова (*страх, ужас*), которое также находит отражение в тексте: «Мешают страсти. Из страстей *самая сильная*, и злая, и упорная – половая, *плотская любовь*, и потому если уничтожатся страсти и последняя, *самая сильная* из них, *плотская любовь*, то пророчество исполнится, люди соединятся воедино, цель человечества будет достигнута, и ему незачем будет жить» (выделено мной – Е.Е.) [7. С. 345]. Таким образом, «плотская любовь» становится эквивалентом страдания, страха и ужаса. Подобное словоупотребление раскрывает авторскую позицию, а также имплицитно провоцирует читателя следовать авторской идее. Л.Н. Толстой прибегает к намеренному повторению словосочетания «самая сильная страсть», «плотская любовь», что подчеркивает власть страсти над человеком. По мнению автора, освобождение от страстей

является целью жизни человека, т.е. пока она не достигнута, человек находится под их властью, а значит, несвободен в своих решениях.

Согласно позиции философа Хосе Ортега-и-Гассет, страсть – «низшая форма любви» [8. С. 59]. Философ считает, что страсть – «это патологическое состояние души вследствие ее ущербности. Люди, примитивные по природе или же предрасположенные к маниакальности, будут одержимы как “страстью” решительно всем, что только окажется у них на пути» [8. С. 59]. Данная позиция созвучна идеям Л.Н. Толстого рубежа веков.

Лексема *страсть* реализует значение «чувство, выраженное в значительной степени, воодушевлённость»: «Но посмотрите на тех, на несчастных презираемых, и на самых высших светских барынь: те же наряды, те же фасоны, те же духи, то же оголение рук, плеч, груди и обтягивание выставленного зада, та же *страсть* к камушкам, к дорогим, блестящим вещам, те же увеселения, танцы и музыка, пенье» (выделено мной – Е.Е.) [7. С. 339]. Данное значение актуализирует семантический признак ‘сильное влечение к материальным, внешним благам’. Более того, обилие оценочной лексики показывает иронически скептическую позицию главного героя – Позднышева. *Страсть* в значении «воодушевленность», также реализует сему ‘власть над человеком’. «Страсть к камушкам» подразумевает власть материальных благ над человеком. В данном отрывке проведена параллель между представительницами древнейшей профессии и женщинами высших сословий. Такое сопоставление указывает на отсутствие объективной разницы между ними.

Согласно семантическому словарю, лексема *страсть* также входит в лексическое множество «*страх, тревога, нетерпение*», в семантическую группу «разные чувства, эмоциональные состояния, их проявления». Данная группа составляет следующий лексико-семантический ряд: *беспокойство, боязнь, жуть, испуг, испуганность, кошмар, нервозность, опасение, опаска, паника, перепуг, растерянность, содрогание, страсть, страх* [5].

«*Страх, ужас*» – второе значение лексемы *страсть* [5], актуализирует в сознании читающего лексему *страсти*, принадлежащую религиозному дискурсу (*страсти Христовы, Многие страсти претерписте страданий*) [9]. Слово «страсть» происходит от глагола *страдать*, что изначально означало внутреннюю болезнь. В

христианском религиозном дискурсе страстью называется грех, если он повторяется часто. «Святые отцы так разъясняют разницу между страстью и грехом: “страсть в душе движется, а деяние греховное телом видимо совершается” (Св. Никита Стифат)» [10]. Согласно религиозной трактовке, человек не был создан со страстями, поэтому они являются противоестественными для человеческой сущности, они не имеют ни сущности, ни бытия, страсти подобны мраку, который не может «существовать сам по себе, а является отсутствием света» [10]. Человек сам в процессе жизни искусственно создает себе страсти.

Экстралингвистические сведения разъясняют словосочетание «мешают страсти» [7. С. 343] в повести «Крейцера соната». Лексема *страсти* в данном контексте не только реализует значения лексем *страсти* и *страсть* во втором значении («страх, ужас»), но и приобретает имплицитно заложенный смысл: «охвативший душу грех, приводящий к греху телесному, грех, сознательно приобретенный в процессе жизни». Плотская любовь – «самая сильная и злая, и упорная» [7. С. 345]. Страсти побороть сложно, потому что бороться человеку придется с самим собой. Возможно, поэтому автор и не верит, что человек сможет их побороть окончательно.

Выбор эпитафий в контексте повести Л.Н. Толстого определяется слиянием разных типов дискурсивного мышления: религиозного и индивидуально-авторского.

Значение лексемы *страх* – «ощущение незащищенности, близкой опасности» [5]. Из-за страха женщины не хотят иметь детей, для них «меньше удовольствия от прелести ребенка, чем страданий от страха за него, и потому не надо того ребенка, которого они будут любить» [7. С. 345]. Данный контекст реализует сразу два компонента значения лексемы *страсть*: «страх» и «страдание». Согласно философской идее повести Л.Н. Толстого, желание завести ребенка – единственная причина, оправдывающая плотскую любовь. Забота же о ребенке, надежда, что каждое новое поколение будет морально нравственнее предыдущего, – цель существования человечества.

Семантическое толкование лексемы *страх* – «чувство опасения, боязнь возможного неблагополучия» [5]. «Проходит весь вечер, ее нет, и два чувства сменяются в душе: злоба к ней за то, что она мучает меня и всех детей своим отсутствием, которое кончится же тем, что она приедет, и страх того, что она не приедет и что-нибудь сделает

над собой» [7. С. 366]. Таким образом, лексема *страх* может быть представлена и как ощущение, и как чувство. Семантические компоненты ‘*опасение*’, ‘*боязнь*’, ‘*неблагополучие*’ связаны с возможной опасностью. Первое же значение, содержащее семантические компоненты ‘*незащищенность*’, ‘*опасность*’, связано с внутренним состоянием героя, его способностью / неспособностью противостоять близкой опасности. Как видно из примеров, и то и другое значения реализованы в тексте, что свидетельствует о важности лексемы.

Следующий компонент группы, стоящий в одном ряду с лексемой *страсть*, *ужас*. Значение лексемы *ужас* – «чувство непреодолимого страха, доводящее до оцепенения» [5]. Основные семантические компоненты лексемы *ужас* – ‘*чувство*’, ‘*страх*’, ‘*оцепенение*’. Часто лексема *ужас* входит в грамматическую основу предложения: «ужас берет» [7. С. 366], «ужас находил» [7. С. 371]. Подлежащее «ужас» является субъектом действия «берет», «находит», что подчеркивает «захватнический» характер чувства. Семантическая периферия лексемы *ужас* – компоненты ‘*сожаление*’, ‘*расстройство*’. «Боже мой! как вспомню я все мои мерзости в этом отношении, ужас берет!» – говорит Позднышев о своем половом воспитании [7. С. 376]. Таким образом, реализуется третье значение слова «крайнее изумление, негодование, расстройство, вызванное чем-н.» [5]. Семантика лексемы *ужас* характеризует состояние, которое охватывает героя, имеет и физиологическое проявление: «Как вспомню только про того зверя, который жил во мне тогда, ужас берет. Сердце вдруг сжалось, остановилось и потом заколотило, как молотком» [7. С. 326].

Лексема *ужас* тесно связана с проявлениями ревности. «Ужас и злоба стиснули мне сердце» [7. С. 357], – именно так герой ощущает себя, когда к нему приходит осознание измены своей жены. Поскольку лексема *ужас* содержит компонент ‘*страх*’, то реализация ее в указанном контексте свидетельствует не только о нежелании принять правду, но и об осознании ее реальности. Лексема *ужас* в тексте повести соседствует с лексемой *злоба*. Лексема *злоба* содержит компоненты ‘*чувство*’, ‘*злость*’, ‘*недоброжелательство*’. Таким образом, ревность для героя являет собой соединение таких чувств, как страх, злость. Постановка лексемы *ужас* в один ряд с лексемами *отчаяние* и *растерянность* расширяет ее компонентные свойства.

Как видно из сказанного, лексема *страсть* в повести «Крейцера соната» реализует все компоненты своего значения. Семантическая разносторонность употребления данной лексемы говорит о важности рассматриваемого понятия для контекста произведения и дает нам право рассмотреть синонимический ряд данной лексемы. Согласно словарю синонимов русского языка З.Е. Александровой, лексема *страсть* является одним из синонимов лексемы *любовь* [11. С. 217]. Поскольку лексема *страсть* реализовала все свои значения в данном тексте, она доминирует в синонимическом ряду: *энтузиазм, пристрастие, конек, любовь, возжеление, страх* [11. С. 524]. Из всех синонимов, представленных в словаре, реализованы в тексте повести только два: *возжеление* и *страх*.

Толковый словарь Т.Ф. Ефремовой дает следующее толкование слова *возжеление*: 1. Страстное желание. 2. Сильное чувственное влечение [12].

Прежде всего, семантические компоненты лексического значения данного слова указывают на интенсивность проявления чувства – ‘*страстное*’, ‘*сильное*’. Референтное имя указывает на следующие семантические признаки: ‘*любовное стремление*’, ‘*влечение к объекту*’. В контексте произведения данная лексема употребляется в семантическом поле *любовь плотская*.

Характерной чертой употребления данной лексемы является ее ближайший контекстуальный фон – евангельский текст, приведенный в качестве цитаты в первом эпиграфе к повести, а также как ссылка в тексте повести: «Да, да, и они правы, – сказал он (Позднышев – Е.Е.). – Половая страсть, как бы она ни была обставлена, есть зло, страшное зло, с которым надо бороться, а не поощрять, как у нас. Слова Евангелия о том, что смотрящий на женщину с возжелением уже прелюбодействовал с нею, относятся не к одним чужим женам, а именно – и главное к своей жене» [7. С. 344-345]. Автор выносит текст в эпиграф, что дает возможность говорить о гипертекстуальной структуре повести, а значит, введенная прецедентность углубляет смысловое пространство текста. Лексема *возжеление* употребляется исключительно в соседстве со словом *Евангелие* или в рамках текста Священного Писания. Возможно, в авторском дискурсе данная языковая единица априори содержит сему ‘*грех*’, что и

подчеркивается общим содержанием повести и контекстом употребления лексемы *вождеделение*.

В рамках данного предположения выделяется еще один синоним лексемы *страсть* – *страх*, который в толковом словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой имеет следующие значения: 1. Очень сильный испуг, сильная боязнь. 2. События, предметы, вызывающие чувство боязни. 3. Очень, в высшей степени, очень много, ужас [6. С. 670].

Первое употребление лексемы *страх* происходит в прецедентном тексте, но без отсылки к евангельскому тексту («Так каждый из вас да любит свою жену, как самого себя; а жена да боится своего мужа» (Еф. 5: 33): «А в женщине первое дело страх должен быть. <...> А такой: да боится своего му-у-ужа! Вот какой страх» [7. С. 323-324]. По мнению священника Афанасия Гумерова, в лексеме *страх* реализуется одно из древнейших значений ‘*уважение*’ и ‘*почитание*’ [13]. Понимание страха в сцене разговора в поезде, описанной Л.Н. Толстым, иное. Экстралингвистический контекст, в котором была произнесена данная фраза (разговор в поезде людей с различным мировоззрением), а также сведения о купце, на которые ссылается автор, позволяют сделать вывод о том, что лексема *страх* в данном контексте не содержит семантического компонента ‘*уважение*’, но реализует семы ‘*испуг*’ и ‘*боязнь*’.

Данная лексема употреблена еще четырежды в описании чувств матери к ребенку: «Спросите у большинства матерей нашего круга достаточных людей, они вам скажут, что от страха того, что дети их могут болеть и умирать, они не хотят иметь детей, не хотят кормить, если уж родили, для того чтобы не привязаться и не страдать» [7. С. 355]. Чувство страха (семантический расклад – ‘*испуг*’, ‘*боязнь*’) может служить причиной отказа женщины от материнства. Таким образом, лексема *страх* за счет контекстуального окружения пересекается с семантическим полем *семья*, эксплицитно и имплицитно выраженном лексемами *муж*, *жена*, *ребенок*, *мать*, *материнство* и т.п.

Кроме употребления данной единицы в семантическом поле *семья*, в тексте повести лексема *страх* употребляется в семантическом поле *смерть*. «Она упала на кушетку и, схватившись рукой за расшибленные мною глаза, смотрела на меня. В лице ее были страх и ненависть ко мне, к врагу, как у крысы, когда

поднимают мышеловку, в которую она попала. Я, по крайней мере, ничего не видел в ней, кроме этого страха и ненависти ко мне. Это был тот самый страх и ненависть ко мне, которые должна была вызвать любовь к другому» [7. С. 389]. Отличительной чертой употребления лексемы *страх* в указанном контексте является наличие однородности в лексических единицах *страх* и *ненависть*, которые на протяжении всего сверхфразового единства употребляются как единое целое. Таким образом, 'боязнь', 'испуг', 'сильная злоба' – компоненты, которые являются ключевыми для описания эмоционального состояния героини.

Семантические компоненты ключевой лексемы *страсть* активно находят свою реализацию в тексте повести «Крейцера соната». Отличительной чертой их употребления являются прямые отсылки к евангельскому тексту. Вынесение одного из синонимов (*страх*) в эпиграф текста, частотность его употребления, а также раскрытие всех компонентов значения лексемы позволяют говорить о семантической важности рассматриваемой лексемы в контексте данного произведения.

Итак, при анализе повести «Крейцера соната» были выявлены ключевые лексемы *любовь*, *страсть*, *музыка*. Текстовое пространство, в котором бытуют данные единицы, дает широкий простор для их интерпретации и структурирования выделенных семантических компонентов. При описании данных лексем были выявлены семантические компоненты значений, не зафиксированные в словарях, не свойственные рассматриваемым лексемам в их чистом виде. Погружение лексем в толстовский дискурс обогащает семантический потенциал философской мысли писателя.

Проведенный семантический анализ лексической единицы *страсть* в контексте повести Л.Н. Толстого «Крейцера соната» позволяет сделать вывод о том, что данная единица обладает рядом смыслов, имплицитно в нее заложенных. Это обусловлено экстралингвистическими и собственно языковыми факторами, связанными со значениями, указанными в толковых словарях. Данный вид анализа помогает читателю и исследователю полнее раскрыть замысел писателя, понять рефлексивное сознание главного героя – современника Л.Н. Толстого, а значит, и целого поколения. Задача дальнейшего исследования – выявить другие

концептуально важные лексические единицы в повести и создать целостную смысловую картину рассматриваемого текста.

Библиографический список

1. Алтухов Р.В. Лексика с семантикой эстетической оценки в трилогии Л.Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность» // Электронный ресурс Интернет: <http://5fan.ru/wievjob.php?id=31845>.

2. Алексеева В.Е. Эстетическая оценка в мире языковой личности (на материале творчества Л.Н. Толстого) // Электронный ресурс Интернет: <http://www.dslib.net/jazyko-znanie/jesteticheskaja-ocenka-v-mire-jazykovoj-lichnosti.html>.

3. Ваулина С.С., Островерхая И.В. Сращенность модальной семантики возможности и необходимости в микротексте Л.Н. Толстого – романе «Анна Каренина» // Электронный ресурс Интернет: <http://cyberleninka.ru/article/n/sraschennost-modalnoy-semantiki-vozmozhnosti-i-neobhodimosti-v-mikrotekste-l-n-tolstogo-romane-anna-karenina#ixzz2x6R4H5No>.

4. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения: Учебное пособие. М.: Высш. шк., 1988. 168 с.

5. Русский семантический словарь / Под общей ред. Н.Ю. Шведовой // Электронный ресурс Интернет: <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=235>.

6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов. Екатеринбург, 1994. 800 с.

7. Толстой Л.Н. Крейцерова соната // Толстой Л.Н. Избранное. М.: Правда, 1986. С. 318-386.

8. Ильин Е.П. Психология любви. СПб.: Питер, 2014. 336 с.

9. Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля / Под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ // Электронный ресурс Интернет: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=246>.

10. Иерофей Влахос, митрополит. Православная психопатология // Электронный ресурс Интернет: http://azbyka.ru/tserkov/duhovnaya_zhizn/.

11. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Ок. 9000 синонимических рядов / Под ред. Л.А. Чешко. 5-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1986. 510 с.

12. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный // Электронный ресурс Интернет: <http://enc-dic.com/efremova/Vozhdelenie-10073.html>.

13. Гумеров Афанасий, свящ. Вопросы священнику // Электронный ресурс Интернет: <http://www.pravoslavie.ru/answers/6461.htm>.

Сведения об авторе

Ефимова Евгения Викторовна
аспирант кафедры русской филологии и общего языкознания
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: jefjane@yandex.ru

УДК 811.161.1'37

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ КОСВЕННОЙ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ СО ЗНАЧЕНИЕМ ИНФЕРЕНЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ)

Е.З. Киреева

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого, Тула*

В статье рассматривается специфика употребления показателей косвенной эвиденциальности со значением инференции на материале текстов документов законодательного подстиля. Цели использования этих показателей в официальных документах и обыденной речи совпадают, различаются лишь особенности их оформления. Анализ иллюстративного материала доказывает, что функционирование эвиденциальных высказываний изменяет стереотипные представления о цельности образа коллективного автора документа.

Ключевые слова: эвиденциальное высказывание, инференция, интенция, коллективный автор документа, официальный документ.

Functioning of Indirect Evidentiality Indicators with the Meaning of Inference in Official Documents

Elena Kireeva

The article looks at indicators of indirect evidentiality with the meaning of inference in texts of legislative acts as a subtype of the official style. The author argues that, despite the style conventions, both in official documents and in everyday speech these indicators are used with the same purposes, though represented in different ways. Analysis of sample texts proves that functioning of evidential utterances changes stereotypical ideas about image integrity of documents' corporate author.

Key words: evidential utterance, inference, intention, corporate author of the document, official document.

Эвиденциальность (индиректив), предыстория изучения которой восходит к «Собранию тюркских языков» XI в. Махмуда Кашгарского [1], трудам Огюста Дозона [2] и Ф. Боаса [3], является категорией-шифтером [4], в которой отражается точка зрения говорящего как элемент значения той или иной грамматической формы. Вопросы изучения истории и семантики этой категории в языках мира активно разрабатываются в зарубежной и отечественной научной литературе (W.L. Chafe, J. Nichols, Z. Guentcheva, J. Landaburu, A.Y. Aikhenvald, R.M. Dixon, G. Lazard, Н.А. Козинцева, В.А. Плунгян, Т.А. Майсак,

С.Г. Татевосов, В.С. Храковский и др.). Растущий интерес к исследуемой категории предопределяет рассмотрение ее особенностей не только в естественном языке, но и на материале вторичных моделирующих систем, в основе которых лежит общенародный языковой субстрат.

Целью статьи является рассмотрение специфики функционирования языковых средств – маркеров косвенной эвиденциальности со значением инференции (далее – ЭМ) в документах законодательного подстиля официально-делового стиля для выявления интенций автора официального документа. Количественные показатели частотности основываются на сплошной выборке из всего массива документов, включенных в электронную базу данных регионального законодательства КонсультантПлюс: Тульский Выпуск [5].

Предложенная М.Ю. Григоренко полевая структура категории эвиденциальности включает в себя два микрополя: прямой эвиденциальности и косвенной эвиденциальности, состоящей из микрополей пересказываемости, инференциальности и перцептуальности [6]. Вслед за исследователем мы объединяем инферентивные значения, описывающие утверждения о ситуации на основании того, что говорящий интерпретирует ее как наблюдаемый результат, и презумптивные значения, описывающие утверждения о ситуации на основании известных говорящему причинно-следственных связей в мире, рассмотренных в классификации В.А. Плунгяна [7. С. 366-367], в микрополе инференциальности. Рассмотрим средства его репрезентации.

1. Ядро микрополя формируют глаголы мыслительной деятельности. Из корпуса этих глаголов мыслительной деятельности в документах законодательного подстиля представлены следующие: *делать вывод, заключать, устанавливать, планировать, признавать, полагать, замечать, ожидать*.

Наиболее частотны (140 единиц словоупотребления) в документах ЭМ *сделать вывод, заключить*, поскольку они наиболее точно выражают семантику инференции. Автор строит представление о ситуации, опираясь на знания о проблемной ситуации.

Эвиденциальные высказывания (далее – ЭВ) употребляются в таких элементах программы, как оценка, анализ проблемы; отчетных документах, например, информации контрольной комиссии, и

включают модусную часть (*в целом можно / данные, представленные в таблице, позволяют сделать вывод / заключить*) и пропозицию. ЭМ функционирует в безличных предложениях с опущенным субъектом, что характерно для стиля. Оперирование гипотетической модальностью позволяет выразить субъекту модуса («хозяину информации», по Н.А. Козинцевой) осторожность в выводах; безличные предложения отражают сложившиеся традиции самоустранения субъекта в пользу объективной подачи информации. Количество двусоставных предложений с глаголом-индикативом и эксплицированным субъектом составляет 2% от общего количества текстов с этим ЭМ.

Тенденция к самоустранению субъекта модуса от определения истинности пропозиции может быть проиллюстрирована преамбулой постановления: *(1) Я, главный государственный санитарный врач по Тульской области Л.Н. Данилина, проанализировав итоги работы оздоровительной кампании 2011 года, установила, (2) что по данным департамента социального развития министерства здравоохранения и социального развития Тульской области всеми формами отдыха в течение года было охвачено 86595 детей (72,0 процента от общего числа детей <...>)* [5]. Фрагмент включает два ЭВ: первое со значением инференциальности, где автор документа является субъектом модуса (1) и второе со значением репортативности, где автор – субъект-авторизатор (2). В (1) ЭМ инференции *установить* ('обнаружив, определить, выяснить') указывает на аналитическую работу, результатом которой является логический вывод. Однако (2) включает в себя модус (ЭМ репортативности *по данным*) и собственно пропозицию. Логический вывод автора документа о фактах, установленных другим субъектом-авторизатором, невозможен (нельзя установить то, что установлено другими).

В документах программного (в части оценки, анализа проблемы) и информационно-справочного (сообщение, информация) характера ЭМ инференции в функции предиката (как правило, в безличной форме) позволяют автору, расставив акценты, подчеркнуть главное с помощью *следует / необходимо / заметить, что*.

Перечислим особенности функционирования ЭМ в текстах:

а) активное употребление безличных форм (соотношение личных и безличных форм составляет 1:70). Так, личная форма *ожидаем* характерна для отчетов, безличная *ожидается* – для

программ, что позволяет в последнем случае предположить большую дистанцированность автора от содержания своего высказывания;

б) продуктивность конструкции ЭМ в функции безличного предиката + косвенное дополнение (*планируется увеличение*) вместо ЭМ в функции безличного предиката + пропозиция в придаточном предложении (*планируется, что будут увеличены*) (соотношение 1:9).

Эта конструкция (роль ЭМ выполняет деепричастие) + пропозиция позволяет достичь компрессии текста при оформлении преамбулы концептуально значимых документов (Основного Закона Тульской области, нормативных актов международного значения – соглашений между областью и иностранными государствами). Например, *признавая права и свободы человека и гражданина как высшие ценности, понимая необходимость сохранения целостности Российского государства <...>, сознавая ответственность перед населением Тульской области, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, Тульская областная Дума <...> принимает настоящий Устав (Основной Закон) Тульской области* [5].

Присущими только официально-деловому стилю являются клишированные элементы ЭМ *заслушав и обсудив, принимая во внимание*, обязательные для преамбулы распорядительных документов. Оперирование этими единицами позволяет автору не только обосновать управленческое решение, но и продемонстрировать аналитическую работу: «Инференция предполагает мыслительное усилие, устанавливающее причинно-следственные связи» [8. С. 87], поскольку в распорядительной части могут быть приняты разные управленческие решения (не только *принять, одобрить, утвердить*, но и *отклонить, исключить, отказать*).

В электронных документах, включенных в справочно-правовые системы «Гарант», «КонсультантПлюс», являющиеся официальными источниками правовой информации, традиционная структура ЭВ модифицируется. ЭВ встраиваются в высказывание с директивной интенцией при условии, что модус ЭМ является обстоятельством причины, а пропозиция (в виде цитации) актуализируется при переходе по гипертекстовой ссылке на первоисточник информации. Система гипертекстовых ссылок демонстрирует согласованную работу органов и ветвей власти.

Используя ЭМ *полагать* (17) в контексте жанров отчета, обращения, предложения, субъект модуса не считает свое высказывание бесспорно верным, хотя для этого у него есть достаточные основания. Употребление ЭМ разрушает стереотипный образ коллективного автора документа, продуцирующего властные веления, наделенного полномочиями в рамках своей компетенции и, как следствие, категоричного, не допускающего возражений: *Полагаем, что такая практика <практика принятия законов сразу в трех чтениях> чревата недостаточной проработкой законов (и, как показывает практика, зачастую такие нормы приходится еще неоднократно совершенствовать и устранять явные недостатки и противоречия)* [5].

В ядро микрополя инференциальности включаются модальные слова, указывающие на выводной характер информации и функционирующие в высказывании, как правило, в качестве вводных компонентов: *очевидно, действительно, конечно, естественно, по-видимому, возможно*. В зависимости от их семантики высказывание может реализовывать разные интенции (см. табл. 1).

Таблица 1

Взаимоотношение интенции, жанра документа и эвиденциальных маркеров

Интенция	ЭМ, частотность	Жанр документа
Подчеркнуть уверенность в достоверности информации	<i>естественно</i> (4)	отчет, информация, программа
	<i>конечно</i> (29)	обращение, послание, депутатский запрос, доклад, информация, концепция, программа, отчет, прогноз, сообщение
	<i>действительно</i> (3)	программа, доклад, отчет
Выразить вероятность истинности высказывания; проявить осторожность в оценке и прогнозах	<i>на наш взгляд</i> (14)	отчет, обращение, послание, сообщение, информация
	<i>очевидно</i> (10)	программа, доклад, сообщение, отчет
	<i>возможно</i> (1)	программа
	<i>по-видимому</i> (1)	программа

Семантика единиц *на наш взгляд, очевидно, возможно, по-видимому* включает компонент неуверенности в утверждаемом. Содержанием пропозиции является недостоверная, или неточная, или непроверенная информация: *В среднем по области у 15 процентов больных СПИДом выявлен туберкулез. В Щекинском районе эти цифры несколько ниже, по-видимому, из-за низкого процента обследования ВИЧ-инфицированных на туберкулез* [5].

В документах перечисленных жанров наиболее отчетливо проявляется личностная включенность автора. Это разрушает цельность образа коллективного автора документа, дробит его, поскольку для него характерны не только уверенность, безапелляционность в выводах, обусловленные статусом, но и сомнения, колебания. Однако для единиц *действительно, очевидно, вероятно, возможно* включение в модус высказывания в качестве вводных слов не характерно (например, *очевидно* – 5 %); как правило, они функционируют в роли предиката в диктальной части высказывания, актуализируя в этой функции сему ‘уверенность, убежденность’. Например, *очевидно, что потребности предпринимателей в финансовых ресурсах значительно превышают имеющиеся возможности бюджета* [5]. Впрочем, низкая частотность ЭВ с модальными словами свидетельствует о стремлении автора-разработчика к объективному изложению информации.

Итак, несмотря на условность языка законодательства, цели использования показателей косвенной эвиденциальности со значением инференции в официальных документах и обыденной речи совпадают, различаются лишь особенности их оформления. Индиректив размывает стереотипные представления о монолитности образа коллективного автора документа, продуцирующего тексты с прагматической и семантической спецификой воли, долженствования. Как свидетельствует иллюстративный материал, в текстах документов определенных жанров автор демонстрирует не только уверенность, обусловленную статусом, но и сомнения, колебания, выражает вероятность истинности высказывания.

Библиографический список

1. Dankoff R., Kelly J. Mahmūd al-Kāšyarī Compendium of The Turkic Dialects (Dīvānu Luyāt at-Turk). Part I. Cambridge, MA: Harvard Üniversite Press, 1982.
2. Dozon A. Manuel de la langue Chkipe ou Albanaise. Paris: Leroux, 1879.
3. Boas F. Handbook of American Indian languages. Washington: G.P.O, 1911.
4. Jakobson R. Shifters, Verbal Categories, and the Russian Verb. Cambridge: Harvard University, 1957.
5. Справочно-правовая система КонсультантПлюс: ТульскийВыпуск // Электронный ресурс Интернет: http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=home&utm_csource=online&utm_medium=button.
6. Григоренко М.Ю. Функционально-семантическое поле эвиденциальности в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2011.
7. Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 672 с.
8. Козинцева Н.А. Косвенный источник информации в высказывании // Эвиденциальность в языках Европы и Азии: Сборник статей. СПб.: Наука, 2007. С. 85-103.

Сведения об авторе

Киреева Елена Закировна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры документоведения
Тульского государственного
педагогического университета им. Л.Н. Толстого
E-mail: 189107032507@yandex.ru

УДК 811.111'342.73

ЭМОТИВНО-НЕМАРКИРОВАННАЯ ПРОСОДИЯ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

Т.М. Огородникова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматривается феномен эмотивно-немаркированной просодии с лингвокультурологической точки зрения. Эмотивно-немаркированная просодия трактуется как явление британской фонетической культуры речи. Особенности просодической организации эмотивно-немаркированной речи рассматриваются на основе тональных параметров в ряде ситуаций общения на «дальней дистанции» в британском обществе.

Ключевые слова: фонетическая культура речи, эмотивно-немаркированная просодия, интеллектуально-оценочные субъективно-модальные значения, тональный компонент, частота основного тона.

Emotively Unmarked Prosody as a Linguo-Culturological Phenomenon

Tatyana Ogorodnikova

The article investigates emotively unmarked prosody from the linguo-culturological point of view, as a phenomenon of the British phonetic speech culture, analysing emotively unmarked prosodic structures on the basis of tone parameters in situations of formal communication in the British society.

Key words: phonetic level of discourse, emotively unmarked prosody, intellectual subjective modal elements, tone, pitch.

Фразовая просодия предоставляет важные сведения о менталитете, национальном характере и ценностях носителей языка. В разных лингвокультурах одним и тем же просодическим моделям могут приписываться разные значения. Во многих ситуациях межкультурного общения непонимание между собеседниками обусловлено именно ошибками в выборе просодических средств. Успешное взаимодействие в процессе межкультурной коммуникации обеспечивается не только тем, *что* сообщается в предложении, но и тем, *как* оно произносится [1. С. 197].

Сложность изучения просодии в лингвокультурологическом аспекте связана с проблемой осознанности употребления просодических средств. С одной стороны, выбор конкретных просодических параметров для передачи того или иного значения не всегда является осмысленным. С другой стороны, неправильно

утверждать, что использование средств фразовой просодии носит неосознанный и неконтролируемый характер. Правомерно полагать, что существуют определенные просодические модели, свойственные конкретному языку, регулярно воспроизводящиеся представителями той или иной культуры и имеющие постоянный характер [2. С. 44].

Настоящая статья нацелена на изучение эмотивно-немаркированной просодии как совокупности просодических моделей, отражающих специфику британской фонетической культуры речи и характеризующих многочисленные ситуации общения в британской лингвокультуре.

Существующие в любом языке просодические модели являются неотъемлемой частью культуры речи как сложного единства коммуникативных качеств речи, нормативных, этических и эстетических тенденций. Необходимым условием высокой культуры речи является тщательный отбор и организация языковых средств для обеспечения эффективности общения [3. С. 13]. Культура речи регламентирует использование языковых средств всех уровней, в том числе и фонетического, в связи с чем ряд исследователей педагогического направления предлагают термин «фонетическая (звуковая) культура речи».

Фонетическая культура речи трактуется как сложное единство знаний тактики коммуникации, нормы функционирования единиц звучащей речи в разных ситуациях общения, а также умений пользоваться акустико-артикуляционными, ритмико-мелодическими, акцентуационными, темпоральными средствами, модально-эмоциональными окрасками и пр. для создания необходимого коммуникативного эффекта в процессе общения [4. С. 131]. Фонетическая культура речи регулирует использование как сегментных, так и просодических (супraseгментных) средств.

Одной из главных особенностей британской фонетической культуры речи является строгое соблюдение правил уместности, т.е. организация звучащей речи в соответствии с конкретной ситуацией, в общении с конкретными людьми, при обсуждении определенной темы [5. С. 118]. Требования уместности к просодическому компоненту британской фонетической культуры речи детерминируют выбор эмотивно-маркированных или эмотивно-немаркированных просодических моделей в зависимости от ситуации общения. Сфера личных контактов, т.е. общение на «ближней дистанции», допускает

значительную степень эмотивной окрашенности просодии. В отношениях «дальней дистанции» (в рабочем, деловом, учебном, научном, информативном, инструктирующем общении) для британцев уместен выбор эмотивно-немаркированной просодии.

Эмотивно-немаркированная просодия является важнейшим компонентом британской фонетической культуры речи. Она представляет собой совокупность просодических моделей, не отмеченных признаком эмотивности. Эмотивно-немаркированная просодия может рассматриваться как своеобразный супрасегментный «продукт» отличительных черт британского поведения – рационализма, эмоциональной сдержанности, строгого соблюдения приватности, вежливости отдаления [6. С. 86], традиционализма и пр. Все эти значимые черты, составляющие явление «Englishness», находят свое отражение в эмотивно-немаркированной просодии. Таким образом, изучение эмотивно-немаркированных просодических моделей способствует организации успешного взаимодействия с носителями языка на уровне фразовой просодии.

Лингвокультурологическая значимость исследования эмотивно-немаркированной просодии также связана с изучением категории эмотивности в британской лингвокультуре. Анализ эмотивно-окрашенных просодических моделей невозможен без знания и учета эмотивно-немаркированной просодии как некоторой «отправной точки», своеобразного нейтрального фона, на котором отражаются все вариации в сторону эмотивной окрашенности. Эмотивно-немаркированная просодия предоставляет важные сведения о специфике вербализации эмоций в речи британцев.

Термин «эмотивно-немаркированная просодия» представляется более предпочтительным, чем термин «нейтральная просодия». Это связано с тем, что нейтральность подразумевает полную свободу от субъективного компонента в речи, что, скорее всего, существует лишь условно. Вероятно, нейтральная просодия является абстракцией, которую невозможно воспроизвести, а можно лишь синтезировать в условиях создания искусственной речи [7. С. 108]. В исследованиях естественной речи за точку отсчета правомерно взять эмотивно-немаркированную просодию, которая допускает минимальную степень субъективного элемента неэмотивного характера. Эмотивно-немаркированные просодические модели используются в конкретных

ситуациях общения, в то время как нейтральная просодия выступает в роли некой абстракции.

Основу эмотивно-немаркированной просодии составляет сдержанная, бесстрастная фонация, направленная на информирование собеседника. Однако, как отмечалось выше, живая речь в редких случаях бывает полностью свободной от субъективной оценки говорящего. Доля субъективности возрастает или снижается в зависимости от экстралингвистического контекста порождения речи. В некоторых случаях в эмотивно-немаркированной просодии появляются элементы, отражающие субъективное отношение говорящего к презентуемым сведениям. Такого рода явления в эмотивно-немаркированной просодии имеют неэмотивную природу и выражают спектр субъективно-модальных значений (СМЗ) интеллектуально-оценочного характера. В основе интеллектуально-оценочных СМЗ находится рациональная оценка, которая подразумевает отношение, основанное на мнении, а не на чувстве (как в случае эмоциональной оценки) [8. С. 42].

В рамках исследования эмотивно-немаркированной просодии интеллектуально-оценочные СМЗ были условно разделены на положительные и отрицательные (см. табл. 1).

Таблица 1

Интеллектуально-оценочные СМЗ
в эмотивно-немаркированной просодии

Положительные	Отрицательные
уверенность	неуверенность (сомнение)
определенность	неопределенность
ясность	неясность
заинтересованность	незаинтересованность
согласие	несогласие
одобрение	неодобрение
удивление	

СМЗ уверенности / неуверенности (сомнения) предполагают отношение говорящего к презентуемой информации как к достоверной / недостоверной, истинной / ложной. СМЗ определенности / неопределенности, а также ясности / неясности выражают оценку информации как точной / неточной, четкой / нечеткой. СМЗ заинтересованности / незаинтересованности передают кратковременные проявления интереса или безразличия говорящего к

сообщаемым сведениям. Использование СМЗ согласия / несогласия выражает единство / отсутствие единства между мнением говорящего и презентуемым мнением. СМЗ одобрения / неодобрения выражают солидарность / отсутствие солидарности с предлагаемыми сведениями, признание правильности / неправильности того, о чем сообщается. СМЗ удивления не имеет отрицательного соответствия и предполагает когнитивную реакцию на неожиданную информацию. Весь предложенный спектр интеллектуально-оценочных СМЗ основывается на мыслительных процессах говорящего, его когнитивной обработке представляемых сведений.

Изучение эмотивно-немаркированных просодических моделей осуществляется в данной статье на материале ряда ситуаций общения на «дальней дистанции» в британском обществе:

- научное и образовательное общение (лекции, начитанные статьи);
- информирующее общение (новостные выпуски Би-би-си, документальные передачи);
- инструктирующее общение (обучение компьютерным технологиям).

Эмотивно-немаркированная просодия исследуется здесь с точки зрения тональных параметров, т.е. показателей частоты основного тона (ЧОТ). Тональные характеристики представляют собой важный компонент просодической организации высказывания. Е.А. Брызгунова отмечает, что в нейтральной интонации именно изменение тона играет ведущую роль для передачи смысловых значений [9. С. 43].

На материале фрагментов аудиозаписей, иллюстрирующих ситуации общения на «дальней дистанции», анализировались следующие тональные параметры:

- 1) среднее максимальное и минимальное значение ЧОТ;
- 2) средняя высота ЧОТ в начале и в конце синтагмы;
- 3) средняя высота ЧОТ на предъядерном слоге (ПЯС), ядерном слоге (ЯС) и заядерном слоге (ЗЯС);
- 4) средний тональный диапазон в синтагме;
- 5) средний индивидуальный уровень ЧОТ;
- 6) направление движения тона на ПЯС, ЯС и ЗЯС, а также в синтагме в целом.

Полученные замеры демонстрируют как сходства, так и отличия тональных параметров в разных ситуациях общения на «дальней дистанции». Для удобства показатели ЧОТ были округлены и разделены на мужские и женские (см. табл. 2).

Таблица 2

Показатели ЧОТ в эмотивно-немаркированной просодии

Параметр ЧОТ (Гц)	Новостные выпуски Би-би-си		Документальные выпуски		Начитанные статьи		Лекции		Инструкции	
	муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен
Средняя max ЧОТ	189	278	168	313	198	292	179	233	146	332
Средняя min ЧОТ	81	128	80	137	68	130	86	126	88	162
Средний диапазон ЧОТ	102	149	88	193	131	161	92	108	88	175
Средняя индивидуальная ЧОТ	122	199	124	233	133	211	134	190	117	232
Средняя ЧОТ начала синтагмы	151	188	129	214	127	216	143	192	103	232
Средняя ЧОТ конца синтагмы	104	166	83	166	72	168	95	144	100	212
Средняя ЧОТ ПЯС	125	186	113	209	118	180	130	166	98	201
Средняя ЧОТ ЯС	145	216	132	213	127	216	132	186	110	212
Средняя ЧОТ ЗЯС	118	175	106	171	81	164	104	140	96	199

Полученные сведения демонстрируют закономерные различия как в индивидуальных показателях, так и в показателях мужской и женской речи. В целом, мужские замеры ЧОТ имеют больше сходств в разных ситуациях общения на «дальней дистанции», в то время как женская речь оказывается более подверженной воздействию индивидуальных особенностей. Практически все женские показатели ЧОТ колеблются в более широких пределах, чем мужские.

Значительное единство наблюдается в средних минимальных ЧОТ (у мужчин – 65-90 Гц, у женщин – 125-160 Гц), средних индивидуальных ЧОТ (во фрагментах мужской речи – 115-125 Гц, в женской – 190-235 Гц), средних ЧОТ ядерных слогов (у мужчин – 110-145 Гц, 185-215 Гц у женщин). Это свидетельствует об использовании сходного тонального уровня в разных ситуациях общения на «дальней дистанции», а также о системности тональных показателей на ядерных элементах синтагмы. Также наблюдается общая закономерность в повышении уровня ЧОТ на ядерном слоге синтагмы по сравнению с предъядерной и заядерной частями. ЧОТ начала и конца синтагмы иллюстрирует тенденцию к постепенному снижению тонального уровня во всех аудио фрагментах.

Наибольший разброс значений как у мужчин, так и у женщин наблюдается в показателях тонального диапазона. Это подтверждается подсчетами дисперсии, среднеквадратичного отклонения и коэффициента вариации по каждому просодическому параметру. Сужение и расширение тонального диапазона в эмотивно-немаркированных просодических моделях в значительной степени носит стихийный и индивидуальный характер и обуславливается экстралингвистическими условиями порождения речи.

С перцептивной точки зрения, фрагменты эмотивно-немаркированной просодии демонстрируют: 1) единство в выборе направления мелодического движения в синтагме; 2) вариативность в выборе ядерных тонов.

Нисходящий ступенчатый мелодический рисунок является превалирующим во всех исследуемых аудио фрагментах, иллюстрирующих эмотивно-немаркированную просодию (см. рис. 1).

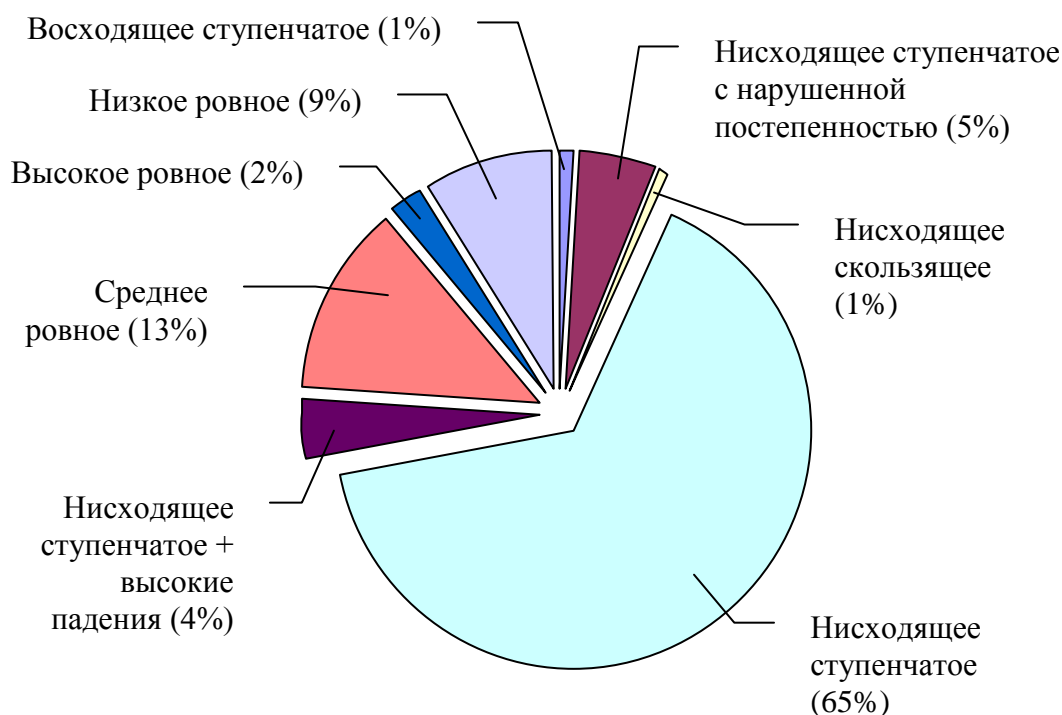

Рисунок 1. Распределение типов тонального движения в синтагмах

Также встречаются разновидности нисходящего ступенчатого тонального движения – нисходящая ступенчатая шкала с нарушенной постепенностью (с подъемом на ключевом элементе синтагмы) и нисходящая ступенчатая шкала с рядом высоких падений. Эти варианты используются для особого смыслового выделения отрезков синтагмы, для привлечения внимания слушателей.

The World Health organization predicts | that tobacco will kill more than ↑8 million people worldwide...

Часто используется ровное тональное движение, которое в совокупности составляет 24% от всех типов тонального движения. В основном говорящие пользуются ровным мелодическим движением среднего и низкого уровней для уточнений и дополнений.

We are going to take a look at a typical memory problem | re>lating to >dot >Net >usage of >unmanaged memory.

Ровное тональное движение в сочетании с разнообразными ядерными тонами обеспечивает вариативность мелодики.

Редко используются другие типы тонального движения (нисходящее скользящее, восходящее и пр.), что обусловлено их оценочным характером.

Значительно большее разнообразие наблюдается в использовании ядерных тонов (см. рис. 2).

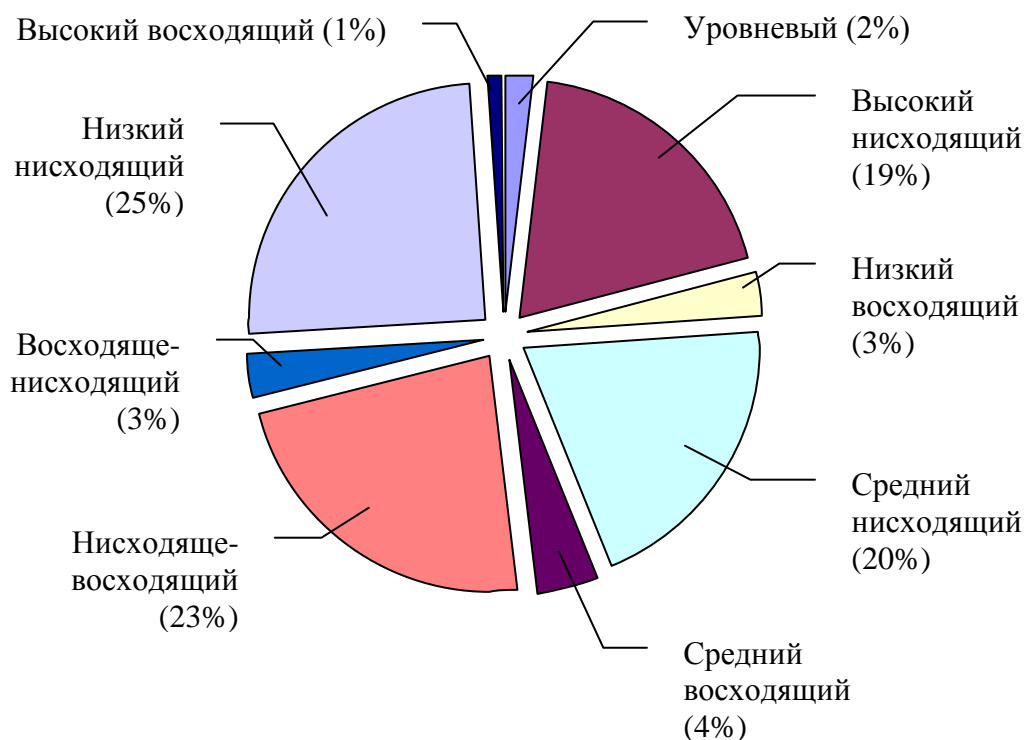

Рисунок 2. Распределение типов ядерного тона в синтагмах

Наиболее частотными являются нисходящие ядерные тоны. Низкий и средний нисходящие тоны выражают законченность, финальность синтагмы. В совокупности с нисходящим или ровным тональным движением эти ядерные тоны могут передавать частотные для эмотивно-немаркированной просодии СМЗ уверенности и определенности.

'Trust should be 'guarded to the end.

Высокий нисходящий тон часто носит оценочный характер и служит для привлечения внимания слушателей к определенному элементу синтагмы. Он может выражать СМЗ:

1) удивления (чаще всего на числительных):

...but has the potential | to >carry up to >eight `hundred passengers;

2) заинтересованности:

But it 'also inter`nationalized him;

3) уверенности:

The 'free 'flow of infor'mation is 'vital to de`mocracy;

4) определенности:

'This 'concept has been a'round for `thousands of years.

Другим распространенным типом ядерного тона является сложный нисходяще-восходящий тон. Он характерен для групп перечисления, вводных и уточняющих элементов, а также для нефинальных синтагм. За счет использования этого тона достигается связность, плавность и мелодичность речи.

A 'century and a `half a'go | it took two weeks for news...

Другие типы терминальных тонов встречаются в эмотивно-немаркированной просодии сравнительно редко. Восходящие тоны используются для связывания синтагм. В ряде случаев в сочетании с ровным тональным движением было отмечено употребление средних уровневых тонов, которые придавали синтагме монотонное звучание и были сложны для восприятия.

Мелодика эмотивно-немаркированной речи различается в зависимости от ситуации общения. Наиболее бесстрастный и сдержанный характер имеет просодия инструктирующего общения, в котором практически отсутствуют оценочные элементы, а степень вариативности используемых просодических средств незначительна. Просодические модели инструктирующей речи представляют собой сочетание нисходящей ступенчатой шкалы и низкого или среднего нисходящего тона в финальных синтагмах и нисходяще-восходящего тона в синтагмах нефинального характера.

If you 'need 'help `logging in | or if you re'quire 'help `registering, | you can 'view our 'step-by-'step `video 'guides | on the In'vestor 'Center homepage.

Лекции имеют сходное тональное оформление, однако в них чаще встречаются СМЗ (в основном уверенности и определенности). Это связано со спецификой лекции как ситуации общения, которая предполагает обоснованную, доказательную и взвешенную манеру преподнесения информации.

To com'plete a 'cycle of `sixty 'years | is con'sidered es'pecially joyful | in China.

Наибольшая вариативность мелодических средств наблюдается в новостных выпусках Би-би-си. В них используются разнообразные шкалы и ядерные тоны – восходящее ступенчатое и нисходящее скользящее тональное движение, ровные и восходяще-нисходящие

ядерные тоны. Значительно чаще встречаются интеллектуально-оценочные СМЗ:

...the beaches at Sharm-el-Sheikh are to reopen, | but 'only after 'strict 'new 'safety 'measures are in place (нисходящая ступенчатая шкала с низким нисходящим падением выражает СМЗ уверенности + СМЗ одобрения).

| There will be con'tinuous pa'trols | by boats close to shore (восходящая ступенчатая шкала с высоким нисходящим падением передает СМЗ удивления).

In spite of fre\netic diplo\matic ac'tivity / between Washington and Moscow... (нисходящая скользкая шкала с нисходяще-восходящим ядерным тоном выражает СМЗ неодобрения).

Документальные выпуски и начитанные статьи также обнаруживают значительную вариативность мелодических параметров. Однако тональные элементы, выражающие оценочность в речи новостных дикторов Би-би-си, в документальных выпусках чаще используются для расстановки логических акцентов и обеспечения информативности текста.

Тональный компонент эмотивно-немаркированной просодии предоставляет важные сведения о британской фонетической культуре речи в целом и о специфике просодической составляющей общения на «дальней дистанции» в частности. Владение эмотивно-немаркированными просодическими структурами позволяет следовать нормам британского поведения в процессе общения с носителями языка и способствует организации эффективного взаимодействия с британцами на уровне фразовой просодии.

Дальнейшее изучение эмотивно-немаркированной просодии в лингвокультурологическом аспекте предполагает расширение экспериментальной базы исследования, анализ других просодических параметров, сопоставление просодических моделей в разных ситуациях общения на «дальней дистанции», а также рассмотрение эмотивно-немаркированной просодии с точки зрения меняющейся британской произносительной ситуации.

Библиографический список

1. Шевченко Т.И. Фонологические категории как объект лингвокультурологического анализа // Вестник МГЛУ. Вып. 1 (634). Фонетика, фонология и межкультурная коммуникация. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2012. С. 188-200.
2. Пальянов И.П. Эмотивность просодии британской диалогической речи и ее инокультурная интерпретация (экспериментально-фонетическое исследование): Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 223 с.
3. Культура русской речи и эффективность общения / Под ред. Л.К. Граудиной, Е.Н. Ширяева. М.: Наука, 1996. 441 с.
4. Милютинская Н.Ю. Фонетическая культура речи как стилеобразующий фактор речевой коммуникации // Вестник Удмуртского университета. Вып. 2. История и филология. Ижевск, 2010. С. 129-134.
5. Шевченко Т.И. Социальная дифференциация английского произношения. М.: Высш. шк., 1990. 142 с.
6. Стернин И.А., Ларина Т.В., Стернина М.А. Очерк английского коммуникативного поведения. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2003. 185 с.
7. Рябова О.В. О различении нейтральной и ненейтральной интонации // Русский язык как иностранный и методика его преподавания. XXXVI Международная филологическая конференция. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2007. С. 105-109.
8. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
9. Брызгунова Е.А. О смысловозначительных возможностях русской интонации // Вопросы языкознания. 1971. №4. С. 42-52.

Сведения об авторе

Огородникова Татьяна Михайловна
аспирант кафедры английской филологии
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: ryabova.tm@gmail.com

УДК 811.521'276

АРГО КУРТИЗАНОК Ю:РИГО И ОБЩИЙ ЯЗЫК В ЯПОНИИ

Ю.Ю. Панченко

Московский государственный университет им М.В. Ломоносова, Москва

Целью настоящей работы является установление роли, сыгранной арго куртизанок *ю:риго* на становление общего языка в Японии в эпоху Эдо. Кроме того, исследуется вопрос о связи *ю:риго* с *кё:цу:го* – общим языком современной Японии. С этой целью описываются особенности грамматической и лексической подсистем *ю:риго*, выявляются социальные условия его функционирования в эпоху Эдо, а также распространение отдельных его элементов в современном Токио.

Ключевые слова: *ю:риго*, *кё:цу:го*, общий язык в Японии.

Courtesans' Argot *yurigo* and the Common Language in Japan

Yury Panchenko

The article attempts to determine ways in which courtesans' argot *yurigo* influenced the process of the common language formation in Japan during the Edo period as well as to research the relationship between *yurigo* and *kyotsugo* (the common language of modern Japan). With these two goals in view, it describes some peculiarities of the grammatical and lexical subsystems of *yurigo*, in order to identify the social conditions of *yurigo*'s functioning during the Edo period and to look at the usage of some of its elements in modern Tokyo.

Key words: *yurigo*, *kyotsugo*, the common language in Japan.

В советском и российском японоведении арго куртизанок *ю:риго* эпохи Эдо (1603-1868) исследовано недостаточно подробно. Упоминания об отдельных грамматических явлениях можно встретить у Н.А. Сыромятникова [1], а вопрос о формировании эдосского диалекта затрагивается у В.А. Алпатова [2]. Однако как таковые вопросы социальных условий функционирования *ю:риго*, его влияния на общий язык в Японии в отечественном японоведении не рассматриваются. Поэтому в данной статье мы бы хотели осветить отдельные аспекты функционирования *ю:риго*, его грамматические и лексические особенности и его роль в формировании общего языка в Японии.

1. Происхождение ю:риго.

Традиция увеселительных заведений известна в Японии ещё с древности. Так, например, уже в поэтической антологии VIII века «Манъёсю» встречаются упоминания о *ю:дзё* (собирательное название куртизанок), а стихотворения 4047-4067 из 18-го тома

представляют собой песни, прочитанные *ю:дзё*. С укреплением государства, ростом торговли, увеличением доходов жителей, росла и популярность увеселительных заведений, что в итоге привело в эпоху Муромати (1336-1573) к признанию и официальному разрешению деятельности увеселительных кварталов *ю:каку* (*ю:ри*). В *Сикидо:о:кагами* «Великое зеркало пути любви» (энциклопедия 1670-х гг., посвящённая *ю:каку*) говорится о 25 *ю:каку*, разбросанных по всей Японии. Наиболее крупными *ю:каку* были кварталы Симабара в Киото, Синмати в Осаке и Ёсивара в Токио (общее название – *Санганоцу*). Именно их язык (*ю:риго*) служил моделью и эталоном для всех остальных *ю:каку* страны и в результате этого распространялся по территории страны. С течением времени в каждом из этих трёх кварталов возникали собственные языковые формы, отсутствующие в других *ю:риго*. Однако, несмотря на наличие небольших различий между тремя вариантами *ю:риго*, видимо, его всё-таки можно рассматривать как относительно гомогенную сущность [3. С. 6].

Думается, что возникновение специфических языковых форм *ю:риго* обусловлено по меньшей мере двумя причинами. Во-первых, оно связано с административной необходимостью управления женщинами-выходцами из разных регионов Японии, в чьей речи неизбежно присутствовало много диалектальных форм, непонятных как *ю:дзё*-выходцам из других регионов, так и посетителям увеселительных кварталов. О *ю:риго* часто говорят как о языке «сделанном», «созданном [искусственно]». Это объясняется именно тем, что женщины, работавшие в *ю:каку*, являлись уроженками разных регионов Японии, что обусловило необходимость унифицировать используемый язык для успешной коммуникации с посетителями. Кроме того, необходимость «создания» своего языка также служила цели придания речи налёта элегантности – одного из элементов культуры *ю:дзё*.

Дальнейшее использование *ю:риго* и его длительное существование (вплоть до эпохи Мэйдзи, когда *ю:каку* оказались под запретом) объясняется как его престижным статусом в японском обществе эпохи Эдо, так и его функционированием в качестве языка для «своих» внутри *ю:каку*. Это способствовало языковой идентификации работников увеселительных кварталов, приводило к консервации места *ю:каку* в социальной структуре жёстко

стратифицированного эдосского (и шире – японского) общества и позволяло противопоставить *ю:каку* другим слоям японского общества.

Следует отметить, что общество того времени было структурировано по сословному принципу *сино:ко:сё:*, согласно которому в обществе выделялось четыре сословия: воины, земледельцы, ремесленники, торговцы. Кроме того, имела место связь между социальным статусом человека и территорией его проживания. Например, в воинском сословии среди *хатамото* – высшего самурайского ранга, представители которого находились в прямом подчинении сёгуна, – было много выходцев из *То:кай* и *Каи* (совр. преф. Яманаси). Среди городского населения торговцы были выходцами из столичного региона, ремесленники и рабочие – из региона Канто. В Яманотэ в Эдо жили в основном воины, а в Ситамати были сконцентрированы ремесленники, торговцы и рабочие. Каждому из этих районов был привычен собственный уклад жизни. Такое географическое, сословное и бытовое разделение не могло не отразиться в языке [4. С. 166].

Таким образом, в зависимости от рода деятельности и социального статуса люди употребляли разные языковые единицы. Существовали также различия в формах, использовавшихся эдоскими мужчинами и женщинами, в речи первых часто встречались элементы языка воинского сословия, в речи вторых – элементы *ю:риго*.

В настоящей работе под *ю:риго* понимаются языковые формы, которые использовали в речи женщины увеселительных заведений Эдо при обхождении с гостями. Поскольку такие женщины жили в территориально ограниченных кварталах *ю:каку*, изначально *ю:риго* был локализован в их пределах, однако с течением времени благодаря в большой степени тому, что гости после посещения *ю:каку* возвращались в город, формы *ю:риго* попадали в речь простых горожан. В таких кварталах сложились церемониальные системы ведения бесед, обслуживания гостей и т.п., которые впоследствии войдут в общий язык того времени.

Под общим языком эпохи Эдо будет пониматься язык социальных контактов *сяко:ё:го*, которым должны пользоваться хорошо воспитанные и образованные люди.

Становление общего языка эпохи Эдо проходило на протяжении длительного времени. Начало эпохи Эдо отмечено сильным культурным и языковым влиянием столицы, язык которой активно использовался и в Эдо. Под его влиянием происходило формирование собственного местного диалекта *эдого* – «языка Эдо».

С середины XVIII века происходит угасание столичного влияния и окончательно формируется эдосский диалект. Не последнюю роль в истории развития *эдого* сыграл *ю:риго*, элементы которого станут компонентом общего языка эпохи Эдо.

2. Грамматические особенности.

Поскольку, несмотря на высокий уровень образования и воспитания, куртизанки имели низкий общественный статус, при общении с посетителями они были вынуждены использовать различные этикетные вежливые формы, которыми изобилует *ю:риго*. Нередки различные случаи фонетических изменений, которые приводят к образованию новых грамматических форм. По названию одной такой формы (*аринсу*) эдосский *ю:риго* получил название *аринсу котоба* – «язык аринсу», а квартал Син-Ёсивара (прим. 1) стал в обиходе называться *аринсу-коку* – «страна аринсу».

К средствам выражения вежливости по отношению к собеседнику (*тэйнэйго*) можно отнести, например, формы, образовавшиеся в результате фонетических изменений глаголов с суффиксом *-масу* и глагола *годзару*.

Из *-масу* образовались:

1) *-ису*: Игокасэмо:су кото ва нариисэн. «Не заставляет [господина] двигаться» [5. С. 79];

2) *-нсу*: Фурицукэтэ яринсита «[так как было противно,] отказалась и не пошла [с ним]» [5. С. 74];

3) *-инсу*: Омаэсама ва о-мивасурэ мо:сиинситэ годзаримасу. «Я не узнаю Вас» [5. С. 74].

Из *годзару* образовались:

1) *годзаринсу*: Айсацу ва синику: годзаринсу «Сложно разговаривать с ним» [5. С. 76];

2) *одзансу*: О-мэ-ни какаринситэ о-урэсю: одзансу «[Госпожа] радуется тому, что встретила с Вами» [5. С. 77];

3) *годзаису*: Тэйсю ва дотти-э дэ годзаису. «Где Ваш муж?» [5. С. 74];

4) аринсу: Иссо синдара коно укимэ ва аринсу мэ: то омоинсу «Думаю, что вряд ли его смерть будет таким несчастьем» [6];

5) дзамасу: Ватики я:, кона омикудзи ва кираидзамасу. «Что касается меня, то я не люблю подобные омикудзи» (прим. 2) [7].

Перечисленные выше формы 1-4 могли употребляться как самостоятельно, выражая значение учтивости (являясь почтительно вежливыми эквивалентами глаголов *ару* «быть, иметься», *иру* «быть»), так и в качестве вспомогательных глаголов категории адрессива – средства подчёркнутой вежливости к собеседнику. Также широко была распространена конструкция с глаголом *мо:су*: Ватаси га томэмо:садзу то ё: одзансу «Мне можно [Вас] не задерживать» [5. С. 80].

Видимо, из приведённых глаголов наиболее часто встречался в речи *аринсу*, поскольку характерные для *ю:риго* вышеприведённые выражения часто называются «аринсу котоба» или «инсу котоба».

В сярэбон (прим. 3) *сонкэйго* – средства выражения почтительной вежливости к уважаемому лицу – представлены гораздо более обширно. Так, многие из форм тэйнэйго, перечисленных выше, могли употребляться в гонорифическом значении: например, *годзаринсу*, *годзансу*, *годзарису* выступали также гонорифическими эквивалентами глаголов *ику*, *куру*, *иру*. Практически все приведённые глаголы, производные от *годзару*, являлись *сонкэйго* от *ару*.

Существовали, например, гоноративные глаголы *наимасу*, *намасу*, *нансу*, *сассяру* для *насару*, *оссэйсу*, *оссэ:су*, *оссэнсу* для *оссяру*. Распространёнными в речи *ю:дзё* были также аналитические формы с *нансу*: Мё:аса о-ёри-нанси «Приходите завтра утром» [5. С. 76]; Ватти о митэ надзэ нигэнансу э? «Почему Вы убегаете, нас увидев» [5. С. 76].

Также для выражения почтительной вежливости использовались конструкции с глаголом *асобасу*: О-идэ-асобаси симасита «Добро пожаловать» [5. С. 75].

Таким образом, система этикетной вежливости в *ю:риго* была развита достаточно широко.

3. Лексические особенности.

Считается, что специфическая лексика, присущая *ю:каку*, возникла из необходимости коммуникации его работников в ситуациях, когда они находились на виду у гостей. Вторым источником лексики

были нравы, быт, материальная обстановка внутри *ю:каку*, которые влекли за собой формирование новых терминов [4. С. 166].

К первому типу можно отнести такие слова, как *сингодза* (сокращение от *сингодзаэмон* – имя собственное) – *буси* «воин», *мукафу но хито* (букв. «человек напротив») – *сития* «ломбард», *вакэ* (букв. «причина») – *кои но икисацу* «любовные осложнения».

Немало лексики, связанной с обычаями и профессиональной деятельностью *ю:каку*: *ёко ни ику* (букв. «идти по боковой стороне») – «переход в другое поместье женщины, уже имеющей клиента», *тэ га ару* (букв. «имеющий руки») – о женщине, умеющей искусно угождать гостям.

Существовала также специальная терминология, отражающая ранговую стратификацию внутри *ю:каку*: *таю:* (высший ранг) – *ко:си* – *тю:сан* – *синдзо:* (низший ранг).

Многие слова, относящиеся к *ю:риго*, получили повсеместное распространение. Среди таких слов можно отметить, например: *суй* – «хороший вкус, утонченность», *цу:* – «знаток, авторитет», *ябо* – «неотёсанный, грубый», *убу* – «простодушие, наивность», *ямадаси* – «провинциал», *вакэсири* – «знающий», *мабу* – «любовник», *миукэ* – «выкуп», *мидзуагэ* – «выручка», *синтю:* – «сокровенные мысли», *тива* – «любовники», *ко:дзэцу* – «пустые слова, неподкреплённые делом», *надзими* – «старое знакомство, близкие отношения», *нукэгакэ(суру)* – «опередить», *юсуру* – «вымогать, шантажировать», *барэру* – «быть разоблачённым, обнаружиться», *сярэта* – «модный, со вкусом». В общий язык того времени (*сяко:ё:го*) вошли также некоторые фразеологизмы *ю:риго*: *ура о каэсу* – «[если говорить] честно, на самом деле» [8. С. 12].

4. Связь *ю:риго* с общим языком.

К XVIII веку уже появляются представления о *сяко:ё:го*. Например, в *сярэбон* «Диалект ю:ри», повествующем о нравах и жизни публичных домов Ёсивара, язык, на котором говорят гости, уже является ярким представителем такого *сяко:ё:го*. Более того, если обратить внимание на речь работников публичного дома, заметно высокое владение ими *сэккяку ё:го*, языковыми формами, использовавшимися при обслуживании гостей. Цутия Синъити [9. С. 48] утверждает даже, что *сяко:ё:го*, базирующийся на *эдого*, выполнял роль стандартного (или общего) языка того времени. Цутия вводит также термин *Эдо кё:цу:го* («общий язык Эдо»). Видимо,

сэккяку ё:го было одной из его частей. Как бы то ни было в это время в Эдо уже существовала целая прослойка в обществе (в основном, городское население), которое хорошо владело *Эдо кё:цу:го* – языковыми формами, применявшимися жителями Эдо в коммуникации друг с другом.

Следует отметить, что район Ёсивара, где к концу эпохи Эдо проживал 1% городского населения, оказывал значительное влияние на общественное сознание в XVIII в., служа законодателем моды и вкусов. Внутри кварталов публичных домов существовала собственная система управления, признаваемая властью страны, а также собственная система рангов. Выходил даже популярный журнал «*Ю:дзё хё:банки*» – «Комментарии о жизни ю:дзё», посвящённый жизни куртизанок и *ю:каку*. Постоянные контакты куртизанок с гостями, необходимость правильного обхождения с ними, способствовали установлению формул проведения беседы, а также влияли на *сяко:ё:го*: – особенности языка куртизанок *ю:риго* (в то время также называвшегося *курува котоба* – «язык квартала красных фонарей» – и *сатонамари* – «говор сато», где *сато* («деревня») использовалось также для обозначения *ю:каку*), проникали в речь городского населения. *Ю:риго* района Ёсивара принёс многие свои черты в *сяко:ё:го*, куда вошли как многочисленные лексические единицы (напр., *ябо* «грубый», *ямадаси* «провинциал», *хиякасу* «насмехаться, издеваться», местоимения *ватаси* и *анта*), так и грамматические формы (например, суффикс нейтрально-вежливого стиля изъявительного наклонения *-мас*). Наиболее сильным оказалось влияние в области системы вежливых форм, имеющих, правда, столичное происхождение.

Таким образом, благодаря престижности культуры *ю:каку*, постоянной коммуникации между городскими мужчинами и куртизанками, *ю:риго* оказывал заметное влияние на общий язык того времени, являясь одним из его компонентов.

5. *Ю:риго* и диалект Яманотэ.

Некоторые специфические черты *ю:риго* до сих пор встречаются в токийском районе Яманотэ, где истари проживали самураи и аристократы, чей язык сохранял многие черты столичного диалекта. Во многом на базе языка жителей Яманотэ формировался стандартный японский язык *хё:дзюngo*. Однако и в нём можно найти следы *ю:риго*. По-видимому, особенно характерная для Яманотэ

форма *дзамасу*, благодаря которой диалект Яманотэ иногда называют *дзамасу котоба*, развилась в конце эпохи Эдо из эдосского *ю:риго*. Например, *Ий кото дзаамасу ва* – «Как это хорошо!» [10].

Популярность её использования, возможно, связана с ассоциированием языкового сознания с общественным статусом личности и группы. В первом случае с помощью употребления установленной формы подчёркивались воспитанность, попытка показать свою независимость от используемых повсюду языковых привычек (для *ю:каку*, которым также была предоставлена относительная политическая свобода) и хорошие манеры (для женщин из Яманотэ), во втором случае использование языковой единицы приводило к поддержанию статуса группы в стратифицированном обществе.

Вероятно, можно говорить о некотором параллелизме в языковом и бытовом поведении между высокообразованными интеллигентными женщинами Яманотэ и женщинами увеселительных кварталов и поместий. Женщины Яманотэ, стремясь сохранить высокий статус и престижность своего района, сознательно прибегали к языку поместий и куртизанок и тем самым противопоставляли себя остальной части общества.

В 1783 году в *Рю:ко: кагэн* («Говор рю:ко:», *рю:ко:* – сокращение от *рю:ко:кагай* «квартал с цветущими ивами» – одно из выражений для указания на увеселительные кварталы) записано: «Речь квартала Хоккаку (Ёсивара) в Эдо не является речью самого Эдо, а представляет собой нечто, отличное от речи всех провинций страны» [11. С. 102]. Девушки, которых приводили в *ю:каку* или отправляли служить в поместья, в первую очередь овладевали специфически женскими языковыми формами *асобасэ-котоба* (использование вежливого вспомогательного глагола *асобасу: О-идэ асобасэ* «Добро пожаловать», *О-ики асобасэ* «Идите»), *ямато-котоба* (изысканные языковые единицы, уходящие корнями в язык высшей аристократии эпохи Хэйан).

Можно сказать, что с наступлением эпохи Мэйдзи и закрытием *ю:каку* формы «со: дзаимас», «дзансу» в речи знатных особ Яманотэ были унаследованы из *ю:риго* как изысканные и женственные формы.

Танака Акио утверждает, что «жители Яманотэ крайне трепетно относятся к тому, что можно назвать изысканным, а что нельзя». Поэтому женщины уделяют огромное внимание использованию

правильных форм детьми и слугами. «Такая повышенная забота о правильности и изысканности речи привела, с одной стороны, к полировке языка Яманотэ, а с другой стороны, к его отрицательному восприятию обществом» [11. С. 102].

Анализ материала позволяет сделать вывод, что в Яманотэ элементы эдосского *ю:риго* использовались женщинами для придания себе статуса интеллигентности.

Примечания

1. Квартал Ёсивара сгорел в 1657 году во время пожара в Киото, а затем был заново построен на новом месте. Вновь отстроенный квартал получил название Син-Ёсивара, т.е. «Новый Ёсивара», в то время как сгоревший стали называть Мото-Ёсивара, т.е. «Старый Ёсивара». Впоследствии приставка «син» отпала, и новый район стал называться просто Ёсивара.

2. *Омикудзи* – вид японского гадания, практикующийся в синтоистских и буддийских храмах

3. *Сярэбон* – один из жанров японской литературы Нового времени в основном юмористического характера, темой которого были нравы увеселительных кварталов.

Библиографический список

1. Сыромятников Н.А. Становление новояпонского языка. М.: URSS, 2009. 312 с.

2. Алпатов В.М. Япония: язык и общество. М.: Муравей, 2003. 208 с.

3. Сираги Сусуму. Нихонго-ни окэру дзёсэйго-но сэйрицу о сонно хайкэй-но ко:сацу. Кокубунгаку кэнкю. Т.6. Байко Гакуин Дайгаку, 1970. С. 155-166.

4. Чёрная А. Эдого-но исо: ю:риго, бусиго // Отяномидзу дзёси дайгаку дайгакуин, Дайсанкай кокусай нихонгаку конса:сиаму, 2009. С. 166-168.

5. *Ю:си хо:гэн* («Диалект куртизанок») // Электронный ресурс Интернет: <http://www.let.osaka-u.ac.jp/~okajima/uwazura/meityosyare/syarebon05.pdf>.

6. Толковый словарь японского языка // Электронный ресурс Интернет: http://kotobank.jp/word/%E3%81%82%E3%82%8A%E3%82%93%E3%81%99?dic=daijirin&oid=DJR_arinnsu_-010.

7. Толковый словарь японского языка // Электронный ресурс Интернет: <http://kotobank.jp/word/>.

8. Танака Акио. Котоба-но бараэти // Электронный ресурс Интернет: [http://www.koryu.or.jp/kaohsiung/ez3_contents.nsf/15aef977a6d6761f49256de4002084ae/0aef9b89a5c3038d492572c100166731/\\$FILE/20070414.pdf](http://www.koryu.or.jp/kaohsiung/ez3_contents.nsf/15aef977a6d6761f49256de4002084ae/0aef9b89a5c3038d492572c100166731/$FILE/20070414.pdf).

9. То:кё:го-но юкуэ. Кокугакуин дайгаку нихон бунка кэнкю:дзё. Токио, 1996.

10. Толковый словарь японского языка // Электронный ресурс Интернет: <http://dictionary.goo.ne.jp/leaf/jn2/84427/m0u/>.

11. Мацунага Сю:ити. Иваюру «дза:массу котоба»-но сиё: то онсэйтэки токутё:-но икко:сацу // Акусэнтэ-си сирё: кэнкю:кай ронсю:. Т.3. Васэда дайгаку, 2007. С. 101-110.

Сведения об авторе

Панченко Юрий Юрьевич
аспирант кафедры японской филологии
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова
E-mail: panyurij@hotmail.com

УДК 811.161.1'373.46:811.161.1'374

**СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ ОДНОИМЕННЫХ ТЕРМИНОВ
ЛОГИКИ И ФИЛОСОФИИ
(НА ПРИМЕРЕ ТЕРМИНА *АБСТРАКЦИЯ*)**

А.В. Синелева

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород*

В статье описан способ использования фреймового представления информации при анализе содержания словарных статей в терминологических словарях с целью выявления формальной и собственно смысловой релевантности одноименных терминов логики и философии.

Ключевые слова: дефиниция, коэффициент сходства, понятие, признак, содержание понятия, структура словарной статьи, термин, фрейм.

**Structure and Content of Analogous Terms in Logic and Philosophy
(as exemplified by the Term “*Abstraction*”)**

Anastasia Sineleva

The article describes a way of using frame representation of information in analyzing dictionary entry content of terminological dictionaries with the purpose of identifying the formal and the actual semantic relevance of analogous terms in logic and philosophy.

Keywords: the definition of similarity coefficient, concept, sign, content of the concept, dictionary article structure, term, frame.

Явление одноименности терминов разных областей знания трудно определить однозначно. Конечно, это связано с тем, что термины являются очень специфичными, но все-таки знаками естественного языка, которым свойственны такие же лексико-семантические процессы: полисемия, омонимия, синонимия, антонимия, как и общеупотребительным словам. С другой стороны, в соответствии с субстанциональной точкой зрения, термин считается особым знаком типа математических символов, характеризующимся в плане содержания принципиальной однозначностью, а в плане выражения строгой заданностью грамматических структур [1. С. 34], т.е. термины – это определенное подмножество элементов множества всех лексических элементов.

Очевидно, что в пересечении различных терминологических систем выделяются пласты общенаучных и междотраслевых терминов, наличие которых объясняется процессами интеграции многих наук и

тем фактом, что в качестве теоретической основы мировоззрения и науки, решающей проблемы познаваемости действительности, выступает философия. Тем не менее, без анализа семантики далеко не всегда представляется возможным определить, что одноименные термины являются, например, общенаучными. Смысловое наполнение того или иного одноименного термина зависит от определения данного научного понятия как элемента конкретной терминосистемы, определения его теми признаками, которые являются существенными для соответствующей области знаний, логически соединяя его с другими элементами этой системы. При рассмотрении того же термина в смежной научной дисциплине, эти признаки могут стать второстепенными и не отражать необходимую взаимосвязь элементов внутри модели знаний данной предметной области, т.е. значения одноименных терминов могут иметь значительные расхождения в разных областях знания, что позволяет определить их как многозначные термины или омонимы, в зависимости от степени близости признаков, связей и отношений в понятийном содержании.

Логика всегда рассматривалась как неотъемлемая часть философского знания, как наука, ставящая и решающая ряд важных проблем теоретико-познавательного и методологического характера. Хотя формальная логика еще в XIX веке отделилась от философии и перестала быть «философской дисциплиной», традиционная связь между этими науками не оборвалась. Таким образом, не вызывает сомнений, что эти области знаний характеризуются значительными пересечениями в области терминологии, имеют формальные проявления во включении одних и тех же терминов в логические и философские словари.

Цель исследования, методика которого представлена в статье, – определить коэффициент релевантности содержательного представления одноименных терминов в статьях терминологических словарей по логике и философии и на основании этого классифицировать явление одноименности. В связи с тем, что «логико-понятийное моделирование терминосистем отдельных наук и отраслей знания является одной из актуальных межотраслевых задач нашего времени» [2. С. 49], значительно возрастает проблема классификации одноименных терминов, а также возникает необходимость анализа общеязыковых семантических процессов в

терминологии с учетом интеграции научных дисциплин и представления знаний как строго формализованной информации, жестко структурированных данных, как модели представления знаний в виде иерархической сети, в вершинах которой находятся информационные единицы определенной области знаний. Актуальность такого исследования также связана с тем, что его результаты могут быть использованы при разработке принципов и критериев отбора единиц, включаемых в тот или иной терминологический словарь.

При анализе был использован фреймовый метод представления информации. Фреймы понимаются в данном случае как «фрагменты, блоки семантической сети, с помощью которых могут быть представлены знания о какой-либо предметной области» [3. С. 69]. Фрейм, будучи структурой данных для представления некоторого концептуального объекта, обычно соответствует представлению общего понятия, имеющего классификационную иерархическую структуру, т.е. фрейм имеет стандартную структуру, которая может быть по-разному наполнена. Если наполнением фрейма считать элементы содержательного значения терминов, то различие может быть связано с индивидуально-авторскими особенностями текстов толкований в разных статьях, с различным научным взглядом на то или иное понятие и с другими факторами. Языки представления знаний, основанные на фреймовой модели, эффективны как способы репрезентации сложных понятий.

Объектом сравнения являются словарные статьи термина «абстракция» из логического словаря Н.И. Кондакова [4] и философского словаря И.Т. Фролова [5]. В процессе анализа словарных статей (было описано около 200 пар одноименных терминов логики и философии) был сформирован набор смысловых компонентов, отражающих формально-логическую структуру любой статьи, так как для формального определения сходства сравниваемых словарных статей необходим процесс сжатия информации, т.е. перевод на какой-то искусственный формализованный язык. Затем выделяются логико-смысловые аспекты в анализируемых словарных статьях, строится соответствующий фрейм для каждого термина. Фрейм может включать в себя следующие элементы – слоты, представляющие собой абстрактные логико-понятийные категории, соотносимые с признаками или отношениями, отраженными в

определении терминов и содержании словарной статьи: *тождество* (Т, -Т), *признак* (А, -А), *действие* (D, -D), *функция* (F, -F), *значение* (Z, -Z), *условие* (Y, -Y), *следствие* (S, -S). Также словарные статьи могут содержать примеры, обозначаемые буквой Р или -Р, а в схемах – символом «*». Слот *тождество* соответствует дефиниции, слот *признак* представляет информацию о свойствах, характерных особенностях анализируемой единицы (отличительной чертой этого содержательного аспекта является то, что его содержание всегда можно переформулировать для явного выявления атрибутивного значения, в отличие от всех остальных смысловых составляющих). Содержание слотов *функция* и *значение* соотносятся с областью и методами использования и значимостью в общей системе знаний. Слот *условие* содержит информацию о необходимых условиях существования данной реалии, слот *действие* – информацию о том, когда, кем было введено, применено, изменено данное понятие. Слот *следствие* отражает связь признаков и отношений анализируемого термина с другими явлениями.

Конечно, смысловое содержание соотносится с тем или иным логико-понятийным аспектом с некоторой степенью приближенности, что является закономерным и объяснимым при анализе единиц естественного языка. Однако, если на протяжении анализа всего массива данных последовательно придерживаться определенных принципов отбора и классификации единиц, то погрешность будет минимальной.

Фрейм может иметь две ветви, одна из которых содержит слоты, представляющие свойства и отношения понятий, соответствующие моменту времени создания словаря, а другая соответствует информации, отражающей свойства и отношения в процессе формирования понятийного значения анализируемого термина (обозначения слотов этой ветви имеют знак минус).

В словарной статье может содержаться несколько смысловых аспектов одной категории, которые последовательно нумеруются (Т1, Т2, Т3 и т.д., А1, А2, А3 и т.д.). Нумерация аспектов диахронического плана двухуровневая: первая цифра указывает на временной период или, если временной период один, на разные научные направления этого периода, а вторая показывает количество данных смысловых аспектов (Т1.1, Т1.2, Т2.1, А1.1, А2.1, А2.2 и т.д.). Затем

количественные показатели, соотносящиеся с выделенными содержательными аспектами, сводятся в таблицу.

Выполним индексирование содержания словарных статей логико-смысловыми аспектами.

Абстракция (логический словарь) [4. С. 14] – результат мысленного отвлечения определенных свойств от множества свойств конкретного предмета (Т1, Р); значение таких А. состоит в том, что они отобразили и зафиксировали в человеческом мозгу то общее множества однородных предметов (общие признаки, закономерности) (Z1); образование А. является непременным условием человеческого познания (F1); А. – качественно новая ступень в процессе развития человеческого знания (Т2); А. существуют для того, чтобы познать процесс развития какого-либо предмета, явления (F2); А. могут выступать в разных формах: в форме чувственно-наглядного образа, в форме идеализированного объекта, в форме суждения, в форме знака и т.п. (А1, Р); поэтому различают несколько видов А.: обобщающая, аналитическая, А. как продукт идеализации (А2); в современной науке абстрактность многих понятий углубляется, они выступают в роли А. от А. более высокого порядка (А3, Р); А. невозможна, если нет природы и ее высшего продукта – человеческого мозга (У1); но в самом процессе создания той или иной А. существует возможность отрыва от реальных вещей, отлета фантазии от объективного мира (А4); когда односторонне преувеличивается, абсолютизируется роль созданных А., начинается скатывание в идеализм, что характерно для многих направлений современных буржуазных философии (-D1.1); начинают изображать А. (мысли, идеи, понятия) первичными к природе, материи, бытию (-А1.1); А. являются вторичными по отношению к природе, материи, бытию (А5, 2Р); А. – мысленное упрощение, огрубление предмета (Т3, Р); человек вскрывает существенное с помощью А. и возвращается к конкретному, обогащенный знанием закономерностей, что позволяет предвидеть будущее (Z2); критерием истинности созданных А. является практика, наука, эксперимент (А6); А. – метод научного исследования (Т4); А. – сам процесс отвлечения, имеющий своей целью получение А. (Т5).

Фрейм термина *абстракция*, построенный на основе выделенных в словарной статье логического словаря смысловых аспектов, выглядит следующим образом (см. рис. 1).

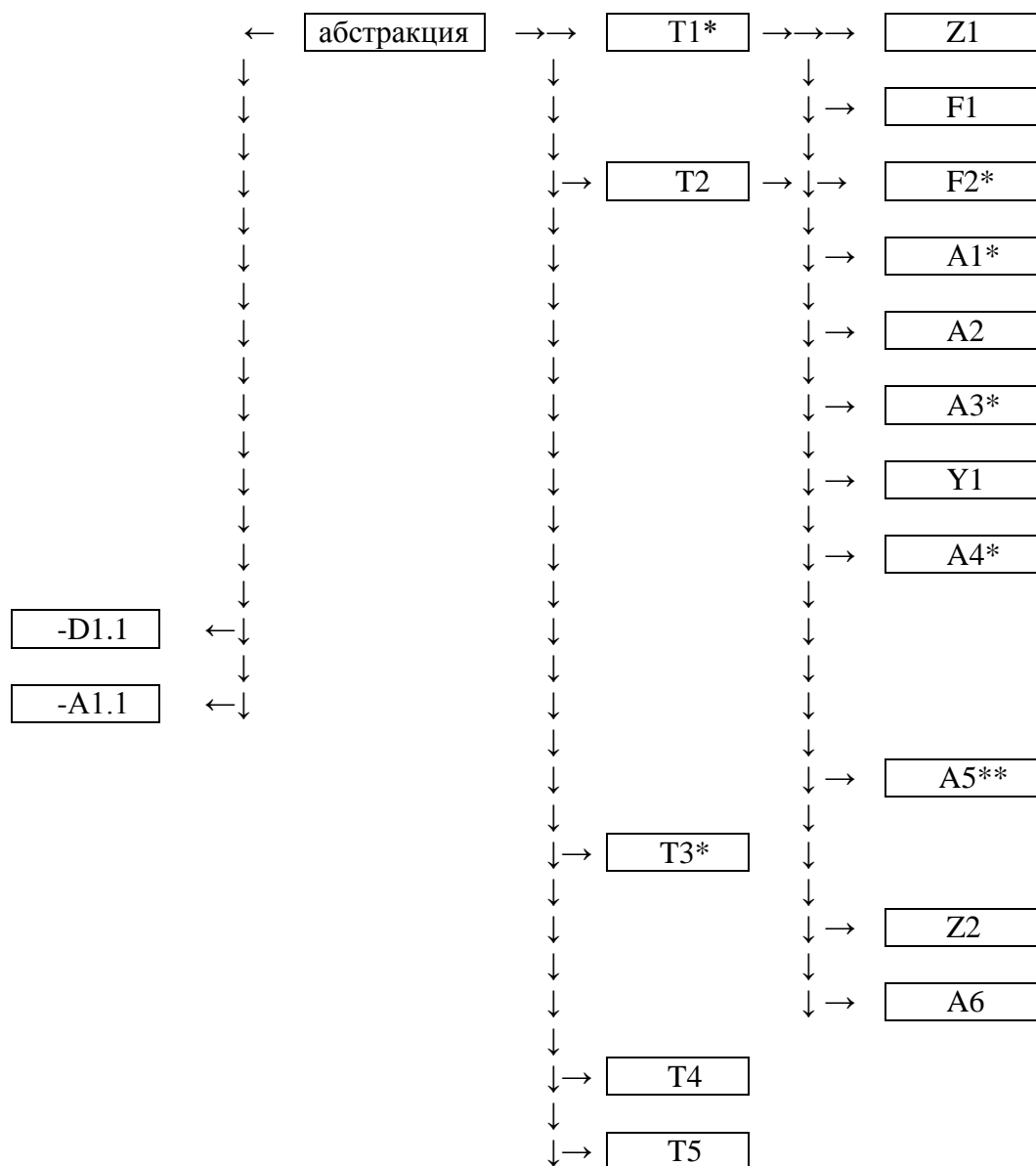

Рисунок 1. Фрейм термина *абстракция* (логический словарь)

Абстракция (философский словарь) [5. С. 7] – одна из форм познания, заключающаяся в мысленном отвлечении ряда свойств предметов и отношений между ними, вычленение какого-либо свойства или отношения (Т1); абстрагируемые свойства и отношения могут мыслиться как связанные с отдельным классом, а иногда могут мыслиться изолированно (А1, 2Р); в процессе А.

приходится отвлекаться от некоторых субъективных возможностей человека (Y1, P); А. является необходимым условием образования самых разных понятий (F1); с А. связано всякое познание вообще (Z1); без А. невозможно раскрыть сущность предмета (F2); результатом абстрагирования является расчленение предмета, выделение в нем существенных сторон, анализ их в «чистом виде» (T2); критерием того, насколько А., вводимые в науку, являются научными, является практика (A2); превращение продуктов А. в сущность или первооснову мира характерно для идеалистической философии (-A1.1); современный номинализм позитивного толка отрицает необходимость для науки А. высоких уровней, лишая ее важнейших средств познания действительности (-A2.1).

Фрейм термина *абстракция*, построенный на основе выделенных в словарной статье философского словаря смысловых аспектов, выглядит следующим образом (см. рис. 2).

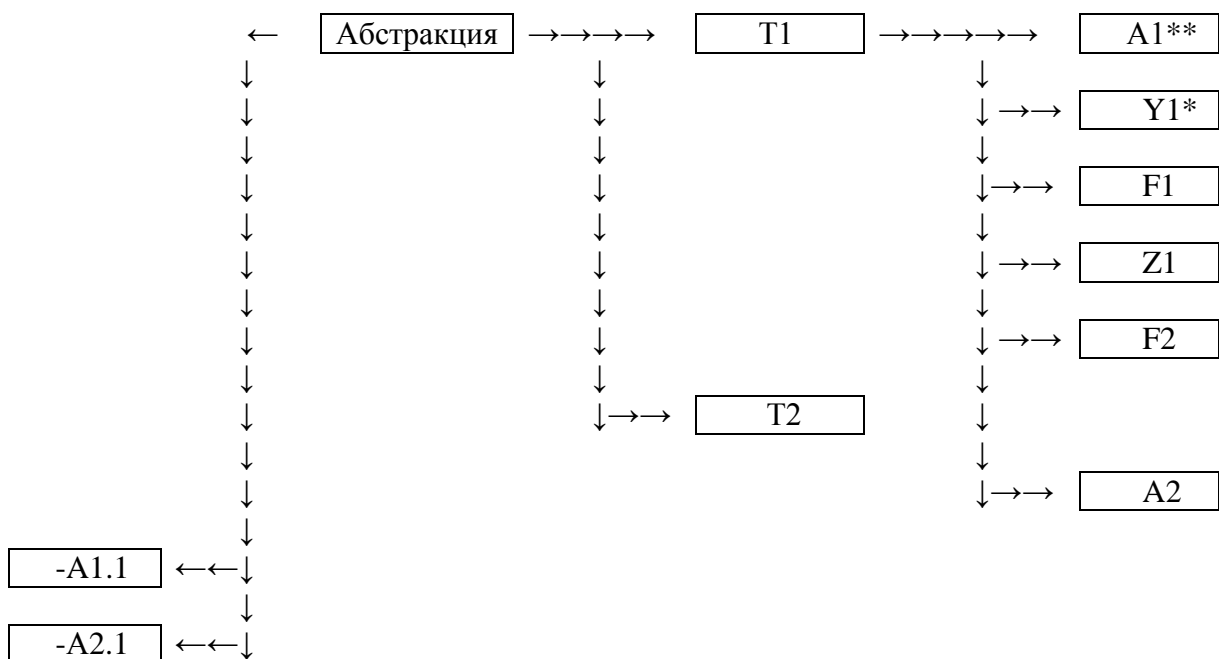

Рисунок 2. Фрейм термина *абстракция* (философский словарь)

Затем было проведено смысловое сопоставление выделенных в словарных статьях термина *абстракция* логического и философского словарей смысловых аспектов, результаты которого представлены в таблице (см. табл. 1).

Таблица 1

Количественное соотношение логико-смысловых составляющих термина *абстракция* в логическом и философском словарях

аспект	Абстракция		
	логика	философия	соответствие
T	5	2	1
A	6	2	1
Z	2	1	
F	2	2	
Y	1	1	
S			
D			
P	7	3	
-T			
-A	1	2	
-Z			
-F			
-Y			
-S			
-D	1		
-P			

Для определения степени смыслового соответствия содержания словарных статей была применена мера (коэффициент) Серенсена [6], которая отражает степень близости одного объекта относительно другого и применяется для несимметричных множеств (в нашем случае подмножества разных смысловых аспектов статей логического и философского словарей являются несимметричными). Коэффициент может принимать значения от 0 до 1 и рассчитывается по формуле:

$$K_{1,-1} = \frac{n(A \cap B)}{n(A) + n(B) - n(A \cap B)} = \frac{n(A \cap B)}{n(A \cup B)},$$

где A и B – это множества аспектов, выделенных в словарных статьях по логике и философии, n – количество элементов того или иного множества.

Коэффициент Серенсена был подсчитан для аспектов *тождество* (T) и *атрибут* (A), так как по остальным аспектам термин *абстракция* не имеет смысловых соответствий.

Коэффициенты Серенсена по аспектам *тождество* (Т) и *атрибут* (А) не равны 0: для аспекта Т значение коэффициента равно 0,29, а для аспекта А - 0,25, т.е. совпадают дефиниции и есть общие признаки, раскрывающие содержание понятия. Такие термины можно включать только в один из словарей, в зависимости от того, какое из понятий является более информативным хотя бы по одному из аспектов (А или Т), а, если информативность смысловых составляющих А и Т одинакова, решающим для включения в тот или другой словарь может быть наличие в словарных статьях других логико-смысловых аспектов (Z, F, Y, S, D), т.е. термины могут иметь большую информативность содержания статьи за счет наличия других смысловых составляющих. В рассмотренном нами случае термин *абстракция* в логике и философии является общенаучным.

Такое структурно-смысловое сопоставление содержания словарных статей значительного массива одноименных терминов логики и философии позволит установить пороговое значение коэффициента Серенсена ($T < 0,5$; $T > 0,5$; $A < 0,5$; $A > 0,5$ и др.), выявить все возможные вариации соответствия логико-смысловых аспектов, сформулировать правила классификации одноименных терминов данных областей знаний, а также уточнить принципы и критерии отбора единиц в словники терминологических словарей той или иной области знаний.

Библиографический список

1. Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах. М.: Высшая школа, 1987.
2. Герд А.С. Введение в изучение языков для специальных целей. СПб: Изд-во СПбГУ, 2011.
3. Иванова Е.П. Семантизация имени существительного во французских толковых словарях и энциклопедиях XVII-XXI вв. СПб: Изд-во СПбГУ, 2008.
4. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975.
5. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М.: Республика, 2001.
6. Коэффициент Серенсена // Электронный ресурс Интернет: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1812576>.

Сведения об авторе

Синелева Анастасия Васильевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры преподавания русского языка
в других языковых средах
ННГУ им. Н.И. Лобачевского
E-mail: sinstasi@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

УДК 821.161.1(091)

ЭЛЕГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ПЬЕСЫ А.П. ПЛАТОНОВА «ГОЛОС ОТЦА»

К.С. Когут

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург

Статья посвящена анализу эгегического контекста пьесы А.П. Платонова «Голос отца». Стилевая доминанта пьесы позволяет увидеть тонкую связь с традицией кладбищенской эгегии и ее роль в формировании духовно-нравственного смысла изображенных художником событий.

Ключевые слова: Платонов, социально-политический контекст 1930-х годов, сталинская программа развития страны, контекст, эгегия, стиль, кладбище.

The Elegiac Context of A.P. Platonov's Play *The Father's Voice*

Konstantin Kogut

This article analyzes the elegiac context of A. P. Platonov's play *The Father's Voice*, demonstrating a connection of the play's stylistic leitmotiv with the churchyard elegy tradition and describing its role in shaping and bringing out the spiritual and moral significance of the play's events.

Key words: Platonov, social and political context of the 1930s, Stalin's program of the country's development, elegy, context, style, churchyard.

Пьеса А. Платонова «Голос отца» условно датируется «не ранее 1938 года, возможно, окончательная редакция – 1940 год» [1. С. 709]. Попытка обозначить место пьесы в художественной эволюции писателя предпринималась в работах Н.В. Корниенко [2], Э. Наймана [3. С. 117-154], А.А. Харитонова [4. С. 391-426], В.Ю. Вьюгина [5], Х. Гюнтера [6].

Основное событие пьесы – диалог сына с отцом на могиле последнего – включен автором в иерархически разные культурно-исторические контексты. Они прорисованы с неодинаковой степенью полноты и тщательности и соотнесены с разными уровнями художественной структуры: социально-политический и «подсвечивающий» его пушкинский контекст – с сюжетом;

библейско-федоровский – с жанром, точнее, памятью жанра; элегический – со стилем; биографический и древнерусский – с подтекстом.

Используя понятие «контекста», мы опираемся на труды М.М. Бахтина [7] (прим. 1), Б.М. Гаспарова [8], Х. Гюнтера [6] (прим. 2). В работе «Литературные лейтмотивы» Б.М. Гаспаров отмечает, что «при всей своей внешней противоположности „структурный“ и „контекстуальный“ подходы, в крайнем своем проявлении, приводят к сходному результату. В обоих случаях описание покидает почву текста в собственном смысле и сосредотачивается на явлениях, существующих до и вне текста» [8. С. 282].

В рамках данной статьи мы остановимся лишь на элегическом контексте «Голоса отца», а именно, на соотнесенности текста пьесы Платонова как драматического произведения с контекстом кладбищенской элегии – одного из авторитетных жанров в русской поэзии XIX века (прим. 3), – что позволит точнее представить авторскую точку зрения на изображенные в пьесе события. При анализе элегического контекста пьесы мы будем учитывать уже существующие работы, в которых исследователи определяют лирический характер платоновского творчества как одно из его глубинных свойств (прим. 4). Ю.И. Левин следующим образом определяет основные «носители» лирического стиля в творчестве А. Платонова: «актуализация формы сообщения, сукцессивность; использование тропов и фигур; лирический принцип мотивировок, сопрягающийся с научным; объединение до неразличимости фабульного, психологического, метафизического; действие основного закона стиховой семантики; реализацию всех потенциальных значений слова; суггестивность» [9. С. 392, 409-412].

Указание на кладбище как место действия пьесы содержится в первой ремарке: «Кладбище. Железная низкая решетка» [1. С. 205] (прим. 5). Уже из нее мы узнаем, что главный герой – отец – мертв, и потому событием становится не действие как таковое, что отвечает драматическому роду, а размышление, осознание, оценка, свойственные лирике, что и составляет коллизийное движение «Голоса отца».

Элегический контекст, заданный хронотопом кладбища как основного места действия, крайне напряжен онтологически. Его

смысл в достаточной мере приоткрывается через автодиалог с романом «Чевенгур»: сходный кладбищенский хронотоп оформляется похожей сюжетной ситуацией – разговором сына с умершим отцом на могиле последнего.

«Чевенгур»

«Кладбище было укрыто умершими листьями, по их покою всякие ноги сразу затихали и ступали смирно. Всюду стояли крестьянские кресты, многие без памяти о покойном» [10. С. 31].

«Голос отца»

«У могилы — старое дерево. На могиле несколько жалких жестяных цветов, издавна оставленных здесь. На втором плане видны такие же надмогильные камни и деревья. Вечернее время. Кладбище пусто» (205).

Элегическая интонация в описании чевенгурского кладбища, по наблюдению Н.П. Хрящевой, «создается семантической аурой эпитета „умершими (листьями)“ вместо *опавшими*. Эта поэтическая замена сразу повышает статус «листьев» в мироздании: у них появляется судьба, которая уравнивает их с судьбой умерших и похороненных в землю людей. Образ строится на скрытом параллелизме: „кладбище ... укрыто умершими листьями“ как умершие люди укрыты землей. Суть этого параллелизма в очевидности оформленной „крестами“ памяти / беспамятности как доминантного свойства кладбища, что подчеркнуто аттракцией: „по их (листьев) покою» и «крестьянские кресты ... без памяти о покойном“» [11. С. 272].

Элегическая нота звучит и в описании кладбища в «Голосе отца». Она создается образным рядом, связанным с заброшенностью и пустынностью: «на могиле несколько жалких жестяных цветов, издавна оставленных здесь», «старое дерево», «кладбище пусто».

Заброшенность отцовской могилы позволяет предположить, что ее давно никто не посещал. Приход Якова на кладбище так же, как и приход Саши Дванова на могилу отца, неслучаен: размышление и вопрошание, с которыми они обращаются к умершим отцам, свидетельствуют о неблагополучии их судеб, о накопившихся у них вопросах. Без ответа на них герои не могут продолжать жить в человеческом сообществе. Мальчик Саша Дванов не может жить физически, о чем он и говорит отцу: «Я теперь скоро умру к тебе...»

[10. С. 31]. «Пороговое» состояние ребенка подчеркивается нарушением грамматической сочетаемости. Этическая важность вопросов, обращенных к отцу, маркирована элегическим «вечерним временем» (прим. 6), наиболее специфичным для жанра кладбищенской элегии. В элегии А.С. Пушкина: «Но как же любо мне / Осеннею порой, в вечерней тишине...»; у В.А. Жуковского: «Лишь изредка, жужжа, вечерний жук мелькает...»; «Уж вечер... облаков померкнули края, / Последний луч зари на башнях умирает...».

Несмотря на то, что отцы умерли, они продолжают оставаться для платоновских героев единственно истинной защитой и поддержкой. Так, потребность Саши вновь соединиться с отцом выливается в его (отца) одушевление / воскрешение: «Саша ... шел медленно и уже устало, зато радовался, что у него скоро будет свой дом и свой отец; пусть отец лежит мертвый и ничего не говорит, но он всегда будет лежать близко, на нем рубашка в теплом поту, у него руки, обнимавшие Сашу в их сне вдвоем на берегу озера; пусть отец мертвый, но он целый, одинаковый и такой же» [10. С. 31]. Повествование в этом фрагменте переходит в будущее время, а будущее в свою очередь – в настоящее, где нынешнее состояние отца преодолевается; он обретает черты живого: «на нем рубашка в теплом поту», «у него руки, обнимавшие Сашу», «он целый, одинаковый и такой же». Более того, Саша испытывает радость от возможности нового будущего в настоящем: «зато радовался, что...». Н.П. Хрящева отмечает, что «эмпирический факт круглого сиротства, толкающий сына в отцовскую могилу, перерастает под пером Платонова в метафизический акт ее преодоления, что совершается прежде всего за счет густоты тропов, а также смены временных модусов: прошедшее и давно прошедшее сменяется будущим в значении настоящего» [11. С. 272].

В «Голосе отца» «кладбищенский» топос организован несколько иначе. Он также не является констатацией окончательности смерти, но и не несет уже ее преодоления в федоровском ключе (прим. 7). Перед нами налицо очевидность смыслового поворота, что подчеркнуто репликой отца: «Меня здесь нет, дорогой мой. Могила под тобой пуста» (206). Эта первая реплика важна для правильного понимания платоновской пьесы. На наш взгляд, здесь Платонов дает

несколько иное понимание родства, связывающего отца с сыном. В чем оно состоит? Для этого взглянемся в их «диалог»:

Голос отца. В могиле никого нет – в ней земля, и что в нее входит – тоже становится землей. Но земля обращается в цветы и в деревья – и уходит через них на свет из темноты могил.

Яков. Но где же ты теперь, отец?

Голос отца. Я в твоём сердце и в твоём воспоминании, – больше меня нигде нет. И ты – моя жизнь и надежда, а без тебя я ничтожней того праха, который лежит под этим могильным камнем, без тебя я мертв навсегда и не помню, что был живым (206).

Перед нами особое состояние мира, который наполнен никогда неугасающей энергией жизни: то, что попадает в землю, становится подобным ей, а затем вырастает для того, чтобы снова уйти в нее. Но заведенная в мире цикличность размыкается явлением Памяти, утвержденной человеческим Сердцем. Жизнь отца оказывается возможной только благодаря воспоминанию сына о нем. Его голос и есть голос воспоминания Якова. Отец продолжает жить в сыне до тех пор, пока тот его помнит (прим. 8).

Вслушивание в голоса умерших и похороненных в земле людей – один из центральных мотивов у поэтов «элегической школы». У В.А. Жуковского в «Сельском кладбище» развернуто изображаются голоса мертвых, которые звучат в сердцах пришедших на могилу людей:

...Все тревоги земные смиряя, и, мнится, какой-то
Сердце объемлющий голос, из тихих могил подымаясь,
Здесь разливает предчувствие вечного мира [12. С. 316].

Едва уловимые голоса, звучащие из могил, дарят надежду на неокончателность смерти как итога земной жизни, «оживляют» умерших, наделяют их своим языком и судьбой. Голос – знак того, что память о погибшем не угасла, что сердце еще способно слышать, внимать и биться в одном ритме с теми, кого уже нет.

В платоновской пьесе голос отца также воспринимается через сердце героя: «Я в твоём сердце и в твоём воспоминании». Сердце, вбирая в себя жизненные токи, обеспечивает мертвому отцу новую

жизнь. Его «оживление» достигается за счет трансформации привычной для элегической традиции цикличной модели бытия, которая предполагает взаимосвязь прошлого и настоящего, в образ мира, где присутствует Творец: на смену двум состояниям «вещества» – живое / мертвое – приходит другая модель – живое / мертвое / «мертв навсегда» (прим. 9). Настоящая же смерть возможна тогда, когда сын забудет отца. «Печальная память» Якова об умершем отце определяет не только возможность продолжения отца в сыне, но и проявляет силу человеческой личности. Потребность в родовой памяти как залого «своего» места на земле – центральная мысль в элегиях А.С. Пушкина:

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлеть,
Но ближе к милому пределу
Мне все ж хотелось почивать [13. С. 264].

О.С. Бердяева отмечает, что «в чужой земле человека зарывают, закапывают, в своей – его упокаивают, ибо там он приобщается к непрерывности родовой жизни...» [14. С. 63]. Родовая жизнь обеспечивается воспоминанием – о людях, о жизни, – открывающим для человека мир:

Но как же любо мне
Осеннюю порой, в вечерней тишине,
В деревне посещать кладбище родовое,
Где дремлют мертвые в торжественном покое... [13. С. 458].

При всей разности прочтений пушкинской элегии (прим. 10), исследователи отмечают, что изображение кладбища у А. Пушкина определяется двучастной композицией стихотворения, а именно противопоставлением городского кладбища родовому. Различие двух кладбищ рисуется каскадом антитез: «гниют все мертвецы столицы» / «дремлют мертвые в торжественном покое; «Над ними надписи и в прозе и в стихах» / «там неукрашенным могилам есть простор». Объясняя смысл городского кладбища в пушкинской элегии, Г.П. Макогоненко отмечает, что здесь «Пушкин решительно и категорически отвергает давнюю сентиментально-романтическую

традицию описания кладбища. Он показывает, как и здесь, на месте вечного покоя, люди воссоздают модель социальной структуры общества» [15. С. 130]. Деревенское же кладбище изображается иначе. Присущая ему родовая память одухотворяет мир, наполняет его теплом человеческих связей, созидает тот уголок земли, на котором герои с невероятной чуткостью внимают открывшимся перед ними «сокровенным» смыслам бытия. Родовое кладбище является залогом гармонии и смысла человеческого существования. Являясь неизбежным итогом жизни всех живущих на земле людей, кладбище как бы «смягчает», оправдывает неумолимую жестокость этого итога.

Некоторые доказательства того, что идея родовой памяти всерьез волновала А. Платонова, находим в «Записных книжках» писателя. Художник напряженно размышляет о взаимоотношении живых и мертвых, детей и отцов: «Первый раз растение производится из семян отца-матери, второй раз оно производится из почвы, состоящей из праха отца-матери. Прах отца-матери – непрерывное основание жизни сына. Мы поднимаемся на прахе своих отцов!» [16. С. 147]. Запись сделана писателем в 1934 году и служит комментарием к изображенной в пьесе ситуации. Прах предков есть необходимое условие жизни сына. Он есть сгусток никогда не умирающей энергии памяти. Ее сила и плотность такова, что биологическое рождение человека, его появление на свет «подготавливает» прохождение через прах своих родителей. Отметим и масштаб данного представления об умерших: земля понимается огромным и непрекращающимся «кладбищенским ландшафтом» (К.А. Баршт), в котором захоронены мертвые. На такой масштаб и указывает отец Якову: «Посмотри вокруг себя. Здесь одни могилы» (207). «Кладбищенский ландшафт» в пьесе выстраивается в опоре на двойственную семантику словосочетания «одни могилы»: с одной стороны, оно прямо указывает на сценическое пространство – вокруг только могилы; с другой стороны, в них люди, умершие, не узнавшие истинной жизни, надеявшиеся на свое продолжение в сыновьях.

Как и в кладбищенской элегии, воспоминание о земной жизни погибшего человека чутко переживается тем, кто пришел на могилу. В элегии В.А. Жуковского читаем:

Приблизься, прочитай надгробие простое,
Чтоб память доброго слезой благословить».

Здесь пепел юноши безвременно сокрыли,
Что слава, счастье, не знал он в мире сем [17. С. 57].

Так же, как и в платоновской пьесе, надпись на могильном камне содержит в себе «повесть о жизни» умершего. В «Голосе отца» идея преемственности разных поколений оказывается одной из основных:

За решеткой у изголовья могилы – вертикально поставленный тесаный камень с надписью: «Александр Спиридонович Титов. Инженер. Продолжатель дел Уатта и Дизеля (205).

В отличие от элегии XIX века, где рассказ о земной жизни умершего был передан только с помощью голоса селянина или надписи на могиле, в платоновской пьесе важным в плане изображения памяти оказывается не столько фраза у надгробия, сколько голос самого отца, который говорит сыну о своей судьбе в форме исповеди от лица своего поколения. Исповедь отца наделена лирической интонацией:

Голос отца. ..Все они, – и тот, кто *умер* уже старым и кто молодым, – все они умерли, не узнав истинной жизни. Все они – мертвые, что лежат в этой земле под тобою, *умерли* не потому, что тело их утомилось от счастья, а ум от истины и сердце от славы жизни (207).

Исповедь отца ритмически оформлена не столько как проза, сколько как лирическая вставка (прим. 11) (Т.И. Сильман), что обеспечивается повтором «умер» и анафорой «все они», предполагающей высокое эмоциональное состояние, порыв героя. Этому состоянию соответствует резкая смена частей речи – глаголы, обозначающие действие («умерли», «лежат», «утомилось»), уступают место рядам существительных, создающих ощущение неподвижности, раздумья («...ум от истины и сердце от славы жизни»).

Центральным для понимания элегического контекста платоновской пьесы является образ слабой силы. Отец говорит сыну о

своем желании: «Но я хочу остаться в тебе ... слабым теплом» (206); «...я лишь слабый свет в тебе» (207). И Яков ощущает в себе присутствие этого таинственного «света»: «...я знаю этот далекий смутный свет...» (207). «Слабое тепло», «слабый свет» едва ли не главные образы-понятия (Л.А. Шубин) в художественной вселенной Платонова. Их смысл точно подмечен С.Г. Бочаровым: «Платоновский образ – слабая сила <...> Это мелодия жизни платоновских персонажей. <...> Эти тихие силы – сочувствие, утешение, надежда, терпение – хранят и поддерживают жизнь, они и есть ее „вещество“. <...> В памяти собирается эта не могущая совершенно исчезнуть энергия жизни исчезнувшего человека. <...> Но эта мягкая сокровенная сила – слабая сила» [18. С. 259, 260] (прим. 12). Эта особая «сила-энергия» есть едва ощущаемое присутствие отца в сыне как единственно возможный способ его бытия. Неуловимая «слабость» силы, не позволяющая окончательно понять ее сокровенный смысл, также восходит к элегической традиции, главное в которой – попытка выразить невыразимое. В.Э. Вацуро пишет о суггестивной поэтике «кладбищенской элегии»: «В эстетическом основании „кладбищенской поэзии“ ... лежит понятие суггестии», что означает «„подсказывание“, „внушение“, „наведение“, стремление „вызвать в нас представления, не называя их“, – в той или иной степени присуща всякому поэтическому слову... Здесь эстетическим фактором становится читательская апперцепция: культурно-психологический опыт читателя активизируется, замещая неназванное» [19. С. 52-53].

У В.А. Жуковского в «Сельском кладбище» читаем:

Уже бледнеет день, скрываясь за горою;
Шумящие стада толпятся над рекой;
Усталый селянин медлительной стопой
Идет, задумавшись, в шалаш спокойный свой [17. С. 54].

Поэтика суггестии в процитированном фрагменте выражена «аудио-визуальным лирическим сюжетом» (В.Э. Вацуро). Строфа фонетически структурируется интервокальными «j», чередующимися с глухими и шипящими звуками, что навеивает читателю ощущение «вечерней тишины». Суггестивность кладбищенской элегии, по

наблюдениям исследователей (прим. 13), создается посредством внимательной работы художника над звуковой стороной стиха.

А. Платонов, возможно, бессознательно «подключается» к традиции «элегической школы», изменяя ее только формально. При этом сохраняется семантика данной традиции, а именно: попытка «выразить невыразимое», пробудить «эмоциональный опыт» (И. Семенко) читателя. В «Голосе отца» суггестивная поэтика русской элегии преломилась в образе слабой, едва ощутимой силы. Что же означает слабая сила в данном контексте? Ведь отец прямо говорит сыну: «...Я мертв и беспомощен, я уже не могу бороться, я лишь слабый свет в тебе» (207). И теперь, по мнению отца, настало время сына, который должен продолжить дело отца и его поколения. В качестве испытания на взрослость выступает способность / неспособность Якова продолжить дело ушедшего отца.

Однако отец говорит сыну, что за это дело – изобретения, которые могли значительно облегчить жизнь человеческого сообщества – он был арестован: «Я в тюрьме сидел за это» (208). Для того, чтобы понять смысл «случайно» оброненной отцом фразы, следует учитывать также и социально-политический контекст, «подробности» которого остались за пределами нашего анализа. Если в элегическом контексте фраза отца Якова является грустным воспоминанием о мученической жизни, то в социально-политическом – расширяется до куда больших масштабов, связанных не только и не столько с судьбой самого отца, сколько с судьбой страны – времени сталинских репрессий.

Итак, подведем некоторые итоги. Опора на традицию «элегической школы» и определяемую ею поэтику суггестивности позволила А. Платонову выразить ту горечь по поводу «страшного времени» и ту тревогу, в которой жил он сам, не имея возможности обозначить ее вербально. А так как элегические интонации, пронизывающие пьесу, связаны с напоминанием о вечности, смертности и неотменимости итога земной жизни, то социально-политическая коллизийность обретает в пьесе духовно-нравственные смыслы, что позволяет художнику вырваться из тенет своего времени. Так же, как у А.С. Пушкина, В.А. Жуковского и других представителей русской классики, кладбищенский топос в пьесе является «сокровенным» пространством, «излучающим» энергию памяти – важнейшую категорию для платоновского понимания

человеческих связей в мире. Обращение к элегической традиции как раз и позволило увидеть родовую память как слабую субстанцию, направленную на духовно-внутреннее начало в человеке, которая цементирует связь поколений и противостоит их разрыву, образовавшемуся в 30-е годы. В определенной мере А. Платонов идет по пушкинскому «следу», обнаруживая глубинную диалектику бытия: несовершенство социально-политической структуры есть следствие нравственно-этических изъянов человеческой природы.

Примечания

1. Ученый определяет контекст как семантическое поле внетекстовых связей произведения, составляющих «диалогизирующий фон его восприятия» [7. С. 429].

2. Ученый отмечает, что «контекст проливает свет лишь на ограниченную сторону текста, освещая ее с точки зрения определенной постановки вопроса. В конфронтации с новым контекстом текст, скорее всего, начинает выдавать о себе что-то новое, до сих пор не замеченное. Контексты бывают самые разные – литературные и внелитературные, близкие и далекие, исторические, современные, а также возникающие задним числом. Феномен контекстуальности напоминает о том, что текст не детерминирован своим генезисом, а обладает динамичной незавершенностью» [6. С. 6].

3. «В основе элегической тематики лежит переживание безвозвратно уходящего времени, уносящего молодость, надежды, мечты, любовь, жизнь и разрушающего ценности и идеалы. Пространственно-временная модель Э. (элегический хронотоп) предполагает фиксацию разрыва между двумя типами переживания времени в „кладбищенской“ и „унылой“ Э. между идиллическим и индивидуальным временем. Идиллическое восприятие рисует циклический ход времени в природе, гармонически совпадающий со сменой поколений в человеческой жизни. Элегическая эмоция сосредоточена на переживании невозвратности, необратимости движения времени для отдельного человека, отпавшего от идиллического мира» [20. С. 303]. Исследованию жанрового содержания элегии посвящены работы В.Э. Вацура, В.А. Грехнева, Г.А. Гуковского, О.В. Зырянова, С. Сендеровича.

4. Лирическую природу платоновских произведений один из первых отметил М. Горький. В платоноведении анализу лирического свойства прозы А. Платонова посвящено немало работ. См., например: Толстая Е.Д. О связи низших уровней текста с высшими // Мирпослеконца:

Работы о русской литературе XX века. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2002. С. 227-271; Зарецкий В.А. Европейец среди россиян // Воронежский край и зарубежье: А. Платонов, И. Бунин, Е. Замятин, О. Мандельштам и другие в культуре XX века. Воронеж, 1992. С. 16-20; Левин Ю.И. От синтаксиса к смыслу и дальше (о «Котловане» А. Платонова) // Вопросы языкознания. 1991. № 1; Подшивалова Е.А. Человек, явленный в слове. Ижевск, 2002. С. 295-391.

5. Далее текст цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках.

6. В.Э. Вацуро пишет: «Заметим, что русские элегики вообще предпочитают вечерний пейзаж ночному, отчасти потому, что ночной пейзаж был нагружен специфическими ассоциациями юнгианской, масонской и мистической лирики <...> Пейзаж „кладбищенской элегии“ имеет другой смысл, другое назначение и функцию <...> К началу XIX века субъективность, меланхолия, отсутствие фабульного начала воспринимаются как существенные признаки элегии» [19. С. 56, 69].

7. Пути воскрешения, обозначенные Н.Ф. Федоровым в «Философии общего дела», при всей своей близости к христианской эсхатологии, учитывают прежде всего научное развитие человечества. С.Г. Семенова пишет: «...Если будет восстановлена комбинация уникальных телесных частиц того или иного человека, он будет воскрешен для новой жизни. Тут для Федорова как будто не существует сложнейших проблем специфики сознания, души, личности. Восстановите тело, все его клетки – и будет тот же человек. <...> Принцип практического доказательства, подход к идее воскрешения как к проекту, как к гипотезе, требующей своей проверки только делом, стал главным в учении Федорова. Если у эсхатологов это дело является как пассивно претерпеваемый опыт в конце времен, то русский мыслитель призывает опознать в нас самих, в разумно-свободных существах, активное орудие воли божией и в разрешении главного – нашей конечной онтологической судьбы» [21. С. 213, 216].

8. Н.А. Бердяев определяет память как онтологическую категорию, без которой немислима сущность человека: «Память есть глубочайшее онтологическое начало в человеке, которым связывается и держится единство личности. Но в падшем мире человек не мог бы существовать, если бы не было забвения, потери памяти в отношении к многому <...> В религиозном сознании это есть проблема Воскресения. Это есть проблема „философии общего дела“ Н. Федорова. Это есть победа над смертоносностью времени» [22. С. 288].

9. Память как одна из форм едва уловимой жизни особенно обостренно воспринимается Платоновым-художником в 40-е годы. В одном из писем жене он обещает, что будет «незримо, своею памятью стоять у его (сына. – *К.К.*) могилы и плакать по нем» [23. С. 561].

10. Г.А. Гуковский считает, что в данном стихотворении «сталкиваются две России: одна – петербургская, чиновничья, торгашеская, лживая, искусственная, страшная; и другая – народная, торжественно-величественная, мощная отчизна, где и смерть легка, мирна и не страшна; ибо смерти в сущности нет, а есть жизнь природы и народа» [24. С. 405]. Б.П. Городецкий считает, что в элегии Пушкина «в противопоставлении публичного городского кладбища ... родовому деревенскому ... где ничто суетное, мелкое и дешевое не оскорбляет величия смерти, с огромной силой отразилось то же, давно назревавшее отвращение к душной атмосфере светской жизни и стремление вырваться из нее, которые легли в основу неосуществленного продолжения стихотворения „Пора, мой друг, пора!“ [покою] сердце просит» [25. С. 406-407]. Н.В. Измайлов прочел пушкинскую элегию в связи с «целым комплексом социальных размышлений Пушкина о положении передового, культурного (и материально падающего) дворянства <...> о его общественно-политической роли, о его судьбе» [26. С. 256–257]. Л.Я. Гинзбург также отмечает, что в пушкинской элегии «мещански чиновничьему бытию противостоит бытие, в его (Пушкина. – *К.К.*) понимании близкое к природе и народу. Предметам аллегорической буффонады противопоставлен дуб – царь растительного мира» [27. С. 227].

11. Т.И. Сильман пишет о лирических вставках: «В послеромантический период лирические вставки, как правило, уже не оформляются как стихи, а более или менее органично вырастают на базе прозаического текста, приуроченные к состоянию лирической концентрации героя, в момент важного жизненного решения либо душевного подъема от слияния с природой, музыкой и т.д., и обязательно отмеченные высоким эмоциональным напряжением» [28. С. 201]. Исследователь выделяет следующие черты лирических вставок: «тенденция к ритмизации текста, то есть к членению его на приблизительно равные (в условиях прозы) синтаксические отрезки, скрепленные характерными для рядов синтаксических параллелизмов анафористическими зачинами и звуковыми повторами, что способствует возникновению ясно различимой музыкальной мелодии» [28. С. 201].

12. Память обладает статусом такой плотности, которая позволяет говорить о мертвом как о живом: «„Трепет этой жизни бедной“ сохраняет материя платоновской прозы. Одна из таких потаенных энергий – память.

Забвение и беспомыслие – рассеяние, исчезновение, „энтропия“ самого жизненного вещества. От этого платоновское убеждение, основанное, по-видимому, на глубокой действительной вере, что „мертвые тоже люди“, что „мертвые тоже любят нас“» [18. С. 259, 260].

13. См. об этом: [19. С. 55]; [29. С. 91].

Библиографический список

1. Платонов А.П. Дураки на периферии: Пьесы, сценарии. М.: Время, 2011.
2. Корниенко Н.В. История текста и биография А.П. Платонова (1926-1946) // Здесь и Теперь. М., 1993. № 1. С. 1-320.
3. Найман Э. «Из истины не существует выхода». Андрей Платонов между двух утопий // Russian Studies. Ежеквартальник русской филологии и культуры. СПб.: «Пушкинский фонд», 1994. № 1. С. 117-154.
4. Харитонов А.А. Пьеса А.П. Платонова «Голос отца» («Молчание»). История текста – история замысла // Из творческого наследия русских писателей XX века. СПб.: Наука, 1995. С. 391-426.
5. Вьюгин В.Ю. Андрей Платонов: поэтика загадки (Очерк становления и эволюции стиля). СПб.: РХГИ, 2004.
6. Гюнтер Х. По обе стороны утопии: Контексты творчества А. Платонова. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
7. Бахтин М.М. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Язык в художественной литературе. Проблема текста. Рабочие записи 60-х – начала 70-х годов // Бахтин М.М. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 5-6. М., 1996, 2002.
8. Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М.: Наука; Восточная литература, 1993.
9. Левин Ю.И. От синтаксиса к смыслу и далее («Котлован» А. Платонова). Семиотика и информатика. Вып. 30. М., 1990.
10. Платонов А.П. Чевенгур. Котлован. М.: Время, 2011.
11. Хрящева Н.П. Функция лирических «вставок» в повествовательной структуре «Чевенгура» А. Платонова // Нарративные традиции славянских литератур. Повествовательные формы средневековья и нового времени: Сб. науч. тр. Новосибирск: НГУ, 2009. С. 270-282.
12. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем. В 20 т. Т. 2. Стихотворения 1815-1852 годов. М.: Языки русской культуры, 2000.
13. Пушкин А.С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 2. М.: ГИХЛ, 1959.

14. Бердяева О.С. Лирика Александра Твардовского. Вологда: ВГПИ, 1989.
15. Макогоненко Г.П. Творчество Пушкина в 1830-е годы (1833-1836). Л., 1982.
16. Платонов А.П. Записные книжки. М.: ИМЛИ РАН, 2000.
17. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем. В 20 т. Т. 1. Стихотворения 1797-1814 годов. М.: Языки русской культуры, 1999.
18. Бочаров С.Г. «Вещество существования» // Бочаров С.Г. О художественных мирах. М.: Сов. Россия, 1985.
19. Вацуро В.Э. Лирика пушкинской поры. СПб.: Наука, 1994.
20. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / Гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008.
21. Семенова С.Г. Николай Федоров: Творчество жизни. М.: Советский писатель, 1990.
22. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. Я и мир объектов. Судьба человека в современном мире. Дух и реальность. М.: Республика, 1994.
23. Платонов А.П. «...я прожил жизнь»: Письма. 1920-1950 гг. М.: Астрель, 2013.
24. Гуковский Г.А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. Л., 1957.
25. Городецкий Б.П. Лирика Пушкина. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1962.
26. Измайлов Н.В. Очерки творчества Пушкина. Л., 1975.
27. Гинзбург Л.Я. О лирике. 2-е изд. Л., 1974.
28. Сильман Т.И. Заметки о лирике. М.: Советский писатель, 1977.
29. Семенко И. Жизнь и поэзия Жуковского. М., 1975.

Сведения об авторе

Когут Константин Сергеевич
аспирант кафедры современной русской литературы
Уральского государственного
педагогического университета
E-mail: kosfunpix@yandex.ru

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 81'243:378.147

РОЛЬ РОДНОГО ЯЗЫКА В МНОГОЯЗЫЧНОЙ ПОДГОТОВКЕ УЧАЩИХСЯ

Т.А. Лопарева

Вятский государственный гуманитарный университет, Киров

В статье поднимается дискуссионный вопрос о роли родного языка в обучении второму, третьему и т.д. иностранному языку. Рассматривается проявление влияния родного языка на всех лингвистических уровнях отдельно в условиях обучения первому иностранному языку и в условиях контактирования трех и более языков. Анализируются факторы, определяющие источник межъязыкового переноса. Делается вывод о необходимости учета всего лингвистического опыта учащихся.

Ключевые слова: принцип учета родного языка, многоязычие, лингвистический опыт учащихся, интерференция, перенос.

The Role of the Mother Tongue in Polylingual Training of Students **Tatyana Lopareva**

The article deals with the controversial issue of the mother tongue's role in teaching a second, third, etc. foreign language. It looks at the mother tongue's influence on all linguistic levels separately, in the situation of teaching a primary foreign language and in the situation of interaction of three and more languages. The author analyzes factors that determine the source of interlingual transfer and concludes that in teaching foreign languages it is necessary to consider all aspects of students' linguistic experience as a whole.

Key words: the principle of taking the mother tongue into account, multilingualism, students' linguistic experience, interference, transfer.

В отечественной методике роль родного языка отражена в основополагающем методическом принципе обучения иностранным языкам – принципе учета родного языка. А.А. Миролюбов пишет: «владение родным языком учащимся следует использовать при обучении иностранному языку, поставив это владение на службу овладения неродным языком» [1. С. 46]. Реализация данного

принципа предполагает проведение предварительного сопоставительного анализа языковых явлений в родном и изучаемом языках. Кроме этого, важной является идея об опоре на имеющийся у учащегося опыт в родном языке и о переносе ряда умений из родного языка на процесс овладения иноязычными навыками и умениями [2. С. 154-155].

В ситуации многоязычия – естественного или учебного – данный принцип трансформируется, трактовка его расширяется и включает в себя весь предыдущий лингвистический опыт учащихся, поскольку увеличивается количество факторов, влияющих на процесс усвоения изучаемого иностранного языка.

Использование принципа учета родного языка и первого иностранного языка (ИЯ1) в обучении второму иностранному языку (ИЯ2) на современном этапе обусловлено следующими факторами:

1) неразрывной связью между языком, мышлением и окружающей действительностью, что находит свое выражение в формировании языковой картины мира;

2) наличием у обучаемых навыков и умений речепорождения на родном языке к началу овладения ИЯ1 и основ речемыслительной деятельности на ИЯ1 к началу обучения ИЯ2;

3) существованием языковых компонентов, присущих языковым системам большинства языков мира, или языковых универсалий (например: утверждение, отрицание, субъект, объект, адресат, атрибуция, количество, единичность / множественность и т. д.), что создает особый вид лингвистических знаний, которые, будучи однажды приобретенными, облегчают усвоение другого языка [3].

В зарубежной методике роль родного языка оценивалась по-разному: от признания до отрицания.

Контрастивный анализ наделял родной язык фундаментальной ролью, где родной язык являлся как бы призмой, через которую проходило изучение иностранного языка. Предполагалось, что негативный перенос (интерференция) был единственной причиной ошибок, в то время как положительный перенос облегчал усвоение неродного языка.

Тем не менее в 1970-х гг. появились исследования, доказывающие, что ошибки, идущие от родного языка, имели ограниченный процент. Данный факт привел к существенной

редукции роли родного языка в теории обучения иностранному языку. Авторы «гипотезы идентичности» [4] вывели теорию об идентичности процессов усвоения родного и иностранного языков, придавая большее значение врожденным, или универсальным, факторам.

В дальнейшем, с развитием некоторых теорий, согласно которым универсальная грамматика доступна только посредством родного языка, родному языку была возвращена его фундаментальная роль. Когнитивный подход рассматривает в настоящее время обращение к родному языку как к инструменту для изучения неродного языка, как облегчающую стратегию для его освоения (отмечая различия и сходства, строя ассоциации для лучшего запоминания и т.д.). Родной язык считается проводником, гидом для ориентирования в правилах, на которых основан изучаемый язык, и для помощи в его понимании.

До сегодняшнего момента не существует единой и полной теории о переносе, которая всесторонне объясняла бы роль родного и других языков в усвоении изучаемого языка. Обобщая данные исследований в этой области, можно выделить следующие факторы:

1. Лингвистический уровень: влияние родного языка может происходить на всех уровнях (фонологическом, лексическом, синтаксическом, морфологическом, текстуальном, прагматическом) и проявляться на разных лингвистических уровнях больше или меньше, в зависимости от близости языковых систем.

2. Уровень знания языка: интерференция является более частотной на начальном уровне изучения иностранного языка по причине недостаточности лингвистических средств в репертуаре. Перенос проявляется в порядке, перечисленном в предыдущем пункте, т.е. с большей вероятностью в начале изучения какого-либо нового языка проявляется интерференция на фонологическом и лексическом уровнях. По мере освоения языка, как правило, наблюдается интерференция синтаксическая и / или морфологическая. Последние два вида лингвистической интерференции – текстуальная, а особенно прагматическая – проявляются даже на продвинутом уровне и являются наиболее сложными для коррекции.

3. Прямое и переносное значение: в отношении понятий, имеющих как прямое, так и переносное (метафорическое) значение можно констатировать большую вероятность переноса из родного языка исключительно прямого значения понятия. Метафорическое значение переносится в редких случаях.

4. Степень маркированности: маркированные элементы редко переносятся из родного языка, в то время как немаркированные могут интерферировать с большей долей вероятности, особенно на начальном уровне.

5. Типологическая дистанция: в родственных языках перенос происходит с большей вероятностью, чем в языках неродственных. В случае неблизкородственных языков усвоение целевого языка будет более продолжительным, особенно при изучении элементов, отсутствующих в родном языке.

Можно сказать, что в последние годы вновь возник интерес к понятию «перенос», к сфере его воздействия: как он может помочь, а где может помешать в процессе изучения иностранного языка.

Следует отметить, что независимо от того, каким является родной язык обучающегося и какова степень его родства с изучаемыми языками, перенос может оказывать влияние в момент усвоения, но не нарушает порядок этапов усвоения, имеющих непосредственную связь с универсальными факторами и с характеристиками изучаемого языка.

Говоря о роли родного или прежде выученных иностранных языков в усвоении изучаемого языка, имеют в виду источник межъязыкового переноса. На этот счет существуют разноречивые высказывания. Одни исследователи констатируют большее влияние родного языка, другие – первого иностранного.

Овладение первым и вторым иностранным языком рассматривается на сегодняшний день как подтипы овладения языком, совпадающие по многим параметрам, но имеющие существенные различия.

Традиционно отмечается влияние предыдущего лингвистического опыта на процесс усвоения иностранного языка в плане влияния одного или другого языка (родного или первого иностранного), однако одновременное влияние нескольких языков не было предметом рассмотрения. G. De Angelis считает традиционные

точки зрения на перенос слишком ригидными в концептуализации и не совсем применимыми к специфическим явлениям многоязычия [5]. Можно выделить два типа лингвистического воздействия:

- 1) когда язык-источник влияет на целевой язык;
- 2) когда два или более языка взаимодействуют и влияют на изучаемый язык.

Рассмотрим отдельно роль родного языка в овладении первым иностранным языком и участие родного языка при овладении ИЯ2 (ИЯЗ и т.д.), поскольку между этими процессами существуют определенные различия: во втором случае наблюдается более высокая степень сложности в силу большего числа вовлеченных языков, а также социальных культурных, психологических, личностных факторов.

На *фонетическом уровне* влияние родного языка проявляется в акценте. Причем он может сохраняться у людей, долгое время проживающих в стране изучаемого языка. Существует эмпирически доказанная способность к переносу фонетических и фонологических правил [6]. Ошибки произношения (как в рецепции, так и в продукции) могут происходить от сложности декодируемого сообщения. В других случаях они не вызывают затруднения понимания, но мешают естественной беглости разговора.

Изучающие иностранный язык обычно категоризируют звуки иностранного языка согласно фонематическому инвентарю родного языка (и других, известных им языков). Именно поэтому схожесть лексических единиц родного и иностранного языков может привести к ошибкам в произношении, если учащийся устанавливает между ними связи.

Что касается интонации, то на нее, по-видимому, обращается меньше внимания при обучении, поскольку считается, что интонационные ошибки не затрудняют понимания. Как следствие, для овладения интонацией не прилагается столько усилий, как для овладения другими аспектами речи.

На *лексическом уровне* влияние родного языка на изучаемый иностранный продемонстрировано в многочисленных исследованиях, описывающих как имеющиеся сложности, так и облегчающие факторы. J. Ard и T. Homburg, J. Cenoz и другие считают, что схожесть лексических единиц между родным и иностранным языком

благоприятствует процессу овладения ИЯ [7; 8]. Самый популярный вопрос, это вопрос когний (слов с похожей формой и содержанием – *important / importante*) и ложных когний (слов с похожей формой, но различным содержанием – *актуальный / actually / actualmente*). Ложные когнии затрудняют процесс обучения и могут привести к интерференционным ошибкам.

В случае типологического родства родного и иностранного языков процесс обучения идет быстрее, несмотря на различия в лексике. J. Ard и T. Nomburg приводят пример лучших результатов в обучении английскому языку как иностранному со стороны учащихся, для которых родной язык испанский, по сравнению с учащимися с родным арабским языком. Авторы выдвигают предположение о так называемом «ограниченном усилии» (*finite effort*): для испанофонов нет необходимости прилагать чрезмерно много усилий для восприятия похожих терминов на английском языке, что позволяет высвободить время и силы для того, чтобы сосредоточиться на различающихся понятиях [7].

На *синтаксическом уровне* также можно констатировать влияние родного языка на изучаемый иностранный: существующий в родном языке порядок слов – свободный или фиксированный – переносится на иностранный язык.

На *уровне дискурса* одним из главных вопросов, разрабатываемых в последнее время, становится проблема дискурсивных маркеров. Дискурсивные маркеры определяются как лингвистические элементы, принадлежащие к разным грамматическим категориям. Ссылаясь на исследователей J. Brown и J. Yule, Г.Р. Власян приводит следующие характерные грамматические особенности маркеров дискурса: свободный тип синтаксической связи со структурой, в которой они употребляются, преимущественно препозитивное местоположение в высказывании, факультативность употребления [9], принадлежность к различным грамматическим классам слов – междометиям, наречиям, частицам. Их функция заключается в связывании между собой предложений или информативных сегментов в тексте (дискурсе), они служат связующим элементом между говорящим, слушающим, местом и временем – этими четырьмя параметрами контекста [9]. Дискурсивные маркеры не образуют естественный класс единиц. Этот

класс не имеет четких границ и объединяет единицы, которые различные классификации относят к разным частям речи. Дискурсивные маркеры не имеют денотата в общепринятом смысле; их значения не предметны, поэтому их можно изучать только через их употребление [9]. Они сложно усваиваются при изучении иностранного языка, поскольку выходят за рамки предложения и являются многофункциональными (одна и та же единица может выполнять различные функции в зависимости от контекста).

В связи с их объективной трудностью и несовпадением с родным языком, употребление подобных лексических единиц избегается изучающими ИЯ.

С другой стороны, изучающие иностранный язык начинают употреблять дискурсивные элементы с самых ранних стадий учебного процесса. Однако это может привести к чрезмерному (сверхчастому) употреблению одной группы маркеров в ущерб другим. Избегание употребления соответствующих междометий и частиц ведет к тому, что дискурсу на иностранном языке будет не хватать точности, связности, согласованности, что может привести к недопониманию. Высокий уровень коммуникативной компетенции обязательно должен включать правильное употребление дискурсивных маркеров.

Таким образом, в процессе усвоения иностранного языка участвует множество факторов, один из которых – влияние родного языка на всех лингвистических уровнях. Большее или меньшее влияние родного языка обусловлено частично лингвистическими факторами, частично – экстралингвистическими (возраст, мотивация, восприятие индивидом типологического родства между языками и т.д.).

Далее рассмотрим ситуацию контактирования трех и более языков на всех лингвистических уровнях: грамматическом, лексическом, фонетическом и дискурсивном.

При овладении *фонетикой* второго (третьего и т.д.) иностранного языка влияние осуществляется как со стороны родного языка, так и со стороны ранее изученных языков.

В. Namarberg и В. Namarberg утверждают, что опора на фонетику родного языка более прочная и более стойкая, в то время как опора на ИЯ1 обычно является сознательной стратегией компенсации несформированности фонетических навыков целевого

языка и, как правило, исчезает в процессе обучения [10]. Можно выделить несколько важных моментов:

1. Предыдущий иностранный язык может оказывать интерферирующее воздействие на фонетическом уровне на целевой язык, даже если компетенция в первом является низкой. В данном случае интерференция будет ограничиваться похожими с фонетической точки зрения словами.

2. При владении несколькими иностранными языками влияние языков на изучаемый может зависеть от их типологического родства.

3. Влияние языков при многоязычии уже не будет ограничиваться схемой, когда один язык влияет на другой. Уже два языка и более взаимодействуют и конкурируют между собой за влияние на изучаемый язык [11].

Положительный эффект предыдущего лингвистического опыта с фонетической точки зрения, по G. Mehlhorn, заключается в следующем:

- учащиеся уже знакомы с тем фактом, что интонационная и артикуляционная системы различаются в каждом языке;
- они знают, что существуют правила соответствия между графемой и фонемой;
- знакомы с фонетической транскрипцией;
- знают некоторые фонетические правила;
- понимают, чем характеризуется их иностранный акцент;
- имеют опыт в артикуляции новых звуков [12].

На лексическом уровне влияние родного и первого иностранного языков на последующие изучаемые языки можно обобщить так:

1) влияние каждого из ранее усвоенных языков неодинаково. Например, изучающие ИЯ2 переносят значение слов из родного языка, а не из ИЯ1 (если только уровень компетенции в ИЯ1 не является высоким), что подтверждено многочисленными исследованиями;

2) неродной язык (ИЯ1 или один из ранее изучавшихся языков) может оказывать большее по сравнению с родным языком влияние. В. Namarberg отмечает важную роль в конструировании ИЯ2 как родного, так и ИЯ1, однако влияние они оказывают по-разному: родной язык выполняет прагматическую функцию инструментального языка, а ИЯ1 – «языка-поставщика». Тот факт,

что выбирается иностранный, а не родной язык в качестве «поставщика», возможно, объясняется механизмами усвоения иностранных языков, отличающихся от механизмов овладения родным языком и, как следствие, тенденцией игнорировать родной язык. Из всех языков, которыми владеет индивид, один будет преобладать как «поставщик», т.е. мультилингв стремится минимизировать число задействованных языков [13].

3) иногда воздействуют одновременно два языка и более. Чем больше из известных индивиду языков разделяют определенную лексическую характеристику, тем чаще она переносится, т.е. имеет место комбинированное межъязыковое влияние.

На *грамматическом уровне* в процессе обучения лингвистические знания накапливаются. Имеющиеся знания в родном языке и усвоенных иностранных языках могут влиять на процесс овладения последующими языками. Здесь, как и в случае с лексикой, может преобладать влияние как родного, так и ранее усвоенного иностранного языка. Индивид может опираться на знания того языка, который воспринимается им как типологически более близкий.

На *уровне дискурса* также обращает на себя внимание влияние на изучаемый язык всех языков, которыми владеет индивид. Знание более одного языка облегчает процесс обучения таким лексическим единицам, отличающимся в разных языках, как дискурсивные маркеры. На уровне дискурса многими исследователями отмечается также большее влияние неродных языков на изучаемый [14].

Таким образом, можно констатировать влияние всего предыдущего лингвистического и учебного опыта учащихся на изучаемый иностранный язык. Влияние родного языка и ранее усвоенных иностранных языков зависит от целого ряда факторов, которые можно разделить на лингвистические и экстралингвистические. К лингвистическим относятся: лингвистическая типология, психологическая типология, уровень компетенции в ранее изученных языках, уровень компетенции в изучаемом языке. К экстралингвистическим относятся: недавнее использование, контекст, возраст, уровень образования. Рассмотрим подробнее перечисленные факторы.

Лингвистические факторы:

1. Исследования в области *лингвистической типологии*, релевантные теории овладения ИЯ2 (ИЯ3 и т.д.), показали, что, как правило, большее влияние на целевой язык оказывает типологически более близкий язык [8; 11].

2. *Психологическая типология*. По замечанию Е. Kellerman, индивид, изучающий иностранный язык, часто производит перенос из того языка, который он воспринимает как наиболее близкий типологически, хотя он может и не быть таковым. По мере укрепления своих знаний в целевом языке восприятие учащегося относительно дистанции между изучаемыми языками изменяется [15]. Н. Ringbom различает три стадии усвоения [16]:

а) общий уровень: учащийся воспринимает сходства в языках на различных уровнях (фонетическом, грамматическом, лексическом, дискурсивном), что может служить фактором, облегчающим усвоение;

б) устанавливаются связи между специфическими феноменами в целевом и исходном/опорном языках. Чтобы обнаружить общие точки соприкосновения, учащийся опирается, в основном, на форму слов и грамматические конструкции;

в) учащийся производит межъязыковые сопоставления в плане содержания.

3. *Уровень компетенции в изученных ранее языках*. Исследователи сходятся в мысли, что более сильным будет влияние тех языков, где учащийся имеет более высокий уровень компетенции. S. Williams и В. Hamerberg пришли к заключению, что в случае владения родным и иностранным языком на высоком уровне, оба языка будут играть важную роль в усвоении третьего языка, но по-разному: в то время как родной язык выполняет инструментальную функцию (применяется для решения проблем, связанных с выполнением задания, как объяснить, выразить сомнения и т.д.), ИЯ1 служит «поставщиком» (*supplier*) [17].

4. *Уровень компетенции в целевом языке*. Межъязыковое влияние сильнее на начальных стадиях обучения, влияние ИЯ1 уменьшается быстрее, чем влияние родного языка [13].

5. К другим лингвистическим факторам можно отнести *порядок усвоения языков*: ИЯ1 в процессе усвоения оказывает меньше воздействия на усвоение ИЯ2.

6. *Эффект иностранного языка*: иногда, говоря на иностранном языке, мы неосознанно прибегаем к ранее изученным иностранным языкам, а не к родному языку [17].

7. *Эффект «последнего языка»* [8]: язык, изученный последним перед целевым языком, обычно более доступен для влияния на последующий.

Экстралингвистические факторы:

1. *Недавнее использование языка*. Исследования, посвященные этому фактору, появились в 70-х гг. XX века. Vildomec [5. Р. 35] в одной из своих работ обратил внимание на то, что влияние неродных языков проявляется особенно ярко, если индивид недавно их использовал. Эта идея была поддержана другими исследователями [17]. Это возможно, поскольку индивиду обеспечивается более легкий доступ к недавно сохраненной в памяти информации.

Однако известны и противоположные свидетельства: перенос из языков, бывших в употреблении очень давно, не использовавшихся годами [5].

2. *Контекст*. Обстоятельства коммуникации на втором иностранном языке также могут быть определяющими: собеседники, состояние, настроение, место, тема разговора и т.д. – все может оказывать влияние на коммуникацию. Формальность ситуации также может играть важную роль: как продемонстрировал J.M. Dewaele, определенная степень формальности ситуации, в которой разворачивается коммуникация (например, серьезный разговор с преподавателем, экзамен и т.д.) может привести говорящего к более интенсивному управлению своим речевым поведением и, таким образом, контролировать (предотвращать) возможную интерференцию [18].

3. *Возраст*. При сравнении детей разного возраста, изучавших иностранный язык, установлено, что у более старших детей прогресс в изучении языка более заметен, чем у младших, что связано с когнитивным и металингвистическим развитием. Металингвистическое развитие может влиять и на усвоение второго иностранного языка, а именно в отношении фактора психологической

типологии: более старшие учащиеся, как правило, имеют более точное представление о лингвистической дистанции между языками, что может определять выбор языка в качестве источника переноса.

4. *Уровень образования* в родном языке может способствовать положительному переносу. Со своей стороны М.Н. Keshavarz и Н. Astaneh приводят данные о том, что учащиеся-билингвы, изучавшие оба языка в учебном заведении и использовавшие их в устной речи в качестве языков общения, усваивали лексику второго иностранного языка с большей легкостью, чем те билингвы, что изучали язык только в естественной среде, без целенаправленного учебного воздействия [19].

Таким образом, в усвоении целевого языка могут участвовать и оказывать влияние самые разнообразные факторы. В некоторых случаях на первый план выходит какой-то один фактор и аннулирует другие. В других случаях два фактора и более влияют на перенос в целевой язык.

Обобщая сказанное о роли родного языка и влиянии всего предыдущего учебного и лингвистического опыта учащегося на процесс усвоения им иностранного языка, сделаем следующие выводы:

1. Все изученные и изучаемые индивидом языки влияют друг на друга. Все и каждый из них каким-либо образом влияют на последующий изучаемый язык на фонетическом, грамматическом, лексическом, прагматическом и др. уровнях. В некоторых случаях неродные языки оказывают большее влияние. Кроме того, может иметь место так называемое комбинированное влияние двух и более языков. Можно констатировать существенные отличия в поведении (речевом и учебном) учащегося-монолингва и учащегося-мультилингва.

2. Учащийся-мультилингв использует в процессе овладения иностранным языком стратегии, характеризующие «идеального учащегося», благодаря своему опыту и знаниям, собранным в процессе образования.

Библиографический список

1. Миролубов А.А. Сознательно-сопоставительный метод обучения иностранным языкам. М., 1998. 56 с.
2. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 336 с.
3. Щербакова М.В. Особенности обучения второму иностранному языку студентов языковых факультетов // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2003. № 2. С. 85-88.
4. Dulay H., Burt M., & Krashen S. Language two. New York: Oxford University Press, 1982.
5. De Angelis G. Third or Additional Language Acquisition. Clevedon: Multilingual Matters, 2007.
6. Broselow E. Transfer and universals in second language epenthesis // Gass S., Selinker L. In Language Transfer in language Learning. (Revised edition). John Benjamins Publishing. Amsterdam: Philadelphia, 1994. P. 71-86.
7. Ard J., Homburg T. Verification on language transfer // Gass S., Selinker L. In Language Transfer in language Learning. (Revised edition). John Benjamins Publishing. Amsterdam: Philadelphia, 1994. P. 47-63.
8. Cenoz J. The effect of linguistic distance, L2 status and age on cross-linguistic influence in third language acquisition // Cross-linguistic Influence in Third Language Acquisition: Psycholinguistic Perspectives / Cenoz J., Hufeisen B., Jessner U. (eds.) Clevedon: Multilingual Matters, 2001. P. 8-20.
9. Власян Г.Р. Особенности функционирования маркеров англоязычного разговорного дискурса // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2011. № 16. Т. 4. С. 115-120.
10. Hammarberg B. and Hammarberg B. Articulatory re-setting in the acquisition of new languages // Reports from the Department of Phonetics, University of Umee, Phonum, 2. 1993. P. 61-67.
11. Clyne M. Some of the things trilinguals do // International Journal of Bilingualism 1: 2. 1997. P. 95-116.
12. Mehlhorn G. From Russian to Polish: Positive Transfer in third Language Acquisition Saarbrücken, 6-10 August 2007. // Электронный ресурс Интернет: www.icphs2007.de/conference/Papers/1709/1709.pdf.
13. Hammarberg B. Roles of L1 and L2 in L3 Production and Acquisition // Cenoz J., Hufeisen B., Jessner U. Cross-linguistic Influence in

Third Language Acquisition: Psychological Perspectives. Clevedon: Multilingual matters Ltd., 2001. P. 21-41.

14. Franceschini R. A multilingual network in the re-activation of Italian as the third language among German speakers: Evidence from interactions, *Zeitschrift für Interkulturellen Fremdsprachenunterricht* 5:1. 2000 // Электронный ресурс Интернет: www.ualberta.ca/~german/ejournal/ejournal.html.

15. Kellerman E. Now you see it, now you don't // *Language Transfer in Language Learning* / Gass S., Selinker L. (eds). Rowley, MA: Newbury House, 1983. P. 112-134.

16. Ringbom H. Levels of transfer from L1 and L2 in L3-acquisition // *Proceedings of the Second International Conference on Trilingualism* / Ytsma J., Hooghiemstra M. (eds) Leeuwarden: Fryske Akademie, 2002.

17. Williams S. and Hammarberg B. Language switches in L3 production: implications for a polyglot speaking model // *Applied Linguistics* 19: 3. 1998. P. 295-333.

18. Dewaele J.M. Activation of inhibition? The interaction of L1, L2 and L3 on the language mode continuum // *Cross-linguistic Influence in Third Language Acquisition: Psycholinguistic Perspectives* / Cenoz J., Hufeisen B., Jessner U. (eds.) Clevedon: Multilingual Matters, 2001. P. 69-89.

19. Keshavarz M.H., Astaneh H. The impact of bilinguality on the learning of English vocabulary as a foreign language (L3) // *Bilingual Education and Bilingualism*. 7(4). 2004. P. 295-302.

Сведения об авторе

Лопарева Татьяна Анатольевна
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры романо-германской филологии
Вятского государственного гуманитарного университета
E-mail: TLopareva@yandex.ru

УДК 378.147:811:316.7

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ВУЗА

О.Г. Оберемко

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье анализируются теоретико-методологические и прикладные аспекты диалога культур в обучении иностранному языку студентов лингвистического вуза. Рассматриваются соотношение понятий «диалог культур» и «межкультурная коммуникация», лингво-психологические и дидактические механизмы реализации социокультурного подхода в обучении иностранному языку.

Ключевые слова: диалог, диалог культур, межкультурная коммуникация, взаимопонимание, текст.

Dialogue of Cultures in Teaching Foreign Languages to Linguistics University Students Olga Oberemko

The article analyzes theoretical, methodological, and practical aspects of fostering the dialogue of cultures in teaching foreign languages to linguistics university students. It looks at the interrelation of such notions as “dialogue of cultures” and “intercultural communication” as well as at linguistic, psychological, and didactic mechanisms of implementing the dialogue of cultures in teaching foreign languages.

Key words: dialogue, dialogue of cultures, intercultural communication, mutual understanding, text.

Современная система образования в своем развитии проходит стадию сложных изменений. Особенно актуальны они в области совершенствования иноязычного образования, в том числе в сфере подготовки будущего лингвиста в вузе. Перспективным и недостаточно разработанным направлением является обучение иностранному языку на основе реализации диалогических механизмов межкультурной коммуникации. Учет этих механизмов в иноязычном образовании студентов лингвистического вуза имеет особое значение, так как владение иностранным языком для них выступает существенным компонентом профессиональной компетентности.

Цель данной статьи – обоснование теоретико-методологических и практических направлений реализации диалога культур в обучении иностранному языку студентов лингвистического вуза. Для

достижения названной цели были изучены научные публикации по теме и проведен анализ практики обучения иностранным языкам в лингвистическом вузе.

Диалог как феномен культуры и форма коммуникации – это многогранное явление: современное содержание соответствующего термина многозначно. В языкознании оно используется для уточнения контекстуальной речевой ситуации. В процессе обучения иностранным языкам диалоги традиционно применяются в качестве дидактического материала для овладения речевыми конструкциями применительно к тем или иным ситуациям. В драматургии, поэзии и театре диалог – это вид жанра, несущий экспрессивную и идеологическую нагрузку.

Методологически важны для понимания диалога культур в обучении иностранному языку идеи М.М. Бахтина о диалоге и взаимодействии. В диалогическом взаимодействии с другими людьми, по мнению ученого, раскрывается человеческая личность [1]. Оценивая творческое наследие Ф.М. Достоевского, он указывает на диалогический характер романов великого русского писателя, в произведениях которого диалог является не преддверием к действию, а самим действием [2]. По Бахтину, диалог в широком смысле слова – это со-размышление, со-понимание, со-гласие. Подобный подход позволяет придать диалогичности универсальный характер и расширить возможности применения понятия «диалог», используя его, в частности, в сфере взаимодействия культур в обучении иностранным языкам.

Применительно к обучению иностранным языкам понятие диалога культур близко к понятию межкультурной коммуникации, что дает основание акцентировать внимание на структурно-функциональном статусе компонентов диалога культур (культурных компонентах коммуникации), группирующихся вокруг определенных сфер культуры по следующим признакам – лингвистическому, прагматическому и семантическому [3]. Выделение подобных признаков раскрывает механизм достижения возможных результатов коммуникации.

Что делает возможным диалог между культурами? Прежде всего, это прагматическое отношение к проблеме выживаемости культуры этносов, а также интерес к жизни и особенностям других

культур, а через них – к более глубокому пониманию и оценке своей культуры. Это необходимость сохранения культурного наследия своего народа, смысл и назначение которого раскрывается в познании других культур. Интерпретация культурных ценностей другого народа приводит к сопоставлению их с ценностями своей культуры. Через познание подобного рода происходит не только взаимообогащение культур, но и достижение согласия, взаимопонимания как необходимых условий сохранения мира, устойчивых, доброжелательных, основанных на взаимопонимании отношениях между людьми различных культур.

По мнению ученых, неоднократно обращавшихся к исследованию возможностей установления диалога между людьми различных культур, реальны два пути осуществления этого процесса. Первый путь предлагает в субъективном восприятии чужой культуры отбрасывать все лежащее за пределами понимаемого культурного текста, оставляя то, что соответствует собственному пониманию последнего. Подобный путь облегчает адаптацию текста к своему мировосприятию и осознанию культуры «чужого». Суть второго подхода заключается в поиске путей более глубокого проникновения в смысл «чужой» культуры без утраты ее своеобразия ([4], [5] и др.). Кстати, именно второй путь «снимает» возможную субъективацию интерпретации текста в диалоге культур, помогает избежать нарушения культурных традиций, что неизбежно связано со «свободным» толкованием ситуации или ее непониманием.

За различиями в языке всегда стоят различия в национальных картинах мира и ментальностях коммуникантов. В определенном отношении диалог культур – это коммуникативное действие, ориентированное на взаимопонимание, достигаемое в интеракционном взаимодействии. Взаимопонимание как условие возникновения диалога и результат межкультурной коммуникации дает возможность истолкования мотивов поведения коммуникантов, роли культурных факторов в решении вопросов, связанных с необходимостью достижения консенсуса, коммуникативного «успеха».

Диалог культур предполагает учет трех социально значимых структурных компонентов: (1) социальный статус коммуникантов и их социальные роли в коммуникативной ситуации; (2) социально

обусловленное отношение к адресату; (3) социально значимая оценка самой информации. Характеристики социального статуса коммуникантов определяются социально-экономическими, социокультурными, этническими и индивидуальными признаками. В процессе обучения иностранному языку в вузе коммуниканты могут быть представителями одного этноса, однако один из них (преподаватель) в данной ситуации представляет другую культуру, которая должна быть представлена как можно более аутентично. Поэтому важным для преподавателя иностранного языка качеством является способность «перевоплощения» в представителя транслируемой им культуры (как с помощью вербальных, так и невербальных средств).

Таким образом, деятельность преподавателя иностранного языка и студентов в иноязычной диалогической ситуации в межкультурной коммуникации находится под влиянием двойной детерминации текста и контекстов обеих культур (родной и иноязычной). Понимание смысла и значения изучаемой иноязычной культуры осуществляется благодаря тому, что у взаимодействующих сторон есть общие цели, мысли и знания, соответствующие данному времени и контексту. Не менее важным является и тот факт, что коммуниканты должны быть должным образом осведомлены относительно обсуждаемой проблемы и ее контекста, располагать адекватным культурным кодом, демонстрировать понимание существа проблемы.

Предполагается, что развивающий потенциал диалога культур как механизма межкультурной коммуникации можно свести к трем наиболее важным показателям: 1) изменения в знаниях сторон; 2) изменение установок и мотивов поведения; 3) изменение поведения партнеров [6]. Однако эффект подобных изменений может быть оценен как позитивный только в том случае, когда их результативность оценивается по шкале культурных ценностей, диапазон которых чрезвычайно широк.

Возможным вариантом межкультурного диалога в обучении является развертывание двух противоположных типов отношений – «ситуация понимания» и «ситуация непонимания» [7. С. 112-114]. Результат разрешения подобных ситуаций зависит от многих факторов. Прежде всего, условием взаимопонимания сторон является

признание участниками диалога существования другого мнения – точки зрения, которая отлична от их собственной. Осознание специфики собственного понимания предполагает существование «другого» смысла как равноценного. Сходство и различие индивидуальных особенностей участников диалога обеспечивают результативность процесса коммуникации при условии использования согласованного кода связи и социокультурных норм регламентации коммуникативных процессов, а также возможных точек соприкосновения, вытекающих из хотя бы относительной общности целей, а также ценностно-нормативной ориентации на достижение согласия и взаимопонимания. Таким образом, достижение взаимопонимания осуществляется благодаря использованию культурных однопорядковых кодов, социокоммуникативной совместимости партнеров, а также совпадению целей и интересов взаимодействующих сторон.

Непонимание выступает противоположностью понимания, существуя в единстве и противоречии с последним. Граница между пониманием и непониманием относительна, подвижна и условна, но факт непонимания свидетельствует о наличии этой границы. Подобно тому, как можно определить добро через зло (добро есть преодоление зла), так и феномен понимания раскрывается через преодоление границ непонимания, поиск путей этого преодоления. В непонимании обнаруживается неявное, скрытое содержание (это может быть сам текст, его подтекст, контекст, употребляемые элементы знаковой системы и т.д.), незнание, несоответствие культурных кодов и др. Другими словами, непонимание – это толчок, основание для расширения границ понимания, с целью совершенствования познавательно-практической деятельности человека. Варианты приспособления внутреннего мира личности к возможностям выражения смысла и значения текста увеличиваются по мере выхода личности в ранее недоступную предметность культуры на основе уже имеющихся устойчивых установок и ориентиров [8]. Непонимание способствует актуализации проблемы понимания, что ведет к сохранению противоположности «я» и «ты», «своего» и «чужого», дистанцирует их, создавая тем самым условия для понимания.

Яснее всего диалектика понимания - непонимания проявляется в диалоге. Понимание только своего «я», своей исключительности

закрывает возможности понимания своего «я» через «другого» и, в конечном счете, приводит к расширению поля непонимания, невозможности вступления в диалог, сближения «своего» и «чужого» в коммуникативном взаимодействии. Выход за пределы «своего» сознания, совмещение «своей» языковой картины мира с «другим», преодоление замкнутости «своего» – есть условие и результат диалога (диалога индивидов, общностей, культур).

Услышать «другого», встать на его точку зрения, сравнить «свое» и «чужое» – необходимое условие диалога, практическая действенность которого позволила М.М. Бахтину рассматривать данное явление культуры не как преддверие к действию, а как само действие. Данный аспект проблемы диалога как социокультурного механизма развития личности в обучении иностранным языкам ориентирован на обеспечение взаимодействия субъектов и воспроизводство социокультурных норм, что позволяет сохранить базовые ценности культуры / культур, личностные ценности и вместе с тем обогащать культуру личности выработкой новых ценностей и социальных факторов, заимствованием и адаптацией последних к условиям своих материальных и духовных возможностей.

Структурно диалог представлен тремя компонентами информационной деятельности: автор – текст – реципиент (в ситуациях обучения автором может выступать преподаватель). Создание текста в диалоге осуществляется как автором, так и реципиентом. В данном случае автор и реципиент меняются местами, а текст одного наслаивается на текст другого, что имеет свою последовательную цепочку событий: мотив, замысел, текст. Вместе с тем, обратная связь как обязательный момент диалога осуществляется в той же самой структуре, но в иной последовательности: текст – замысел – мотив, что позволяет расширить границы адекватного понимания текста (объекта или проблемы диалога) в диалогической ситуации со стороны автора и реципиента. Обязательным условием осуществления подобного рода коммуникации является относительно одинаковое владение коммуникантами знаковой системой, соответствие тезаурусов (знания, понятия, ценностные установки и ориентации) [9]. Таким образом, диалогическое обучение создает положительный контекст для освоения студентами знаний, навыков и умений в области иноязычной культуры, а также – для сближения

культур в более широком плане, чем дидактический (родной и иноязычной культур, культуры преподавателя и культуры студентов). Данный эффект открывает новое видение развивающих возможностей диалога культур в обучении иностранным языкам.

Одним из факторов, раскрывающих характерные признаки диалога культур, является культурно-коммуникативная совместимость, которая выражает социокультурную направленность совместной деятельности людей в их стремлении достичь согласия, обеспечить необходимые условия их жизнедеятельности. Культурно-коммуникативная совместимость обеспечивается соответствующей базой дискурса, общепринятых этикетных норм поведения, общественных оценок социокультурного опыта народов, а также общностью духовных устремлений к осуществлению диалога. Выбор коммуникативных форм, каналов, социальной направленности и содержания дискурса определяется целями и задачами коммуникативного взаимодействия.

Учитывая понимание диалога в широком смысле слова и ту общую картину языкового взаимодействия, которое допускается Бахтиным при рассмотрении данного феномена, позволим себе экстраполировать некоторые аспекты приведенных выше характеристик диалога на процесс обучения иностранному языку, построенный в соответствии с принципом диалога культур. Подобное перенесение признаков, по нашему мнению, вполне допустимо, так как оно затрагивает специфику процесса коммуникации между общностями (представителями культур, преподавателями и студентами), субъектами которой, в конечном счете, являются люди, а для них словесное творчество есть одно из важнейших условий и форм проявления их бытия.

Итак, основные, ведущие характеристики диалога как формы коммуникации, предложенные М.М. Бахтиным, можно свести к следующим моментам:

- доверие к «чужому слову»;
- «поиски и вынуждение глубинного смысла»;
- согласие в различных оттенках его проявления, усиление смысла в результате вербального взаимодействия, контекстуальное понимание и выход за пределы понимания.

Содержание информации как предмета диалога должно быть понятным для субъектов диалога, т.е. соответствовать целям взаимодействия. Идея диалогичности понимания предполагает преодоление чуждости «я» и «ты», что обеспечивает достижение относительного равновесия партнеров по диалогу и представляется как взаимопонимание. Рассмотрение диалога (межкультурного, как формы дискурса и т.д.) связано с выяснением такой сложной философско-лингвистической и психолого-педагогической проблемы, как текст, выступающий объектом диалогического взаимодействия (Т.М. Дридзе).

С одной стороны, текст является результатом языковой деятельности индивидов, формой ее фиксации. Характерными признаками текста в данном аспекте является его целостность и завершенность. Коммуникативная направленность и структурно-смысловое единство раскрывают такие его свойства, как связность элементов текста – системы, имеющей определенную структуру. В психолингвистическом плане внимание направлено не столько на структуру текста (лингвистический аспект), сколько на проявление его смысла в процессе коммуникации и влияние текста на организацию человеческой деятельности.

Таким образом, лингвистическое и психолингвистическое понимание текста как объекта диалога позволяет рассматривать данный феномен в качестве результата языковой деятельности и формы организации речи. Названный подход близок к психолого-педагогическому пониманию текста как фактора становления личностных качеств индивида, его устремления на «другого», а также его включения во взаимодействие с «другим» в историко-культурном процессе на базе культурных кодов (языковая деятельность и форма организации речи). В этом смысле коммуникативность личности обуславливает существование того или иного текста.

Важно отметить, что эффективность коммуникации в диалоге, степень понимания сторонами друг друга, определяется не столько знаниями (тезаурусами) партнеров, сколько содержанием и структурой общего для них «поля значений». Знание особенностей последнего является необходимой стороной деятельности как преподавателя, так и студентов, что и определяет ее трудности и специфику. Лингвострановедческий и логико-гносеологический

аспекты содержания обучения иностранному языку способствуют углубленному пониманию общего контекста и «включению» в него «поля значений», благодаря чему происходит совмещение своего и другого «поля значений», понимание «своего» через «другого».

В диалоге культур диалогическая коммуникация проявляется не только как ситуация дискурса, т.е. максимально полное знание, достаточное для существования «общей памяти» или «общего контекста», но и в необходимости существования большого количества дополнительных факторов текста, которые для развития процесса понимания в обучении иностранному языку обычно носят второстепенный характер, хотя в диалоге имеют важное значение. Такими факторами являются намеки, паузы, ассоциации, профессиональные знания и т.д. По справедливому замечанию Ю.М. Лотмана, такие тексты будут «цениться не только мерой понятности для данного адресата, но и степенью непонятности для других» [10. С. 57]. Вместе с тем, степень «понятности» и «непонятности» зависит от знания культурно-исторического контекста и особенностей «другого».

На наш взгляд, следует выделять три уровня понимания:

- фиксацию объекта диалога;
- выявление его смысла и социального предназначения;
- субъективно-личностный компонент, который в ситуации

диалога культур проявляется как культурно-исторический контекст, связанный с особенностями национальных культур (традициями, обычаями, символикой, языком, религией и т.д.).

Понимание людьми друг друга, как отмечал В. Гумбольдт, достигается не только тем, что люди в процессе общения передают знаки предметов (т.е. слова, или символы, или произведения искусства, архитектурные сооружения), но и тем, что взаимно затрагивают друг в друге одно и то же звено в цепи чувственных представлений и понятий, благодаря чему в сознании у каждого вспыхивают соответствующие, но нетождественные мысли [11].

В ситуации диалога всегда присутствует субъективно-личностный момент, например, в случае диалога культур как формы межкультурной коммуникации, это историко-культурные традиции народа, исторические и культурно-языковые особенности. Конкретный, субъективный, ситуативный моменты являются

обязательным условием диалога культур, межкультурного взаимодействия и составляют тот аспект отношений между людьми, который мы бы назвали культурой диалога.

Многообразие форм духовного воздействия людей друг на друга в процессе диалога зависит не только от предмета (объекта, проблемы) диалога, но и от богатства языка, используемого обеими сторонами. Диалог как встреча «я» и «ты» существует в речевой форме обращения и ответа, что позволяет партнерам услышать и понять друг друга. Подобная тенденция прослеживается и в диалоге культур. Однако в ситуации последнего речевая коммуникация функционирует в историко-культурных условиях (контекст), которые характеризуются наличием объективированных форм материальной и духовной культуры, большого количества коммуникативных посредников, а также знаковых систем, символический характер большинства из них требует расшифровки, прежде всего, в речевой форме.

Получение знаний в области межкультурной коммуникации применительно к странам изучаемого языка, дополненное лингвострановедческими знаниями собственной культуры, составляют необходимую базу информационных данных культурно-коммуникационного плана, опираясь на которую специалисту легче ориентироваться в коммуникативном пространстве других культур. Информационная интенция (готовность, желание сообщить нечто с помощью знаний, навыков, приемов межкультурной коммуникации) принимает форму коммуникативной интенции, т.е. конкретного сообщения для конкретного получателя в определенное время.

В общечеловеческом и профессиональном отношении образовательная подготовка студентов, готовящихся к профессиональной деятельности в области преподавания или перевода, должна включать знакомство с морально-правовой ответственностью за результаты деятельности, связанные с отсутствием культурно значимой этики и некомпетентностью.

Диалог культур в контексте задач обучения иностранному языку студентов лингвистического вуза заставляет внимательнее отнестись к разработкам социолингвистики, в частности к тем ее разделам, которые в историческом плане знакомят с особенностями типологии мыслительных процессов и психических реакций, сформировавшихся

под влиянием политических или религиозных факторов (А.И. Смирницкий, Г.Д. Томахин, В.П. Филатов, В.П. Фурманова, И.И. Халеева и др.). Например, либерально-демократическая традиция по-иному структурирует коммуникативное пространство, нежели авторитарно ориентированная модель. Знание этой особенности облегчает понимание характера мировосприятия тех и других, невозможность навязывания «своей» картины мира «чужой» или слепого подражания «другому», принятия «других» моделей политического или религиозного видения мира. Отторжение «своего» разрушает целостность личности лингвиста, затрудняет возможности понимания им специфики историко-культурного контекста, что отрицательно сказывается на его дальнейшей профессиональной деятельности. К сожалению, психолого-педагогический аспект профессиональной подготовки лингвиста в контексте многовариативных форм коммуникативного взаимодействия еще недостаточно изучен. Если лингвострановедческий и культурно-коммуникативный аспекты образования по преобладающему большинству показателей доведены до высочайшего уровня мастерства, то межкультурно-диалогический во всех вариантах его проявлений и особенностей связи с культурно-коммуникативным, а во многом и автокоммуникативным (личностным) планах, еще только попадает в зону исследовательского интереса.

Рассматривая все вышесказанное в контексте задач обучения иностранному языку в лингвистическом вузе, отметим, что моделирование диалога культур в обучении студентов, способствует обогащению языкового опыта, помогает развитию языковых и речевых способностей, широкой культурной социализации личности. Данные феномены нашли обобщенное выражение в понятиях «языковая личность», «вторичная языковая личность», «бикультурная» и «поликультурная личность», которые активно используются в современной лингводидактике и методике обучения иностранным языкам.

Для реализации диалога культур в обучении важное значение имеют нижеизложенные принципы, что подтверждено в ряде исследований в русле излагаемой концепции:

- принцип соответствия конкретного языкового и речевого материала целям и задачам межкультурного общения;

- принцип социальной оценки фактов взаимодействия языков и культур;
- принцип моделирования языковой и культурной среды;
- принцип учета общего, особенного и частного в осваиваемых языках и культурах;
- принцип системности отбора культурных фактов;
- принцип политкорректности.

Данные принципы диктуют необходимость ряда организационных преобразований процесса обучения, прежде всего его практического аспекта. С этой целью в систему учебно-производственных практик была включена социально- и профессионально значимая деятельность студентов. Так, в НГЛУ им. Н.А. Добролюбова для подготовки студентов к межкультурному диалогу организуются следующие виды практик:

- поликультурная языковая практика по линии полпредства в Приволжском федеральном округе (лингвистическая поддержка и сопровождение этно-национальных праздников, фестивалей, семинаров и конференций);
- работа с иностранными туристами из разных стран в качестве гида-переводчика и медиатора отечественной культуры на крупных теплоходах (на основе долгосрочного соглашения между НГЛУ им. Н.А. Добролюбова и ООО «Водоходь»);
- работа в качестве волонтеров с представителями других культур (олимпиады, спартакиады и т.п.);
- работа в образовательных и профессиональных программах в рамках международного обмена.

Обучению иностранному языку на основе диалога культур способствует и изучение комплекса дисциплин, традиционно не относящихся к лингвистическим, но способствующих достижению лучшего понимания студентами иноязычной культуры. Сюда относятся, в частности, общая, этническая и когнитивная психология; теория коммуникации; культурологии; культурная антропология; этнология и история.

В межкультурной коммуникации своеобразно проявляется история культуры стран и народов. При этом происходит формирование типизированных образцов поведения и поступков, что

позволяет передавать специфику культурных признаков, характерных для образа жизни «других» культур, и делает возможным проявление особенностей национального характера.

Таким образом, диалог культур в обучении иностранным языкам позволяет сохранить национально-культурное своеобразие личности обучающегося и одновременно обеспечить проникновение в другую культуру, понимание смыслов последней, что обеспечивает подлинную межкультурную компетентность студента – будущего лингвиста.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Худож. литература, 1972. 470 с.
3. Оберемко О.Г. Межэтническая коммуникация в профессиональной подготовке специалиста-переводчика (теоретико-методологические основания исследования): Монография. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А.Добролюбова, 2000. 188 с.
4. Брудный А.А. Психологическая герменевтика. М.: Лабиринт, 1998. 336 с.
5. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвистическая проблематика страноведения в преподавании русского языка иностранцам. М.: МГУ, 1971. 84 с.
6. Роджерс К.Р. К науке о личности // История зарубежной психологии: Тексты. М.: Прогресс, 1986.
7. Брудный А.А. Психологическая герменевтика. М.: Лабиринт, 1998. 336 с.
8. Бодалёв А.А. Восприятие и понимание человека человеком. М.: Изд-во МГУ, 1982. 199 с.
9. Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. М.: Высшая школа, 1980. 224 с.
10. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Изд-во Тартусского ун-та, 1996. 447 с.
11. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 397 с.

Сведения об авторе

Оберемко Ольга Георгиевна
доктор педагогических наук,
профессор кафедры лингводидактики и
методики обучения иностранным языкам
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: metod@lunn.ru

УДК 372.881.1:378.662

КРИТЕРИИ ОТБОРА КИНОДИСКУРСА ПРИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОМ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В МАГИСТРАТУРЕ

Е.Н. Панкратова

*Нижегородский государственный технический университет
им. Р.Е. Алексеева, Нижний Новгород*

В статье рассматриваются критерии отбора фрагментов фильмов для обучения студентов старших курсов технического вуза профессионально-ориентированному иноязычному общению. Особое внимание уделяется трем видам информации, содержащимся в кинофрагментах, – системно-концептуальной, ситуационно-концептуальной, социально-культурной.

Ключевые слова: профессионально-ориентированный, критерий отбора, концептуальная информация, аутентичность, релевантность.

The Criteria of Selecting Video Discourse for Teaching English for Special Purposes to Senior Students of Technical Universities Elena Pankratova

The article considers the criteria for selecting fragments of feature and popular science films for profession-oriented teaching of foreign languages to senior students. Special attention is paid to the types of conceptual information communicated by the fragments.

Key words: profession-oriented, selection criterion, conceptual information, authenticity, relevance.

Уровень иноязычной подготовки магистра подразумевает свободное владение иностранным языком как средством профессионального общения. Особенностью профессионально-ориентированного обучения иностранному языку на ступени магистратуры является повышение требований к уровню развития межкультурной профессионально-деловой коммуникативной компетенции [1].

Иностранный язык в техническом вузе изучается вне среды естественного употребления. Тем не менее наблюдение за процессом обучения, опросы и анкетирование обучаемых, проводившееся в 2010-2014 годах среди студентов пятого курса Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева, направления подготовки «Инфокоммуникационные системы и сети

связи» (ИСТ), показало, что студенты имеют определенный опыт в иноязычном профессиональном общении. Студенты посещают профессионально-ориентированные англоязычные интернет-форумы, имеют опыт написания электронных писем делового характера, опыт обсуждения деловых вопросов на иностранном языке по телефону.

Наибольшее затруднение 95% студентов испытывают в ситуациях общения, предполагающих как знания о социальных нормах и правилах общения, стереотипах поведения и особенностях ментальности коммуникантов, так и способность организовать общение, учитывать соответствие вербальных и невербальных средств общения, выбирать языковые средства, адекватные целям ситуации. Выявленные недостатки свидетельствуют о необходимости целенаправленного совершенствования межкультурной коммуникативной компетенции.

В качестве средства обучения, способствующего формированию когнитивного и деятельностного аспекта межкультурной профессиональной коммуникации, в данной статье предлагается использовать кинофрагмент на иностранном языке. Под кинофрагментом понимается фрагмент художественного, научно-популярного, документального фильма, обладающий композиционной целостностью, логической связанностью, завершенностью, который отражает типичные для выбранного направления подготовки ситуации профессионального общения. Такие кинофрагменты содержат иноязычный дискурс одного из наиболее распространенных типов – расспрос, сообщение, обсуждение, рассуждение. В рамках данной статьи такие фрагменты кинофильмов в дальнейшем называются кинодискурсами.

Настоящее исследование имеет своей целью уточнить критерии отбора кинодискурсов для использования в учебном процессе. В качестве дополнительных условий повышения эффективности использования кинодискурса рассматриваются а) формирование информационной компетенции на базе извлечения и переработки концептуальной информации различных типов; б) систематизация информации с использованием такого когнитивного инструмента, как «сценарий».

За последнее десятилетие появилось немало исследований, рассматривающих организацию обучения иностранному языку в

неязыковом вузе в профессиональном контексте (В.Ф. Аитов, В.Н. Афанасова, О.Ю. Иванова, И.В. Леушина, Л.В. Макар, И.Л. Плужник, Ф.В. Тенищева, Н.Н. Ширяева и др.). Современные отечественные специалисты ориентируют процесс иноязычной подготовки выпускника технического вуза на формирование соответствующих компетенций в контексте будущей профессиональной и социальной деятельности. В ряде исследований указывается на необходимость сформировать иноязычную профессиональную компетенцию [2; 3; 4]. Важным компонентом формирования такого вида компетенций является сформированность информационной компетенции, «которая обеспечивает владение содержательным предметом общения» [5. С. 15].

Овладение информационной компетенцией предполагает формирование информационной основы деятельности. Информационная основа деятельности – это «совокупность информации, характеризующая предметные и субъективные условия деятельности и позволяющая организовать деятельность в соответствии с вектором цель-результат» [6. С. 49]. Так, виды информационной деятельности, характеризующие информационную иноязычную деятельность специалиста направления ИСТ предполагают наличие трёх видов информации: а) системно-концептуальной; б) ситуационно-концептуальной; в) социально-культурной информации.

Системную концептуальную информацию можно определить как совокупность положений науки, имеющих лингвистическое выражение. Совокупность положений (суждений) науки, фиксирующих временные, соотношенные с определенной ситуацией связи и отношения предметов и явлений, имеющих лингвистическое выражение, может быть названа ситуативной концептуальной информацией. Включенность информационной деятельности специалиста в широкий контекст социальной деятельности предполагает использование знаний о концептах и концепциях, фиксирующих духовный, исторический опыт определенных социокультурных групп. Данный вид информации может быть назван социокультурным.

Использование трех видов информации позволяет моделировать среду профессионального общения в учебном процессе и

формировать систему общекультурных и профессиональных компетенций в формате умений через овладение иноязычной коммуникацией.

В качестве инструментов анализа и моделирования когнитивного аспекта содержания обучения в данной статье представляется целесообразным использование такой структуры представления знаний, как «сценарий». Сценарий – это модель нашего опыта, возникающая на основе многократных повторений типичных ситуаций. Сценарий репрезентирует события, протекающие во времени и пространстве, объединенные каузальными связями [7].

Сценарий описывает типичные схемы взаимодействия людей в рамках определённой социокультурной общности. В ходе моделирования иноязычного профессионального общения особую важность представляет собой вопрос выбора реестра сценариев, характерных для данной сферы общения, презентации их вербально-семантической составляющей и формирования соответствующих когнитивных и лингвистических структур в тезаурусе обучаемых. Тезаурус мы рассматриваем вслед за Ю.И. Карауловым как отраженную и упорядоченную в сознании субъекта смысловую структуру области знаний в виде системы лексических средств с их взаимосвязями и отношениями [8].

Все вышеупомянутые виды знаний составляют когнитивную базу обучаемого и обеспечивают формирование его информационной и коммуникативной компетенции.

В качестве критериев отбора кинодискурсов для адекватного формирования сценариев в ситуациях профессионального общения и совершенствования информационной компетенции, мы считаем необходимым выделить следующие критерии: а) критерий аутентичности; б) критерий релевантности; в) критерий мотивационно-познавательной ценности.

Аутентичность кинодискурса означает степень адекватности отражения научной концептуальной картины мира, свойственной англоязычной общности в данной области деятельности. Для целей обучения студента старших курсов иноязычной профессиональной коммуникации, критерий аутентичности предполагает тезаурусную аутентичность (адекватность концептуальной информации текста научной картине мира, «идеальному тезаурусу реципиента»).

Ситуационно-функциональная аутентичность предполагает адекватность концептуальной информации сфере и ситуации общения, которые были выделены в информационной деятельности специалиста. Лексико-фразеологическая аутентичность – это адекватность употребления лексики и фразеологии дискурса определенной терминосистеме и / или ситуации делового общения.

В соответствии с критерием релевантности производится отбор кинодискурсов, содержащих наиболее значимую информацию, приоритетную с точки зрения идеального тезауруса. Критерий релевантности также определяет отбор кинодискурсов, соответствующих познавательным возможностям студента, уровню сформированности когнитивных структур его тезауруса и направленности его специализации и исследовательской работы.

Третьим критерием является критерий мотивационно-познавательной ценности. Система информационной деятельности специалиста включает в качестве основного момента использование полученной и переработанной информации для решения ряда задач: уточнения, конкретизации, применения полученной информации и / или создания новой информации. Разрешение проблемных ситуаций является движущей силой информационной деятельности, реализует переход к созданию нового знания (информации). Данная особенность опосредована введением критерия мотивационно-познавательной ценности.

Согласно данному критерию кинодискурсы для обучения извлечению и переработки концептуальной информации и развития информационного тезауруса реципиента должны не только расширять, закреплять концептуальную базу по общепрофилирующим и специальным аспектам избранного научного направления, но и служить стимулом для расширения и углубления знаний о предмете избранной специальности, о взаимодействии отдельных людей или коллективов как субъектов профессионального общения. Это позволяет включать в процесс обучения фрагменты художественных фильмов и научно-популярных фильмов, отражающих ситуацию научного поиска, преодоления препятствий, разрешения конфликтов, решения творческих профессиональных задач.

Для успешного формирования полной, адекватной, точной, релевантной и объективной концептуальной составляющей тезауруса необходимо учитывать и такое требование, как социокультурная ценность кинодискурса. Мы рассматриваем это требование как частную реализацию критерия мотивационно-познавательной ценности. Кинодискурсы, источники социально-культурной информации, раскрывают социально-культурную обусловленность, конвенциональную природу типичных ситуаций профессионального общения, помогают формировать соответствующие динамические структуры, сценарии общения в тезаурусе обучаемых.

Библиографический список

1. Федеральный государственный стандарт по направлению подготовки 210700 «Инфокоммуникационные технологии и системы связи» (квалификация (степень) «магистр») // Электронный ресурс Интернет: <http://www.edu.ru/db/portal/spe/archiv.htm>.
2. Аитов В.Ф. Проблемно-проектный подход к формированию иноязычной профессиональной компетентности студентов: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2007. 48 с.
3. Тенищева В.Ф. Интегративно-контекстная модель формирования профессиональной компетенции: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2008. 53 с.
4. Ширяева Н.Н. Модель разработки учебной программы по иностранному языку в соответствии с ФГОС (магистратура неязыкового вуза): Дис. ... канд. пед. наук. Нижний Новгород, 2013. 214 с.
5. Мильруд Р.П., Максимова И.Р. Современные концептуальные принципы коммуникативного обучения иностранным языкам // Иностранные языки в школе. 2000. №4. С. 9-15.
6. Шадриков В.Д. Деятельность и способности. М.: Логос, 1994. 320 с.
7. Иванова С.В., Артёмова О.Е. Сценарный фрейм как когнитивная основа текстов прецедентного жанра «лимерикс» // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 3. С. 46-52.
8. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.

Сведения об авторе

Панкратова Елена Николаевна
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры иностранных языков
НГТУ им. Р.Е. Алексеева
E-mail: yuri.pankratov@gmail.com

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ, ИСТОРИИ И СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

УДК 39(470)

НИЖГАРЫ И МАДЖАРЫ: ЭТНИЧЕСКИЕ СВЯЗИ. К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ НИЖЕГОРОДСКИХ ТАТАР-МИШАРЕЙ

Д.З. Хайретдинов

Московский исламский институт, Москва

Этническое происхождение нижегородских татар-мишарей, или нижгар, все еще представляет собой загадку. Одна из версий связывает этот субэтнос с прото-венграми – маджарами, или мажарами. В пользу этого говорят этнонимы, топонимические названия, в том числе на Нижегородчине, и отдельные наблюдения этнографов. Однако полная картина остается невыясненной, так как мнения ученых противоречивы даже в отношении процесса тюркизации предков татар-мишарей.

Ключевые слова: нижегородские татары, мишари, нижгары, маджары, мадьяры, венгры, этногенез.

Nizhgars and Madjars: Ethnic Ties. On the Origin of Nizhny Novgorod Mishar Tatars Damir Khayretdinov

The ethnic background of Nizhny Novgorod Mishar Tatars, also known as Nizhgars, is still unknown. One of the versions connects this sub-ethnos with proto-Hungarians, Madjars. In favor of this theory there are a number of ethnonyms, toponymic names, and observations of some ethnographers, but the full picture is still unclear, as researchers' conclusions remain contradictory even in regard to the process of Turkization of Mishar Tatars' ancestors.

Key words: Nizhny Novgorod Tatars, Mishars, Nizhgars, Madjars, Hungarians, ethnogenesis.

Введение. Мишари – одна из заметных групп татарской нации со сложным и до конца не выясненным этногенезом. В качестве их древнейших предков разные ученые видят восточно-тюркские племена, мажаров (маджаров, можаров), буртасов, а также кипчаков. Ко времени монгольского завоевания мишари подверглись нескольким волнам угро-финского и тюркского влияний и

находились в тесных политических и культурных отношениях с волжскими булгарами.

Впоследствии мишари, как и другие группы татар, испытали на себе влияние господствующего этносоциального слоя населения Золотой Орды – собственно ордынских татар (монгольско-тюркского происхождения). По лингвистическим, антропологическим и этнографическим особенностям в составе мишарей выделяются два этнокультурных компонента: северные, или цокающие, и южные, или чокающие. Мишарский диалект лежит в основе морфологического строя татарского литературного языка.

Язык мишарей (западный диалект татарского языка) по многим фонетическим и особенно морфологическим чертам находится несравненно ближе к кипчакскому языку, чем другие языки этой подгруппы. Эта близость носит системный характер, что особенно заметно при сравнении так называемого армяно-кипчакского языка (язык рукописей, написанных армянами, принявшими в XI-XVI веках в Дешт-и-Кипчаке и Золотой Орде в качестве родного языка кипчакский) и мишарского диалекта. Обоим этим языкам свойственны свободный порядок слов в простом предложении и нетюркское построение в сложном (вывод Э.Р. Тенишева) [1].

Р.Г. Мухамедова, один из крупнейших специалистов по этнографии мишарей, изначально полагала, что основа мишарей и казанских татар складывалась на базе очень близких или даже одних и тех же тюркских племен (булгар, кипчаков, а также для мишарей – буртасов), но в несколько разных комбинациях. При этом она отмечала, что «роль кипчаков в формировании мишарей была несколько большей, чем в формировании казанских татар» [2. С. 250]. Впоследствии эта позиция была скорректирована в пользу чисто буртасской и можарской основ (она считает эти этнонимы синонимичными и относит их к тюркам), которые наложились на древнейший тюркский субстрат VI-VII веков [3. С. 26-29].

Отличие нижегородских татар не только от большей части татарской нации в лице казанских татар, но и от других подразделений мишарей, проявляется и в ментальности, и в истории происхождения и существования, и в диалекте. Нижегородские мишари разговаривают на цокающем говоре мишарского (западного) диалекта татарского языка. Со времен средневековья нижегородские

татары обладают особым самосознанием, и известны среди других групп татарской нации как нижгары. Это особый этноним, которым иногда они называют сами себя.

В целом дореволюционная и советская историография не совершила прорыва в деле изучения истории татар Нижегородчины. Существенный вклад в исследование проблематики был сделан только в 1990-е годы, когда одна за другой появилось сразу несколько монографических и коллективных работ по данной теме.

Коллективом авторов в составе С.Б. Сенюткина, У.Ю. Идрисова, О.Н. Сенюткиной и Ю.Н. Гусевой были изданы две работы в 1997 и 1998 годах [4; 5]. Впоследствии С.Б. Сенюткин обобщил свой научный опыт в работе, которая стала важнейшим пособием для изучающих историю нижегородских татар [6]. В ней проанализирован огромный массив архивных источников, которые позволили автору реконструировать многие, до того неизвестные либо утерянные страницы истории этой группы татарской нации. К этому основному корпусу литературы примыкают работы С.Б. Сенюткина, О.Н. Сенюткиной, Ю.Н. Гусевой, И.К. Загидуллина, С.В. Сабирова, которые посвящены истории отдельных населенных пунктов и их специфике [7; 8; 9; 10; 11].

Несомненным достоинством трудов, созданных С.Б. Сенюткиным, О.Н. Сенюткиной и их коллегами, является масштабная проработка множества архивных документов, хранящихся к тому же в разных архивах Нижнего Новгорода, Арзамаса, Ульяновска, Москвы, Уфы и др. Благодаря этому, по сути, была впервые создана цельная научная школа, ставящая во главу угла кропотливое изучение прошлого татар Нижегородчины.

Вместе с тем ранние этапы этногенеза нижегородских татар все еще остаются малоизученными. Настоящая статья призвана осветить одну из версий этнического происхождения нижгар, а именно их связь с прото-венграми.

Нижгары и маджары: этнические связи. Происхождение татар-мишарей – вопрос чрезвычайно дискуссионный. Есть веские основания полагать, что их предки были связаны с прото-венграми (уграми). В той или иной степени этого сложного вопроса касались Д. Ласло, Е.А. Халикова, М.З. Закиев и др. Видный башкирский этнолог Р.Г. Кузеев прямо указывает, что мишари своим

происхождением «восходят к одному из древних угорских племен мадьярского союза», и сам этот этноним «имеет угорско-мадьярскую основу» [12. С. 125].

Угры шествовали через всю Евразию, с востока на запад, несколькими волнами вместе с пратюрками и собственно тюркскими народами. Само свое именование угры (другие названия: югра, венгры) получили от тюрков-угуров, или огузов, вероятно, стоявших во главе различных племенных союзов с участием прото-венгров. Ун-угуры (тюрк. «десять огуров»), они же оногуры, дали название венграм в Европе – Ungarn, Hungary.

О связях между венграми и тюрками (прежде всего мишарями и башкирами) учеными сказано много, хотя полной картины исторического прошлого до сих пор не имеется. Венгерский ученый Д. Ласло указывал, что ведущий слой венгерского народа того времени является по своему характеру тюркским. В современном венгерском языке насчитывается до 800 тюркских заимствований, из них более 200 – древнетюркского (булгарского) корня. В 1230-х годах монах Юлиан из венгерского доминиканского монастыря нашел своих соплеменников на берегах Итиля (Волги); он разговаривал с ними по-венгерски. Эту страну называли в самой Паннонии «Великой Венгрией». Тех древних венгров ученые размещают восточнее интересующего нас региона, археологически они фиксируются как носители кушнаренковской культуры (северо-запад Башкортостана, восток и центр Татарстана) [13. С. 70-71], хотя современные башкирские ученые в целом стремятся «откреститься» от угорского наследия в башкирском этногенезе и считают названную археологическую культуру «переходной между уграми и тюрками» [14. С. 7-8]. В то же время А.М. Белавин предположил угорское происхождение одного из крупных объединений булгар – эсегелов [15]. Да и последующие волны угров неоднократно поселялись на территории восточного Татарстана и северо-западного Башкортостана; в конечном итоге они подверглись тюркизации и приняли ислам, став существенным компонентом в этногенезе казанских татар и башкир [16. С. 59].

Когда угры могли обосноваться на правом берегу Волги, где впоследствии сформировались мишари? Археологи дают нам свое видение проблемы: «[Угорский мир Среднего Приуралья] пострадал в

результате конфронтации печенегов и мадьяр во второй трети IX века <...> В этой ситуации в Среднее Поволжье проникает масса верхнекамских угров. Они активно участвовали в формировании этноса и культуры волжских болгар как нового народа. Данные процессы хорошо фиксируются по материалам Танкеевского, Тетюшского и других могильников» [17. С. 69-70]. Отметим, что Тетюшский могильник расположен на правобережье Волги (крайний юго-запад Татарстана), откуда, по-видимому, мадьяры и расселялись впоследствии в западном направлении. Тогда же и даже раньше началась и их тюркизация, так что уже в начале X века восточные источники под именем «маджары» видят один из тюркских народов [18. С. 703]. Их потомки под этим же именем (мажары, маджары, можары) были зафиксированы в Казанском ханстве и во времена Ивана Грозного. Однако процесс тюркизации угров не был единовременным, растянувшись по времени на несколько веков (как и положено большинству этнологических процессов). Об этом известно из того факта, что против русских войск, штурмовавших болгарский город Ошель в 1220 году, выступил угорский князь со своими воинами [16. С. 71].

Филолог М.Р. Сатаров дает следующую историческую справку: «Из всех народов Мещеры в числе наиболее вероятных предков татар-мишарей следует назвать мажар. Дело не только в схожести этнонимов мажар и мишарей. Мажары в русском произношении в татарском варианте звучали как мижгары, нижгары, мишари. Вероятность мажарского варианта происхождения этнонима “мишари” наиболее обоснована историческими сведениями. Маджары упоминаются в числе первых, чьи земли захватил потомок Чингиз-хана Угедей <...> Также упоминаются маджары в договорной грамоте 1438 года, которой обменялись между собой великие князья Московский и Рязанский» [19. С. 89-90].

В пользу того, что мажары (маджары) являлись одними из предков нижгар и имели угорское происхождение, говорит то обстоятельство, что мадьярская топонимика в массовом порядке сохранилась на землях нижегородских татар, имея полные или частичные аналогии в современной Венгрии. Сравним: татарское название села Пошат (русское Пошатово) – венгерское Пешт; Пица – Печ, Пача; Куй Суы (в народе произносится как Кёсю, Куюсю, рус.

Овечий Овраг) – Кёсю в Венгрии; Симоцки (рус. Семёновка) – Самошсег, Самошкер; Ишеево (в народе – Иш-авыл) – Эши, Эшкю; Грибан (рус. Грибаново) – Гарабонц; Можаров Майдан прямо напоминает о можарах; и даже село Медяна, традиционно возводимое к арабской и исламской святыне – имеет венгерскую аналогию Медина. Таких примеров мы насчитали более сорока.

К сожалению, дальше этого вывода в отсутствие специальных исследований мы пойти не можем. Мы даже не можем сказать, к верхам или низам средневекового общества относились мажары (маджары). По мнению Д.М. Исхакова, мажары были в числе низшей страты, а А.М. Орлов приводит интересную цитату из документа о том, что «можары – уповательные владельцы мордовские» [20. С. 23], то есть являлись частью феодально-аристократической верхушки (к примеру, в указной грамоте Ивана IV подъячому города Темникова от 1546 года среди лидеров местной мордвы назван человек с «говорящей» фамилией – Утеш Можаров [21]). Как бы то ни было, этот народ, сохранявшийся в Поволжье вплоть до XVI века, так или иначе оказал влияние на этногенез нижегородских татар-мишарей, особенно на юго-востоке ареала их проживания.

Историк-лингвист Н.Д. Русинов также полагает, что мадьярская топонимика сохранилась именно на юго-востоке Нижегородчины, в Попьянье. В этом факте он видит подтверждение теории К.Я. Грота о том, что во второй половине I тысячелетия какие-то части древних венгров пребывали в Нижегородском Поволжье. Отсюда проистекает его гипотеза, что, возможно, «современные попяньские [сергачские, нижегородские] мишари <...> на самом деле представляют собой потомков той части древних мадьяр, которая застряла в Попьянье и в дальнейшем была здесь ассимилирована тюрками» [22. С. 45].

Добавим и такой интересный штрих в эту картину, как общность музыкальной культуры нижегородских татар и венгров – это наблюдение было сделано учеными совсем недавно [23] и лишний раз подтверждает необходимость тщательного изучения мадьярского следа в этногенезе мишарей. И тогда становится понятной следующая ремарка историка XIX века А.Ф. Можаровского о мишарях Буинского уезда: «Эти мижерь-татары и мещеряк-татары не сходны ни с истыми чувашами, ни с истыми татарами <...> хотя более близки к татарам. Не в этих ли мижерях надобно искать потомков можар?» [24. С. 5].

Другая версия связывает предков мишарей с буртасами – одним из народов раннего средневековья, подлинная этническая принадлежность которого находится под вопросом. С.Ф. Фаизов полагает, что угры-мадьяры играли доминирующую роль в племенных союзах с участием буртасов, передав им свой этноним [25. С. 8]. О тесном взаимодействии маджар с буртасами можно судить по научным данным археологов: так, угорские вещи обнаружены на Золотаревском поселении (Пензенская область) [16. С. 28], которое Г.Н. Белорыбкин рассматривает в качестве крупнейшего населенного пункта буртасов.

Очевидно, что еще в доордынский период состоялась тюркизация предков мишарей. Однако ход этого процесса ученым еще только предстоит изучить. В частности, одной из проблем является подход к классификации болгарского языка. Если считать болгарский язык родственным современному татарскому, на чем настаивают М.З. Закиев, А.Х. Халиков и ряд других ученых, тогда тюркизация буртасов шла, очевидно, из Булгара. Если же болгарский язык был родственен современному чувашскому, как свидетельствует ряд надписей, найденных в Болгарии и Татарстане, то этот процесс шел со стороны западных и южных соседей буртасов – кипчаков. В пользу последнего свидетельствует и большая близость мишарского диалекта с кипчакским языком по сравнению с казанским диалектом.

Ученый, великий просветитель татарского народа XIX века, выходец из села Сафаджай (ныне Нижегородской области) Хусаин Фаизханов первым высказал версию о том, что болгарский язык находится в непосредственной генетической связи с чувашским. Ранний болгарский язык представлен несколькими надписями греческим алфавитом. На нем, в частности, разговаривали те болгары, которые, разделившись, ушли из Великой Болгарии хана Кубрата на Дунай и Волгу. Нет сомнений, что ранние болгары на Волге в докипчакский период говорили на том же самом языке, что и их дунайские родственники, разве что не использовали греческий алфавит. В 1946 году И. Венедиктов опубликовал болгарскую надпись, обнаруженную в одной из церквей под городом Преславом. Вот ее часть в транслитерации: «жит кѣн ичиргѣн буле...» = «семь дней усердно работая...» [26. С. 85, 87].

В восточнославянском памятнике XVI века «Еллинский и римский летописец» также есть вставки из тюрко-булгарских слов. О.А. Мудраку удалось перевести эти слова как сакральные наименования животных, которые частично родственны современному чувашскому языку, но не татарскому: дохсь = мышь; шегорь = бык; диломь = тигр; дван'ш = заяц; верени = змея; тох = лошадь; бехти = обезьяна; теку = курица; сомор = собака. Из всех этих слов только «курица» имеет отдаленное сходство с татарским (тавык). Аналогично и все порядковые числительные имеют чувашские или древнетюркские, но не татарские соответствия: алемь = первый; твиремь = второй; вечемь = третий; тоутомь = четвертый; алтомь = шестой, читемь = седьмой.

В более позднее время язык волжских булгар подвергся кипчакизации и сейчас свободно читается татарами. Тем не менее даже и в этих надписях заметны явные чувашизмы. Так, надпись на надгробном камне «Чаримшан сувна барса вилти» («умер, отправившись на реку Черемшан») почти полностью соответствует чувашскому «Черемшан шывне пырса вилче».

Булгарский язык относится к так называемым ротацирующим языкам. Сравним надписи из эпитафий конца XIII – начала XIV веков, обнаруженные на древнем мусульманском кладбище города Чистополя, и современные татарские слова: булг. «жиати жүр жирмеш» и татар. «жиде йөз егерме» = 720; «отур тухур жал эте» и «утыз тугыз ел иде» = было 39 лет; «көөк» и «кызы» = дочь (такого-то); «экези көн эти» и «икенче көне иде» = был второй день [27]. Как видим, поздний язык булгар уже близок к современному татарскому по сравнению с древнебулгарским, но всё же и он непонятен без перевода.

С момента включения Окско-Поволжского региона в состав Монгольской империи в районе исторического проживания буртасов складывается особая административно-территориальная единица – улус Мохши, или Наровчатское княжество, по мнению Г.Н. Белорыбкина, возникшее «на базе Пургасовой волости» [28. С. 99]. Этническую основу его населения составляли буртасы; мажары (маджары, можары); мордва; чувашаи; возможно, славяне; а также прибывавшие сюда со своими отрядами ордынцы, которые именуются в источниках татарами. В итоге «наиболее приемлемой

представляется гипотеза о существовании в составе мишарей вплоть до XVI – начала XVII веков двух этнокультурных компонентов <...> В тех районах, где более сильным оказалось влияние буртасского (можарского) компонента, сформировался сергачский район (по языку – чокающие мишари); в тех ареалах, где большее значение приобрел собственно татарский (золотоордынско-тюркский) суперстрат, сложился темниковский культурный район (по языку – чокающие мишари)» [29. С. 20].

Заключение. Этногенез – сложное, уходящее корнями в глубь веков явление, в ходе которого многочисленные племена и этнические группы смешиваются между собой, давая жизнь новому этносу. Это явление настолько многогранное, что любое его черно-белое описание является безусловным примитивизмом.

Нижгары сложились как субэтническая группа по тем же схемам, которые применимы и для других подразделений татарской нации. В отличие от чокающих мишарей, казанских, астраханских и сибирских татар, в древнейших пластах нижегородских татар заметно большее влияние проявили различные этносы доордынской эпохи, в том числе тюркизированные мадьяры (маджары). Однако процесс тюркизации маджар, как и в целом предков татар-мишарей, все еще остается невыясненным в силу различий во взглядах ученых, занимавшихся этой проблематикой.

Библиографический список

1. Тенишев Э.Р. Язык татар села Усть-Уза // *Tatarica. Vammala*, 1987. С. 307-329.
2. Мухамедова Р.Г. К проблеме этногенеза татар-мишарей // *Tatarica. Vammala*, 1987. С. 242-251.
3. Мухамедова Р.Г. Татары-мишари. Казань, 2008.
4. Идрисов У.Ю., Сенюткин С.Б., Сенюткина О.Н., Гусева Ю.Н. Из истории нижегородских мусульманских общин в XIX – 30-х годах XX века. Нижний Новгород, 1997.
5. Сенюткин С.Б., Идрисов У.Ю., Сенюткина О.Н., Гусева Ю.Н. История исламских общин Нижегородской области. Нижний Новгород, 1998.
6. Сенюткин С.Б. История татар Нижегородского Поволжья с последней трети XVI до начала XX вв. Нижний Новгород, 2001.

7. Сенюткин С.Б., Сенюткина О.Н., Гусева Ю.Н. XVI-XX: История татарских селений Большое и Малое Рыбушкино Нижегородской области. Нижний Новгород, 2001.

8. Сенюткина О.Н., Гусева Ю.Н. Нижегородские мусульмане на службе Отечеству (конец XVI – начало XX вв.). Нижний Новгород, 2005.

9. Сенюткин С.Б., Сенюткина О.Н., Сабиров С.В. История татарской деревни Красная Горка – Сафаджай в XV-XX веках. Нижний Новгород, 2006.

10. Сенюткина О.Н., Загидуллин И.К. Нижегородская Ярмарочная мечеть – центр общения российских и зарубежных мусульман (XIX – начало XX вв.) Нижний Новгород, 2006.

11. Сенюткина О.Н. История Татарской Медяны (XVII-XXI вв.). Нижний Новгород, 2008.

12. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. 2-е изд., доп. Уфа, 2010.

13. Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. Казань, 1989.

14. Асылгужин Р.Р., Юсупов Ю.М., Салауши Т.А. Западные башкиры: политическая история, проблема этнической идентификации. Уфа, 2010.

15. Белавин А.М. Об этнической принадлежности так называемых «булгарских эсегел» // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. Казань, 1999. С. 73-84.

16. Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX-XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань, 2007.

17. Казаков Е.П. К вопросу о хазарском и угорском компонентах в культуре ранней Волжской Болгарии // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. Казань, 1999. С. 69-70.

18. Абу Али Ахмад ибн Умар ибн Русте. Китаб ал-а'лак ан-нафиса (Книга драгоценных ожерелий) // История татар с древнейших времен. Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань, 2006. С. 699-707.

19. Сатарова М.Р. Изоглоссы открытого, характерного для мишарского диалекта варианта фонемы [a] // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. Вып. 5. Казань. С. 89-90.

20. Орлов А.М. Мещера, мещеряки, мишари. Казань, 1992.

21. Государственный архив Ульяновской области. Ф.732. Оп. 3. Д. 1.

22. Русинов Н.Д. Этническое прошлое Нижегородского Поволжья в свете лингвистики. Нижний Новгород, 1994.

23. VII Фаизхановские чтения. Научно-практическая конференция. Уразовка Нижегородской области. Нижний Новгород, 2010.

24. Гациский А.С. Нижегородские татары – татары ли? Нижний Новгород, б.г. / Перепеч. из: Нижегородские губернские ведомости, 1886, № 39, 41, 42.

25. Фаизов С.Ф. Ислам в Поволжье VIII-XX вв. Очерк истории. М., 1999.

26. Мудрак О.А. Заметки о языке и культуре дунайских болгар // Аспекты компаративистики. Вып. 1. М., 2005. С. 85-87.

27. Нәбиуллин Н.Г., Исмагыйлев Н.Ф., Гариф Н.Г. Тарихи сәхифәләр ачылганда: Чистай шәһәре тарихына бәйлә ачышлар // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 1. Казань, 2009. С. 64-75.

28. Белорыбкин Г.Н. Западное Поволжье в средние века. Пенза, 2003.

29. Татары / Отв. ред. Р.К. Уразманова, С.В. Чешко. М., 2001.

Сведения об авторе

Хайретдинов Дамир Зинюрович
кандидат исторических наук,
ректор Московского исламского института
E-mail: khair2009@yandex.ru

УДК 111.1(492)(091)

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС СУБСТАНЦИИ В ФИЛОСОФИИ БЕНЕДИКТА СПИНОЗЫ

М. Б. Черницкая

*Дзержинский филиал Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Дзержинск*

Д. В. Семенов

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматривается онтологическая составляющая субстанции в философии Бенедикта Спинозы. Особо отмечается, что те характеристики субстанции, которые содержатся в философии Спинозы, дают основания для небытийного ее истолкования.

Ключевые слова: субстанция, модусы, новоевропейская философия, онтологизм, пантеизм, креационизм, христианство.

The Ontological Status of Substance in the Philosophy of Benedict Spinoza Maya Chernitskaya, Dmitry Semenov

The authors of the article analyze the ontological aspect of substance in the philosophy of Benedict Spinoza and demonstrate that the characteristics of substance, singled out in Spinoza's philosophy, offer grounds for the non-being interpretation of this notion.

Key words: substance, modi, modern Western European philosophy, ontologism, pantheism, creationism, Christianity.

Квинтэссенцию тех процессов, которые были инициированы в эпоху позднего Средневековья и Возрождения, плодотворно развивались в эпоху Нового времени, завершившись торжеством научного атеизма и материализма, с нашей точки зрения, можно выразить следующим образом: бытие перестало быть бытием Бога по преимуществу; деонтологизация божественного через его пантеистическое растворение в природе завершилась превращением божественного в предикат по отношению к последней, в метафору, отброшенную за ненадобностью в момент, когда бытие было окончательно сведено к вещественно-материальной одномерности. Как бы ни называть этот процесс – онтологическая редукция, профанация и паганизация христианского религиозно-

мифологического комплекса, торжество онтологического нигилизма – суть его остается неизменной. Бытие перестало быть сутью Бога и стало синонимом субстанции, в конечном итоге – материи как таковой.

Фундаментальная причина этого процесса, на наш взгляд, коренится в самой природе христианского истолкования Бога. То обстоятельство, что на смену средневековому христианскому дуализму пришел ренессансный новоевропейский пантеизм, объясняется особенностями самой христианской онтологической парадигмы. Трансцендентный статус Бога в рамках этой бинарной модели никогда не мог быть ни обоснован, ни удержан вполне именно в силу того, что вопреки логике Бог здесь истолковывается как абсолютное бытие.

Утверждение «Бог есть» автоматически вбирает Абсолют в сферу бытийной определенности, делает его предметом рефлексии, соотносит с пространственно-временной ограниченностью бытия, без чего невозможно установление коммуникации с божественным, а стало быть, невозможна и сама религия. В результате Бог, несмотря на все заклинания его в трансцендентном статусе, все же присутствует в мире, породнен с ним (богочеловек). Отсюда уже полшага до формулировки «*deus in rebus as*» (Джордано Бруно) или «*deus sive natura*» (Спиноза). Таким образом, потенция к пантеистическому сближению двух аспектов реальности – божественного и земного – содержится уже в самом христианском религиозно-мифологическом комплексе. Как следствие, мы имеем систематический перенос божественных атрибутов на субстанцию по мере осуществления процесса онтологической редукции.

Мистико-метафизическая интуиция Вечности, в рамках традиционной средневековой христианской теологии, относящаяся к абсолютному божественному бытию, теперь приобретает сугубо математический модус в своем истолковании, превращаясь в категорию бесконечности, которая становится квинтэссенцией в определении характера и природы субстанции. Наряду с этим, такие традиционные для христианского Бога-личности атрибуты, как творческая потенция и неуничтожимость, также освобождаются от мистико-теологических коннотаций, проходят своеобразную

философскую дистилляцию и переносятся на субстанцию в качестве ее значимых атрибутов.

Гипертрофированный онтологизм христианства (хоть и в превращенной форме) переключался в светский европейский философский дискурс вопреки логике и здравому смыслу рассуждения о субстанции как бесконечном первоединстве. Пребывание иных философов Нового времени вне контекста христианской традиции не помешало им усвоить эту установку. Речь идет, в частности, о философии Спинозы.

Как и в случае с Николаем Кузанским, в философии Бенедикта Спинозы (1632-1677) мы видим очевидное противоречие между фактическим статусом субстанции, проистекающим из ее характеристик, и тем наименованием субстанции, которое чаще всего применяется в изложении онтологии голландского философа. Как известно, интеллектуальная интуиция – наивысшая разновидность знания. В силу своей полной независимости и самостоятельности интуиция фиксирует истинную, адекватную идею (*idea adaequata*), «которая, будучи рассматриваема сама в себе без отношения к объекту (*objectum*), имеет все свойства или внутренние признаки истинной идеи» [1. С. 100-101]. Согласно Спинозе, она открывает для человека идею актуальной, раз и навсегда данной бесконечности. Эту идею Спиноза считает предельно общей, наиболее отчетливой. Она фундаментальна, ибо кладет основания всем другим идеям и является подлинным фундаментом достоверного знания. Отталкиваясь от этой идеи, можно постичь всю природу, как она реально существует в себе.

Спиноза приходит к выводу о первенстве Бога как последней основы всяческого бытия, истинности. В этой связи он утверждает, что или ничего не существует, или существует также и существо, совершенно бесконечное. «Бог же – первая причина всех вещей, а также причина самого себя – познается из самого себя» [2. С. 82]. Таким образом, уже в этих высказываниях отчетливо звучит принцип, который станет базовым в онтологии Спинозы, – истолкование Бога как причины самого себя. «Под *причиной самого себя (causa sui)*, – пишет он в книге всей своей жизни «Этика» (1675), – я разумею то, сущность чего включает в себе существование, иными словами, то, чья природа может быть представляема не иначе, как

существующею» [1. С. 56]. Выводима ли из этой посылки бытийность Бога? В этом нам еще предстоит убедиться.

С изложенной выше установкой относительно бесконечности Бога в Спинозовской философии связан и его пантеистический подход к пониманию последнего. Бог у него деперсонализирован и фактически отождествлен с природой. Спиноза всячески подчеркивает такой принцип пантеизма, как имманентность Бога в отношении природы. Этот лишенный человеческих черт и совершенно имманентный природе Бог полностью отождествляется Спинозой с субстанцией, которая понимается в традициях, свойственных новоевропейской философии в смысле тотальной и абсолютной первоосновы всяческого бытия. «Нет ограниченной субстанции, всякая субстанция в своем роде бесконечно совершенна, именно потому, что в бесконечном разуме Бога ни одна субстанция не может быть совершеннее, чем она имеется уже в природе» [2. С. 82-83].

Стоит обратить внимание и на такую важную характеристику субстанции, которая явно имеет неоплатоническое происхождение и не всегда оказывается в центре внимания интерпретаторов философии Спинозы. Речь идет о признании субстанции единой и единственной, в отличие, скажем, от двух декартовых субстанций *res cogitans* (мышление) и *res extensa* (протяженность).

Итак, по совокупности характеристик Спинозовской субстанции, мы имеем ее единость, единственность, тотальность, универсальность, бесконечность, божественность, имманентный природе характер. В результате вырастает та знаменитая формула Спинозы, которая и является квинтэссенцией всей его философии: «*Deus sive Natura*» («Бог или Природа»). Спиноза настаивает на определении субстанции как *causa sui* (причина самой себя). «Под субстанцией, – пишет он в своей знаменитой «Этике», – я разумею то, что существует само в себе и представляется само через себя, т.е. то, представление чего не нуждается в представлении другой вещи, из которой оно должно было бы образоваться» [1. С. 56].

Пантеизм Спинозы отрицает креационистское воззрение христианской церкви. Философ говорит о Боге-субстанции (см. прим. 1), которая порождает из себя, но ни в коем случае не творит. Это порождение происходит в силу того, что Бог-субстанция, будучи

совершенно свободным, действует в силу необходимости, продиктованной (и это очень важно) собственной природой. Остается только уточнить, какова она.

Итак, единая и единственная субстанция, является своеобразным изначальным полюсом любого единичного, конкретного, вещественно-телесного бытия. Это тот самый актуально-бесконечный, абсолютный континуум, который лежит в основании всех вещей и по отношению к которому единичные вещи (*res singulares*) бытия составляют противоположный полюс бытия. Субстанции присуща вечность, т.е. выключенность из времени. Очевидно, что ей не присуще и пространственное измерение. Запомним эти две характеристики. Они будут очень важны для определения подлинного статуса субстанции в связи с проблемой ее бытийности.

Одновременно с этим единичным вещам чувственно воспринимаемого мира присуща длительность, некая «неопределенная непрерывность существования» [3. С. 101]. Таким образом, Бог-субстанция, будучи актуальной бесконечностью, противостоит миру единичных вещей, как потенциальной бесконечности, поскольку любая единичная вещь бывает относительно устойчивой во времени и большей или меньшей в пространстве. По отношению к единичным вещам, таким образом, применимы следующие характеристики: время, мера, число, пространство. Очевидно, что эти характеристики отмечают именно бытие (существование) единичной вещи, но абсолютно неприменимы по отношению к актуально бесконечной субстанции.

Возникает вопрос, как же происходит порождение единичных вещей из единой и единственной субстанции, лежащей за пределами любой пространственно-временной определенности (бытийности)? Спиноза иллюстрирует этот процесс, вводя категорию «модус», как единичное проявление вечной и абсолютной субстанции. Дословно, в «Этике» это звучит так: «Под *модусом* я разумею состояние субстанции (*Substantia affectio*), иными словами, то, что существует в другом и представляется через это другое» [1. С. 56]. Такое проявление трактуется им как ограничение актуально бесконечного Абсолюта.

Обратим внимание на термин «ограничение», ибо в нем в конечном итоге и фундирована бытийная природа единичной вещи. Чрезвычайно важна здесь формула Спинозы, которая звучит как «ограничение есть отрицание» (*determinatio est negatio*) [4. С. 173]. В силу этой формулы единичное бытие чувственно воспринимаемой вещи, как и всей совокупности вещей (модусов субстанции), возникает как самоограничение в пространстве и времени абсолютной, актуально бесконечной субстанции. Это самоограничение происходит как раз в силу бесконечного и неопределенного статуса самого Абсолюта, который, не зная предела ни в чем, опредмечивает себя в пространственно-временном бытии конкретного, телесного, материального, тем самым отрицая себя в бытии единичного как актуально бесконечное, абсолютное первоначало. Таким образом, способность к самоограничению в единичной вещи есть прямое выражение безграничности и неопределенности субстанции, одним из важнейших проявлений последней. При этом любая единичная вещь, любой модус субстанции бытийствует в пространстве и времени, являясь для себя бытием, одновременно выступая как не-бытие по отношению ко всем другим модусам по формуле $A=A$, но не равно B , C , D и так до бесконечности.

Исходя из спинозовского истолкования субстанции и модуса, можно выстроить своеобразную таблицу контрарностей, в которой наиболее полно проявляется их природа. С одной стороны – это актуальная бесконечность субстанции, пребывающей в вечности, вне пространственно-временных ограничений, имеющая универсальный, единый и единственный характер. Она не определена и не ограничена в своей безграничности, лишена какой бы то ни было внутренней детерминации и потому обладает способностью к такому самопроявлению, как самоограничение, являющееся самоотрицанием. С другой стороны – потенциально бесконечная реальность видимого, материального, пространственно-временного бытия, существования единичных вещей (модусов), каждый из которых тождественен себе, но не тождественен другому.

Возникает вопрос, применима ли характеристика бытия по отношению к субстанции? В историко-философской литературе, посвященной творческому наследию Б. Спинозы, чаще всего

встречается определение субстанции в терминах традиционного для Европы онтологизма. Однако при ближайшем рассмотрении (мы полагаем, что это со всей очевидностью становится ясным), применение термина «бытийности» в отношении субстанции противоречило бы тем базовым ее характеристикам, которые Спиноза предлагает в качестве основополагающих. Стало быть, есть все основания утверждать, что при том наличии характеристик субстанции, которое предлагает нидерландский философ, единственное адекватное определение последней было бы небытийным.

Подобного рода квалификация спинозовской субстанции вошла бы в противоречие с традицией европейского онтологизма, имеющего как античные, так еще в большей мере христианские корни. И хотя Спиноза не позиционировал себя как философ, находящийся в традиции христианского онтологического мышления, и всячески подчеркивал свою независимость от последней, ему не удалось избежать до конца влияния наследия средневекового христианского онтологического фундаментализма и назвать вещи своими именами. Еще в меньшей мере это удалось тем, кто изучал и интерпретировал философа в последующие эпохи. Как бы то ни было, но очевидно, что инерция онтологического мышления средневековой христианской Европы, назначающая бытию тотальный и всеобъемлющий статус и характер, продолжала оставаться весьма ощутимой и в традиции новоевропейского рационализма.

Как видим, обоснование сугубо бытийного статуса субстанции в рамках последнего не увенчалась видимым успехом. Скорее, те характеристики субстанции, которые мы находим в философии Кузанца и Спинозы, дают нам основания для небытийного ее истолкования. Пожалуй, к аналогичным результатам новоевропейская философия приходит и в рамках иного своего направления, не менее значительного, чем рационализм, а именно в контексте сенсуалистической традиции, представленной, прежде всего, в творчестве выдающихся британских философов Д. Локка, Д. Беркли и Д. Юма.

Примечания

1. «Под *Богом* я разумею существо абсолютно бесконечное (*ens absolute infinitum*), т.е. субстанцию, состоящую из бесконечно многих атрибутов, из которых каждый выражает вечную и бесконечную сущность» [1. С. 56].

Библиографический список

1. Спиноза Б. Этика, доказанная в геометрическом порядке и разделенная на пять частей: Научное издание / Ред. В.В. Соколов; пер. Н.А. Иванцов. М.: Академический Проект, 2008. 334 с.

2. Спиноза Б. Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье / Пер с голландского под ред А.И. Рубина // Спиноза Б. Избранные произведения в 2 томах. Т.1. М.: Издательство политической литературы, 1957. С. 67-171.

3. Спиноза Б. Этика / Пер. Н. Иванцов. М.: Мир книги, Литература, 2010. 476 с.

4. Спиноза Б. Переписка / Пер. с латин. и голланд. В. Брушлинского. М.: Партиздат, 1932. 274 с.

Сведения об авторах

Черницкая Майя Борисовна
кандидат философских наук,
доцент кафедры информатики,
естественнонаучных и гуманитарных дисциплин
Дзержинского филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
E-mail: m-chernits@mail.ru

Семенов Дмитрий Владимирович
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии, социологии и
теории социальной коммуникации
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: ds7771@bk.ru

УДК 811.161.1'271.2:325.25

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В СЕРБИИ

Б. Чурич

Белградский университет, Белград, Сербия

Тема русской эмиграции в Сербии до настоящего времени остается по разным причинам недостаточно исследованной. Цель настоящей работы – обратить внимание на некоторые аспекты жизни и культурной деятельности русской эмиграции в Сербии и в первую очередь указать на роль Белграда, столицы Сербии, как крупнейшего центра культуры русского зарубежья.

Ключевые слова: русская эмиграция, культура русской эмиграции, Белград, Сербия, русско-сербские связи.

Russian Emigrants in Serbia

Boban Church

For various reasons, the history of Russian emigration in Serbia remains insufficiently researched, and the goal of the present paper is to highlight some aspects of life and cultural activities of Russian emigrants in Serbia with a particular emphasis on Belgrade as a major center of the Russian emigration culture.

Key words: Russian emigrants, Russian culture in exile, Belgrade, Serbia, Russian-Serbian relations.

Братоубийственное кровопролитие, возникшее в результате радикальной идеологической революции 1917 года и разразившейся вслед за ней гражданской войны, раскололо Россию на две части: на большевистскую страну, строящую новый мир и воспитывающую нового человека, с одной стороны, и Россию, отвергнувшую новую идеологию, с другой стороны. Многие из тех, кто не принял новой России, вынуждены были покинуть родину и пребывать на чужбине, на разбросанных по всему миру островках архипелага, именуемого Россия вне России, Зарубежная Россия, или русская эмиграция.

Сербия, как часть созданного 1 декабря 1918 года Королевства сербов, хорватов и словенцев (СХС, переименованного в 1929 году в Королевство Югославия) во главе с королем Александром Карагеоргиевичем, воспитанником петербургского Императорского училища правоведения и выпускником Пажеского корпуса, радушно приняла тысячи русских беженцев и по мере своих возможностей

оказала им необходимую моральную и материальную помощь и поддержку (прим. 1).

На русских в Сербии никогда не смотрели как на непрошенных гостей. В народе жила память о том, что именно Россия сыграла главную роль в освобождении балканских народов от турецкого ига в XIX веке, благодаря чему Сербия и приобрела государственную независимость. Помнили и о роли России в 1914 году, когда, защищая сербов, братская страна вступила в войну, которая в конечном счете и привела к революции, породившей изгнание на чужбину (прим. 2).

Общее настроение сербов очень точно выразил в своей речи в парламенте 25 января 1922 года глава правительства Никола Пашич: «Мы, сербы, а также и другие наши братья, которых нам довелось освободить и объединить, мы все благодарны великому русскому народу, поспешившему нам на помощь, объявившему войну и спасшему нас от гибели, которой нам угрожала Австро-Венгрия. Если бы Россия не совершила этого, если бы не стала на нашу защиту, мы бы погибли. <...> Мы этого не можем забыть. Мы сейчас приняли русских эмигрантов, и мы их принимаем без различия, независимо от того, к какой партии они принадлежат, мы в это не вмешиваемся. Мы только желаем, чтобы они остались у нас, мы их примем, как своих братьев» [1. С. 60].

Русские беженцы волнами вливались в молодое королевство с 1919 года по 1924 год, начиная с эвакуации Одессы (1919 г.), Новороссийска (весна 1920 г.) и Крыма (ноябрь 1920 г.). Затем последовало прибытие Главнокомандующего вооруженных сил Юга России П.Н. Врангеля, его штаба и военных подразделений, их жен и детей из Константинополя и турецких лагерей – Чаталджи, Галлиполи, Лемноса (1921-1922 гг.). Согласно договору с югославскими властями дислокация военных подразделений, т.е. эвакуация русских военных лагерей проводилась организованно, по частям, во второй половине 1921 года. Штаб русской армии прибыл в Сербию в середине июня того же года. Сам Главнокомандующий, генерал Врангель, прибыл в Белград 1 марта 1922 года.

Впечатления русских о принявшей их стране описал Владислав Маевский, летописец русской эмиграции в Югославии: «Русские, не стесняемые никакими „квотами“, визами, ограничениями, паспортами и пр., въехали тогда в сербскую землю.

Братская страна впускала к себе русских, не стесняя их формальностями, которые существовали <...> при въезде в европейские и американские государства. Это следует запомнить и помнить с благодарностью» [2. С. 58].

Типичные настроения русских беженцев в Сербии передал в своих воспоминаниях фельетонист, прозаик и драматург А. Ренников (Андрей Селитренников), сотрудник суворинского «Нового времени» (газеты, которая в Белграде выходила с 1921 по 1930 год): «Белград произвел на нас чрезвычайно приятное впечатление. Как будто большой русский провинциальный город, вроде Екатеринослава или Елизаветграда. На перекрестках таблички с русской надписью „улица“. Вокруг – испорченная русская речь, будто живут хохлы или белоруссы. Только некоторые слова иногда коробят слух и слегка сбывают с толку. Театр, например, имеет обидное название „позориште“. Вообще, по мере того как количество наших русских увеличивалось притоком беженцев из Константинополя и Болгарии, мы все более и более начинали чувствовать себя хозяевами города. Зная твердо, что через несколько месяцев придется ехать обратно домой, они весело ходили по городу, с пренебрежительной любознательностью поглядывая по сторонам, чтобы потом, дома, передать оставшимся впечатление о своем оригинальном затяжном пикнике. А сербы, в свою очередь, шли нам навстречу во всем» [3].

Однако русские беженцы не вернулись на родину так скоро, как предполагали; горький опыт эмигрантской жизни вскоре заставил многое переоценить и отказаться от прежнего оптимизма.

Совсем по-другому видится жизнь на чужбине в ожидании возвращения на родину белградской поэтессе Лидии Алексеевой:

Вся жизнь прошла, как на вокзале,
Толпа, сквозняк, нечистый пол.
А тот состав, что поджидали,
Так никогда и не пришел.

Уже крошиться стали шпалы,
Покрылись ржавчиной пути, –
Но я не уйду с вокзала,
Мне больше некуда уйти.

В углу скамьи, под расписанием,
 Просроченнымоторый год,
 Я в безнадежном ожидании
 Грызу последний бутерброд.

Число русских беженцев в стране к середине 20-х годов достигло почти 50 тыс. По некоторым исследованиям, проведенным в 1921 году, в Королевстве СХС из общего числа русских эмигрантов 69% составляли мужчины, 66% из них в возрасте от 19 до 45 лет. 70% всех мужчин были неженатыми [4. С. 85]. Материальные невзгоды и финансовая нестабильность, с которыми сталкивалось большинство русских беженцев, препятствовали созданию семей; те же, кто и вступал в брак, по тем же материальным причинам не могли позволить себе иметь много детей.

Число беженцев постоянно менялось: Сербия для многих была лишь временной остановкой на пути в Западную Европу.

Состав русских беженцев отличался значительной сословно-профессиональной пестротой, но несмотря на это, по стандартам того времени, большинство из них были прекрасно образованы и обладали высоким уровнем профессиональной подготовленности. Образовательный ценз русской эмигрантской группы качественно отличался и был крайне необычен для Сербии: это определялось не только большим числом лиц с высшим и средним образованием, но и тем, что среди эмигрантов почти не было неграмотных, в то время как около 50% населения Королевства СХС в 1921 году не умели читать и писать.

Русские селились преимущественно на востоке Королевства, в районах проживания культурно, исторически и религиозно более близких им сербов. В Сербии осело 70% всех русских, принятых Королевством СХС. Потребность в квалифицированных специалистах была огромная, так как во время Первой мировой войны Сербия была разорена, понесла огромные человеческие потери и нуждалась в учителях, врачах, инженерах. Русские в большой степени могли возместить эти утраты.

Сербские (т.е. югославские) власти поощряли создание общин эмигрантов, предоставляя им права автономии и самоуправления. В

начале 20-х годов 8 тысяч беженцев основали 57 колоний (преимущественно, как уже было сказано, на востоке королевства, в районах с сербским населением). После эвакуации морем частей Русской армии и сочувствующего ей гражданского населения из Крыма (Крымской эвакуации) и эвакуации дислоцированных турецких военных лагерей число колоний достигло 323. Административная жизнь колоний основывалась на Положении о колониях русских беженцев в Королевстве СХС. Члены общин избирали своих представителей, которые имели право самостоятельно разрешать возникавшие в общинах споры и несли ответственность за соблюдение правопорядка и сбор налогов.

Число русских по официальным данным достигает своего максимума в 1924 году – тогда в стране проживало около 70 тысяч беженцев.

Важнейшим центром эмиграции стал Белград, столица государства. В начале 30-х годов, когда прекратился прилив новых беженцев и их число стабилизировалось, в столице государства проживало около 10 тысяч русских (напомним, что в Белграде проживало тогда всего около 200 тысяч жителей). Осевшие в Белграде русские представляли интеллектуальную элиту эмигрантов: профессора, врачи, инженеры, педагоги, художники, театральные деятели. Именно благодаря им ряд столичных культурных и просветительских организаций и учреждений смог возобновить свою деятельность. На более высокий уровень поднялось университетское и гимназическое образование; возникли новые научные учреждения, созданы оперные и балетные труппы. Русские архитекторы участвовали в стремительном строительстве и европеизации патриархальной одноэтажной столицы.

Крупные русские колонии находились почти во всех городах Сербии. Несмотря на то, что русская колония в Сремских Карловцах не выделялась своей многочисленностью, спокойный городок на берегу Дуная стал в начале 20-х годов военным и духовным центром всего русского зарубежья. Штаб Главнокомандующего русской армией и сам Главнокомандующий, генерал Петр Николаевич Врангель, после эвакуации турецких военных лагерей были расквартированы в Карловцах. В городке находилось и управление основанного в 1924 году Русского общевойскового союза (РОВС). В

здании Малого, или Старого, Патриаршего дворца (Карловцы были летней резиденцией сербского патриарха) разместилось в 1921 году уехавшее из России духовенство, во главе с митрополитом Антонием (Храповицким). В Карловцах осенью 1921 года состоялся и первый Архиерейский собор Русской православной церкви за границей (прим. 3), когда она и формально определилась как независимый от московского патриарха духовный центр русского зарубежья. В истории русской церкви первое всеобщее собрание русского духовенства за границей известно также и под названием «Карловацкий собор».

В городе Панчево разместились больницы русского общества Красного Креста; в городах Нови-Бечей и Белая Церковь обосновались эвакуированные из России Харьковский и Мариинский Донской девичьи институты; в городе Велика Кикинда основана русская женская гимназия. В городе Белая Церковь разместились Николаевское кавалерийское училище и Крымский кадетский корпус.

Во второй половине 20-х годов место и характер расселения эмигрантов определялись главным образом возможностью найти хорошо оплачиваемую работу. Именно по этой причине с 1924-25 гг. увеличивается число русских, выезжающих из Королевства СХС на Запад. Проживая уже почти пять лет вне России в ожидании скорого возвращения, беженцы не занимались вопросом благоустройства своей жизни на чужбине. Русские в Королевстве принимались на частную или государственную работу по контракту, временно, почти всегда с уменьшенным окладом, на условиях, которые не сулили ничего прочного и надежного. Поэтому многие свое будущее начали связывать с переездом на Запад, где труд на одинаковых для всех условиях оплачивался выше. Белградская сербскоязычная газета «Политика» в августе 1924 года отмечала тот факт, что за очень короткое время страну покинуло более семи тысяч русских – квалифицированных рабочих, техников и инженеров. Автор статьи рассуждает: «Если в первое время после прибытия русских мы к ним относились с состраданием, то теперь настала пора стремиться иметь от них пользу, как поступают Париж и Прага» [5. С. 8].

Однако испытываемая страной потребность в специалистах для армии, администрации и государственных учреждений все-таки дала возможность найти постоянную работу большинству русских, волею

судеб оказавшихся в Сербии. Русские эмигранты постепенно все более и более интегрировались в местное общество, хотя в большинстве случаев они продолжали занимать менее оплачиваемые должности по сравнению с гражданами Югославии.

Естественная убыль, вызванная выездом в другие страны, а также возросшие темпы натурализации и ассимиляции привели к сокращению численности русских в 30-е годы. В период перед Второй мировой войной число русских в стране снизилось до 25 тысяч.

Конец Второй мировой войны и образование социалистической Югославии знаменуют конец русской эмиграции в Сербии. Массовый и окончательный исход и, с другой стороны, полная ассимиляция тех, кто предпочел принять югославское подданство и остаться, произошел в первые послевоенные годы и завершился в начале 50-х годов.

Русские, которые после 1919 года оказались за пределами России, были беженцами в полном смысле этого слова. Вот как свою беженскую долю описывает один из русских, оказавшихся в Сербии: «Беженцы – не эмигранты, между ними и эмигрантами имеется огромное различие. Эмигрант смотрит вперед – беженец всей душой рвется назад, рассматривая свое пребывание за границей как преходящий эпизод, не заслуживающий затраты всех сил и внимания. Эмигрант является за границу с твердой верой в будущее – беженец подавлен постигшей его материальной и нравственной катастрофой. <...> Эмигрант, прежде чем решиться на переезд, старается реализовать свое имущество – огромная часть беженцев бросила родину буквально с пустыми руками. Эмигрант сам выбирает страну переселения – беженец оказывается там, куда его загонит судьба. И как раз относительно беженцев, попавших в Королевство СХС, приходится подчеркнуть, что встречающие их на чужбине условия далеко не таковы, чтобы не приходилось считаться с весьма тяжелыми препятствиями к рациональному использованию знаний и сил» [6. С. 80].

Термин «беженцы» применялся к тем кто, как предполагалось, по окончании чрезвычайной ситуации и нормализации жизни должен был вернуться на родину. Однако вопреки ожиданиям международных организаций, пришедших на помощь русским

беженцам, большая часть русских не хотела возвращаться на родину. Они постепенно превращались в эмигрантов. Русский эмигрант – это человек, отказавшийся принять большевистский режим, который утвердился на его родине [7. С. 29]. Для многих этот отказ стал окончательным и бесповоротным после советских декретов, принятых в 1921 и 1924 годах, которые лишали гражданства всех участников белого движения, оказавшихся за границей и не вернувшихся до определенного срока в Россию. Русские эмигранты становятся, таким образом, апатридами, лицами без гражданства. Отмечая эволюцию статуса русских на чужбине, можно согласиться с мнением, возникшим в рядах самой эмиграции: вторая половина 20-х годов представляет собой период превращения беженцев в эмигрантов [8]. Определение юридического статуса русских беженцев предпринято Лигой наций и созданными ею Высоким комиссариатом по делам беженцев и Международным бюро труда (прим. 4).

В основе всех усилий, прилагаемых эмигрантами для сохранения своего единства и самосознания, – чувство общности происхождения, неприятие советской идеологии и ностальгическая мечта о возвращении в Россию. Именно поэтому русские эмигранты не предпринимали серьезных попыток получить новое гражданство, по крайней мере до тех пор, пока в них жила надежда на возвращение домой. Когда же натурализация становилась возможной, даже необходимой, эмигранты вставали перед моральной дилеммой. В сознании многих натурализация считалась предательством по отношению к их русским корням и к возложенной на них миссии сохранения русской культуры, веры и духа.

Несмотря на радушный братский прием в сербской среде, судьба эмигрантов была весьма трудной. Брошенные на произвол судьбы, павшие духом и разочарованные, без каких-либо материальных средств к существованию, русские люди на чужбине нуждались в срочной помощи.

Принявшие русских югославские власти по инициативе министерства иностранных дел образовали в мае 1920 года государственное учреждение – Государственную комиссию по вопросам русских беженцев – с регулярно поступающими из государственного бюджета средствами для оказания помощи беженцам. Ее деятельность направлял известный лингвист, профессор

Белградского университета, академик Александр Белич, он возглавлял ее сначала как заместитель председателя, а с марта 1924 года как председатель. Помещения Государственной комиссии находились в здании Сербской академии наук до 1933 года. Следуя примеру других русских эмигрантских учреждений и организаций, Государственная комиссия переехала в 1933 году в построенное на русские и сербские пожертвования новое здание единого русского культурного и общественного центра – Русского дома имени императора Николая II.

Деятельность комиссии охватывала широкий круг вопросов, связанных как с приемом, регистрацией и расселением беженцев, так и с финансированием, социальной защитой эмигрантов, их приспособлением к новой среде и интеграцией в нее. Прежде всего, это касалось курсов сербского языка, курсов по приобретению различных профессий и организации специализированных бюро по трудоустройству беженцев. Обучение и образование производилось на соответствующих краткосрочных курсах (5-8 месяцев). Через эти курсы прошло несколько тысяч людей, которые впоследствии самостоятельным трудом зарабатывали себе на жизнь. Комиссия занималась также проблемами, связанными с формированием и финансированием школ для обучения русских детей, с оказанием помощи медицинским и реабилитационным учреждениям и домам для престарелых. Значительная сумма выделялась на прямые субсидии, материальную помощь старикам, детям, учащимся и нетрудоспособным. Средства отпускались и на устройство библиотек и общежитий. В Белграде были построены два общежития для русских студентов – мужское и женское.

В деятельности Государственной комиссии активную роль играл Русский культурный комитет. В 1928 году Культурным комитетом была основана Издательская комиссия, важнейшее издательство русской эмиграции в Сербии.

Интересы русских беженцев в Королевстве защищало и бывшее императорское посольство в Белграде. Русским императорским послом в Королевстве Сербии был назначен в 1909 году Н.Г. Гартвиг, который скончался от инфаркта на своем посту в попытке предотвратить начало войны в июле 1914 года. Именно он считается первой жертвой мировой войны (прим. 5). После революции

правительство новообразованного Королевства СХС признало «де юре» правительство адмирала П.Н. Колчака. Российским послом назначен был В.Н. Штрандтман, бывший ранее первым секретарем русской миссии при Н.Г. Гартвиге и принимавший личное участие в войне в рядах сербской армии. С королем Александром Штрандтмана связывала и личная дружба еще со времен учебы в Пажевском корпусе. Несмотря на то, что в начале марта 1924 года официально упразднена дипломатическая миссия бывшего Российского правительства, дипломатические «маневры» поддерживаемых югославским правительством членов русской миссии привели к тому, что миссия продолжила свою деятельность почти в том же персональном составе, изменив лишь свое название – Делегация, ведающая интересами русских граждан, проживающих в Королевстве СХС. В качестве делегата Н.Г. Штрандтман участвовал и в работе Государственной комиссии как представитель русской стороны. Делегация сохранила за собой право пользоваться зданием бывшей русской дипломатической миссии, которое находилось как раз напротив королевского дворца. На здании продолжали красоваться символы Российской империи: двуглавый орел и трехцветный национальный флаг.

Югославское королевство – последнее европейское государство, признавшее Советский Союз. Дипломатические отношения с советской властью были установлены в июне 1940 года. Но даже и тогда югославские власти не пустили советского посла в здание бывшего императорского посольства, предоставив ему помещения в гостинице «Бристоль», расположенной недалеко от центрального белградского вокзала.

Кроме дипломатических представителей, вопросами эмигрантов занимался и так называемый делегат Верховного комиссара по делам русских беженцев в Королевстве СХС, официальный представитель Фритьофа Нансена, Верховного комиссара Лиги наций по делам беженцев. С 1920 года по 1933 год в Белграде действовало Управление правительственного уполномоченного по делам русских беженцев, единственное подобное учреждение во всей эмиграции, соперничающее в своей работе с Делегацией и Н.Г. Штрандтманом.

Общая с сербами православная вера и церковь играли важную роль в сохранении русскими своего национального и культурного

единства в условиях эмиграции. В 1924 году Архиепископский собор Сербской православной церкви постановил принять под свою защиту Высшее русское церковное управление за границей, которое тогда находилось в Константинополе, с сохранением его самостоятельной юрисдикции. Сербский патриарх Димитрий предоставил в распоряжение русских архиереев свою резиденцию в Сремских Карловцах, где приехавший из России Максим Суворов еще в 1726 г. открыл свою «Славянскую школу». Первое заседание Высшего русского церковного управления за границей в Сремских Карловцах состоялось 21 июня 1921 года под председательством митрополита Киевского и Галицкого Антония (Храповицкого). В ноябре того же года в Сремских Карловцах состоялся церковный собор, на котором была сформулирована концепция Русской православной церкви за границей и созданы ее управляющие органы. Решения Карловацкого собора фактически отделили русскую заграничную церковь от Московской Патриархии. В сентябре 1922 года Архиерейский собор образовал Архиерейский синод РПЦ за границей под эгидой СПЦ во главе с митрополитом Антонием (Храповицким). После смерти митрополита Антония в 1936 году его место занял митрополит Анастасий (Грибановский).

Помимо оказания сестринской помощи и предоставления убежища собору русских епископов и Архиерейскому синоду РПЦ в изгнании, Сербская православная церковь охотно приняла в свои ряды большое число русских священнослужителей. Русские священники служили в сербских храмах, русские верующие из числа эмигрантов молились вместе с сербами в сербских православных храмах. Церковнославянский язык и общие церковные каноны позволили и тем, и другим легко приспособиться к новой обстановке и новой среде.

Центром духовной жизни русских в Югославии был православный белградский приход при храме Святой Троицы. Организатором русского прихода в 1920 году и создателем в 1924 году русского храма явился протоиерей Петр Беловидов, человек деятельный, энергичный и умный. Белградский храм Святой Троицы был первым русским храмом, построенным русскими беженцами на чужбине после их исхода из России. Он был построен в 1924 году за 39 дней в центре Белграда в псковско-новгородском стиле по проекту

русского архитектора Валерия Сташевского. 4 января 1925 года митрополит Антоний освятил новую церковь. В храме до 1944 года хранилась чудотворная икона Курской Коренной Божией Матери. Там же хранились и вывезенные офицерами с Юга России военные знамена времен Отечественной войны 1812 года и русско-турецких войн. В 1929 году в южной части храма нашел свое вечное пристанище скончавшийся в 1928 году в Брюсселе П.Н. Врангель.

Когда в 1929 году в Москве снесли Иверскую часовню у Воскресенских ворот, в белградской колонии русских эмигрантов возникла идея о создании ее копии на русском участке Нового кладбища. В фундамент часовни, которая строилась по планам и под руководством Валерия Сташевского, была положена горсть русской земли. Белградская Иверская часовня освящена в 1931 году. В ее стенах с внешней стороны, в нишах, были помещены два больших образа – святого Николая и святого Алексия – в память русского императора и цесаревича. Внутри были собраны святыни главных церковно-исторических центров России: в память Москвы – Иверская икона (список с Афона), в память Киева – икона Успения Божией Матери (из Иерусалима), в память Петербурга – копия образа Спаса Нерукотворного, что был в домике Петра Великого. В усыпальнице под часовней похоронен в 1936 году митрополит Антоний (Храповицкий), глава русской заграничной церкви.

В городе Белая Церковь, где нашло прибежище сравнительно большое количество русских эмигрантов, стараниями иеромонаха Иоанна (Шаховского), будущего архиепископа Сан-Францисского и Западно-Американского, был построен в 1931 году русский храм святого Иоанна Богослова.

В составе многочисленной русской эмиграции были и монахи, которые в первые годы поселились в сербских монастырях. В Сербии действовали и русские монастыри: Леснинский (Хоповский) женский и Мильков мужской монастыри. Древний сербский монастырь Мильков (Центральная Сербия), был передан в 1926 году русским монахам во главе с архимандритом отцом Амвросием (Кургановым). За краткий срок монастырь стал центром русской духовной жизни, хотя формально находился в ведении Сербской Патриархии. В августе 1920 года из Бессарабии в Сербию перебрались и монахини Леснинского монастыря (Леснинская обитель Свято-Богородицкого

женского монастыря бывшей Холмско-Варшавской епархии). В их распоряжение был предоставлен Хоповский монастырь в месте исторического духовного средоточия сербского народа Фрушка-Гора («Сербский Афон», расположенный к северу от Белграда). В монастыре находился большой детский приют, а в 1925 году при участии митрополита Антония, протоиерея Сергия Булгакова, профессоров С. Франка, В. Зеньковского, С. Троицкого и других состоялся Третий съезд Русского христианского студенческого движения. Русские монахини способствовали возрождению женского монашества в Сербии и восстановлению многих пустующих монастырей. Во время Второй мировой войны монастырь подвергся нападению и фашистов, и партизан, и в 1943 году монахини были вынуждены переехать в Белград, а после окончания войны выехали на Запад и поселились во Франции, в Нормандии (местечко Провемон).

На русском участке Нового кладбища стоит монументальный памятник Русской славы. Монумент русским воинам в форме артиллерийского снаряда с фигурой Архангела Михаила с рассторгнутыми цепями на руках и опрокинутым вниз мечом, вонзающимся в змею у ног Архангела, выполнен по проектам белградского русского художника-архитектора Романа Верховского. У подножия снаряда изображен русский офицер, замахнувшийся шашкой, что является символом защиты знамени. В центре памятника – русский двуглавый орел и надпись: «Вечная память императору Николаю II и 2 000 000 русских воинов Великой войны». Под памятником устроена часовня-склеп, над ее входом расположена надпись «Спите, орлы боевые».

Совсем недалеко от памятника Русской славы, на том же Новом кладбище, стоит еще один монумент Романа Верховского. Это памятник сербским воинам, защитникам Белграда 1914-1918 годов.

Феномен Зарубежной России создавался как своего рода трансмиссия русской национальной идеи: сохранить память о дореволюционной (идеализированной, конечно) России, сохранить ее национальное, культурное, духовное самосознание, сохранить вне России «подлинную» Россию до скорого, как все твердо верили, победного возвращения на родину.

Жизнь в эмиграции русские организовали так, чтобы в любой момент, как только Россия освободится, могли вернуться и

включиться в политическую, культурную и общественную жизнь на родине. Эмиграция являлась не только способом физического выживания, это была и духовная миссия, о которой И. Бунин говорил в своей знаменитой парижской речи 1924 года, призывая эмиграцию хранить пламя русской культуры и продолжать творческую жизнь в новых обстоятельствах ради духовного воскресения родины. «Мы не в изгнании, мы в послании», – заявляли культурные деятели русской эмиграции.

Почти с первых дней прибытия на территорию Королевства, у русских беженцев встал вопрос об образовании подрастающего поколения. Государственная комиссия по делам русских беженцев обратила должное внимание на дело образования русских детей и молодежи. В сложных послевоенных условиях, когда на нужды собственных школ едва хватало средств, Государственная комиссия ежемесячно выделяла крупные суммы на русскую систему образования.

В Сербию прибыли из России три кадетских корпуса и два женских института. Заботу о них взяла на себя Государственная комиссия. Следует отметить, что после революции русские кадетские корпуса и женские институты сохранились только в Сербии-Югославии.

Государственная комиссия руководила русскими школами и координировала их деятельность через специально назначенный Учебный совет. Одинаковое внимание уделялось открытию как средних школ, так и начальных. Постепенно создавалась целая сеть начальных и средних школ во всех городах, в которых оказалось достаточно детей для открытия русской школы. Некоторые школы работали всего несколько лет, другие дожили до Второй мировой войны. В 1920 году в Белграде основана первая Русско-сербская смешанная гимназия, которая с увеличением числа учеников в 1930 году разделилась на мужскую и женскую гимназии. Русские гимназии в Белграде просуществовали до 1944 года. Учебное дело в этих гимназиях, по мнению современников, было поставлено на такую высоту, что были частые случаи, когда сербские семьи отдавали детей в эти эмигрантские русские школы и очень гордились полученным там аттестатом. Владислав Маевский считает, что «деятельность всех этих русских школ заслуживает самого горячего признания, ибо она

не только высоким качеством своей работы, но и даже только самим фактом своего возникновения и существования показала редкую способность русской эмиграции, т.е. русского народа, в нужные моменты обнаруживать инициативу, настойчивость и жертвенность (в данном случае со стороны преподавательского персонала), а также быть способной к живому, конкретному, принципиально и практически цельному делу» [2. С. 66].

Все русские учебные заведения на территории Сербии работали по дореволюционным российским учебным планам, одобренным королевским министерством просвещения, с добавлением так называемых «национальных» предметов: сербского языка и литературы, истории и географии. Все программы, таким образом, были приспособлены к программам государственных югославских школ и обеспечивали свободный доступ для поступления в университет, без каких-либо дополнительных тестов или экзаменов.

Югославские университеты широко открыли двери для русских студентов – тех, кто в высшие учебные заведения поступал еще в России, и тех, кто в эмиграции окончил среднюю школу. Двери югославских университетов были широко открыты и для русских профессоров. В Белграде, Загребе, Любляне, Суботице и Скопье целый ряд ответственных должностей на кафедрах занимали русские профессора и ученые. Русские ученые также были включены в списки Сербской королевской академии наук.

Русская эмиграция развернула значительную по масштабам издательскую деятельность. Надо было заботиться об объединении разбросанных повсюду своих соотечественников, сохранении и развитии их самосознания и чувства единства. Печатное слово – газеты, журналы, книги – были самым действенным и фактически единственным средством достижения этих целей.

В Белграде в двадцатые и тридцатые годы выходили следующие русскоязычные газеты: «Русская газета», «Возрождение», «Старое время», «Царский вестник», «Русский голос», «Русское дело», «Новый путь». Основная характеристика почти всех газет – малый тираж и недолговечность. Одним из самых известных и влиятельных ежедневных консервативных промонархических изданий была газета «Новое время», редактором которой был Михаил Суворин. Газета, выходящая с 1921 по 1930, продолжала традицию

дореволюционного петербургского «Нового веремени», которая была заложена отцом белградского издателя Алексеем Сувориным. В стране выходило более 220 наименований газет и журналов (включая и провинциальную периодическую печать), было опубликовано около 1200 книг и брошюр.

Издательская комиссия при Культурном комитете выпустила в свет 43 книги серии «Русская библиотека» – литературные произведения Мережковского, Бунина, Куприна, Зайцева, Бальмонта, Ремизова, Шмелева, Северянина, Амфитеатрова, Чирикова, Н. Тэффи и других, а также 13 книжек «Детской библиотеки» и «Библиотеки для юношества». Целью Издательской комиссии было печатание новых произведений наиболее известных эмигрантских русских писателей, чтобы подрастающее русскоязычное поколение могло получить то, что содействовало бы укреплению в нем русской модели национальных, нравственных и человеческих начал.

Уникальным изданием во всем русском зарубежье можно считать журнал «Русский архив», выпускаемый научным отделением белградского Земгора в 1928-1937 годах (всего вышло 42 номера) и освещавший вопросы политики, культуры и хозяйства России на сербском языке. Основной целью журнала было объективное, без эмигрантского озлобления и пристрастий, ознакомление сербской общественности с ситуацией в советской России, а также с новинками литературы и искусства эмиграции. Сотрудниками журнала были русские эмигранты из Праги и Парижа и представители сербской интеллигенции. Для русской литературы журнал этот имеет огромное значение, если иметь в виду тот факт, что именно в нем в переводе на сербский язык сохранились публикации, например, Марины Цветаевой или Константина Бальмонта, оригиналы которых на русском языке пропали. В 80-е годы при публикации собраний сочинений этих авторов в России данные тексты заново были восстановлены, осуществлены переводы с сербского языка на русский.

Настоящими «храмами просвещения» русского человека, да и не только русского, являлись белградские русские библиотеки. Самая значительная из них – Русская публичная библиотека – была основана в 1920 году. До 1933 года находилась в здании Сербской академии наук, а в 1933 году переехала в Русский дом. К 1944 году в этой

библиотеке насчитывалось больше 120 тысяч книг, по своей ценности и количеству собранных в ней книг публичная библиотека в Белграде с полным правом считалась величайшим книгохранилищем русского зарубежья, вторым после Тургеневской библиотеки в Париже. В фондах библиотеки, например, находилась и значительная часть выкупленной в Финляндии личной библиотеки писателя Л. Андреева.

Помимо Русской публичной библиотеки в Белграде существовал ряд других библиотек, общественных и частных. В большой библиотеке Земгора находилось около 20 тысяч книг. В 1927 году была основана библиотека и при Союзе русских писателей и журналистов; ей было присвоено имя А.С. Пушкина. В 1928 году в библиотеку Союза передана Тургеневская библиотека немецкого города Карлсруэ. Во второй половине 20-х годов в русских библиотеках Белграда насчитывалось более двухсот тысяч русских книг. Приведем данные для сопоставления: в белградской Национальной библиотеке в 1928 году насчитывалось 212 тысяч книг [9. С. 37].

Акции по сближению сербской и русской интеллигенции чаще всего осуществлялись на уровне профессиональной работы – при Академии наук, в учебных заведениях, театрах, издательствах и пр. В литературной сфере таких попыток сближения было несколько. В 1923 году на русском и сербском языках вышел в свет первый (и единственный) номер литературно-художественного журнала «Медуза», целью которого стала пропаганда русского искусства в Югославии и ознакомление русских с творчеством сербских писателей. Русская студия искусств при Земгоре выпустила в 1927 году общественно-литературный сборник «Ступени», в котором приняли участие русские и югославские поэты и литераторы. Свои литературные сборники публиковали и белградские русские поэтические кружки. Так, литературный кружок «Гамаюн» выпустил в 1924 году свой поэтический сборник под заглавием «Гамаюн – птица вещая», Книжный кружок опубликовал в 1927 году сборник «Зодчий», а кружок «Литературная среда» в 1935 году – сборник с одноимённым названием.

Из летописи культурной жизни русского Белграда следует выделить целую серию важных событий.

С 16 по 23 сентября 1928 года в столице Королевства СХС состоялся IV съезд русских академических организаций за границей при участии видных ученых, а 25-30 сентября 1928 года – съезд русских писателей и журналистов за рубежом, на который съехалось 111 делегатов и гостей пяти Союзов русских писателей и журналистов: кроме белградского, были представлены еще и парижский, берлинский, пражский и варшавский союзы.

Весной 1930 года в Белграде прошла Большая выставка русского искусства, на которой было продемонстрировано свыше 400 работ живописцев и скульпторов. Наряду с работами Ильи Репина, Михаила Ларионова, Натальи Гончаровой, Зинаиды Серебряковой, Александра Яковлева, Бориса Григорьева, Мстислава Добужинского, Александра Бенуа, Николая Рериха, Филиппа Малявина, Осипа Цадкина, Константина Сомова экспонировались произведения 38 русских художников, проживающих в Югославии.

Бывали особые дни, когда русские люди особенно ощущали свое духовное единство, и к числу таких дней, несомненно, относятся День Русской культуры (день рождения А.С. Пушкина) и Пушкинские торжества в 1937 году. Инициатива пражских педагогических и общественных организаций о праздновании дня рождения А.С. Пушкина как Дня Русской культуры, когда все русские эмигранты могли бы продемонстрировать свою верность русскому культурному наследию, была с готовностью и энтузиазмом подхвачена и в Сербии, как, впрочем, и во всех других уголках русского эмигрантского мира. День Русской культуры с 1925 года регулярно отмечался во всех русских колониях в Сербии публичными чтениями и постановками произведений А. Пушкина, другими театральными и музыкальными мероприятиями: ученые выступали с лекциями по русской истории и культуре, молодежь знакомилась с лучшими достижениями русской культуры и искусства, с родной историей, публиковались книги, сборники, выпускались специальные однодневные газеты под названием «День Русской Культуры». Самое яркое празднество состоялось в 1937 году, в столетнюю годовщину смерти Пушкина. В Белграде по этому поводу увидел свет «Пушкинский сборник», в который вошли работы В. Ходасевича, Н. Трубецкого, С. Франка, И. Лапшина, Е. Аничкова, П. Струве, К. Тарановского и других. Не меньшее значение придавалось и

другому юбилею – 950-летию Крещения Руси, отмечавшемуся в 1938 году. По этому поводу вышел «Владимирский сборник», куда были включены доклады митрополита Анастасия (Грибановского), А. Карташёва, Е. Спекторского, Г. Острогорского, В. Мошина, И. Лаппо и других. Политические конфликты, расколовшие общество в изгнании, оказывается, не обошли стороной культурные мероприятия. Празднование Дня Русской культуры в день рождения А. Пушкина не устраивало тех, кто полагал, что культура должна отражать религиозные и монархические русские традиции. Промонархистские круги русской эмиграции в Сербии, поддерживаемые представителями русской заграничной церкви, предложили отмечать альтернативный День русского национального сознания 28 июля, в день памяти святого равноапостольного князя Владимира. Таким образом, в Сербии в межвоенный период отмечались два дня русского культурного единства, которые показывали, насколько это предполагаемое единство является на самом деле мнимым, непрочным и хрупким.

1 октября 1925 года был основан белградский Союз русских писателей и журналистов, подобный уже существующим в Париже, Берлине, Праге и Варшаве. Несмотря на тот факт, что его деятельность протекала в условиях менее благоприятных, чем в других центрах эмиграции, где было гораздо больше журналистов и писателей, вокруг белградского Союза стали группироваться русские интеллигенты – люди пера, науки и искусства. В 1926 году Союз выпустил пять номеров литературно-общественного журнала «Призыв», а в 1926-1927 годах выходила еженедельная газета «Россия». В 1933 году была опубликована «Антология новой югославянской лирики» – подвиг молодых поэтов-переводчиков Ильи Голенищева-Кутузова, Екатерины Таубер и Алексея Дуракова. Профессиональная деятельность Союза имела своей задачей объединение русских писателей и журналистов, оказание им моральной и материальной поддержки, защиту авторских прав, чтение произведений авторами с последующим обменом мнениями, предоставление возможности выступать публично на общественно-политические темы в так называемой «устной газете».

Благодаря инициативе и подготовительной работе Союза в 1928 году в Белграде состоялся Съезд русских писателей и журналистов за

рубежом, завершившийся организацией Зарубежного союза с Советом в Париже и Правлением в Белграде. В работе съезда принимали участие Д. Мережковский, З. Гиппиус, А. Куприн, Б. Зайцев, Вас. Немирович-Данченко, Е. Чириков, С. Мельгунов, М. Вишняк, Е. Аничков, П. Струве. Заседания съезда проводились в здании Нового университета, сегодняшнего Филологического факультета. Белградскому Союзу удалось добиться официального признания полномочий в деле защиты авторских прав русских писателей зарубежья.

Союз постепенно сделался культурным центром русского Белграда. В своих помещениях (на улице Косовска, за зданием югославского парламента) Союз приютил Кружок молодых поэтов, кружок «Беседа», драматическую студию, редакцию журнала «Бизанта», кружок «Поэзия и проза» и Союз ревнителей чистоты русского языка. Союз организовывал литературные конкурсы, выставки художников, любительские спектакли, концерты русской музыки, литературно-художественные и балетные вечера, балы. Чтение авторами своих произведений проводилось на «интимных вечерах», а публичные лекции, собрания и «устная газета» дали ему обширную аудиторию. В течение 16 лет своего существования, с 1925 года и вплоть до немецкой бомбардировки Белграда 6 апреля 1941 года, не все в Союзе протекало гармонично, не обходилось без политических разногласий, интриг и скандалов, однако многим русским именно Союз давал возможность принять участие в общественной жизни.

С первых лет вынужденного пребывания на чужбине русские ученые неумоимо старались сохранить живость своего творческого духа и пытались развернуть свою научно-исследовательскую деятельность через профессиональные объединения, которые создавались в весьма неблагоприятных условиях жизни в эмиграции. На первом зарубежном академическом съезде, состоявшемся в 1921 году в Праге, создан Союз русских академических организаций за границей. Идея об основании русских научных учреждений – научных институтов – реализована уже в следующем, 1922 году, когда на втором академическом съезде, 16 октября, в Праге был открыт Русский институт. Тогда же, на втором академическом съезде, возникла идея об открытии научного института и в Белграде. Русский

научный институт в Белграде основали находившиеся в Белграде русские ученые, в состав организаторов вошел 21 человек. Первое организационное собрание Института состоялось 23 июня 1928 года. Торжественное открытие Института было приурочено к первому заседанию четвертого съезда русских ученых в Белграде, которое состоялось 16 сентября 1928 года в большом зале Нового университета. В своей речи первый председатель белградского Института Е.В. Спекторский подчеркнул, что «русские ученые уходили в изгнание с пустыми руками, но с полным сердцем. Они уносили с собою не сундуки, наполненные всяким хозяйственным добром, а священное пламя русского духа. И первую их заботу при водворении на чужбине было стремление не угашать этого духа, сохранить пламя и передать его идущему на смену поколению. Так возникли в разных местах русского расселения очаги русского духа и русской культуры» [10. С. 6].

Кроме ученых, пребывающих в Югославии, Институт приглашал на более или менее продолжительный срок ученых из других стран для участия в деятельности Института. В 1928 году Институт пригласил академика П.Б. Струве, ставшего его постоянным и весьма активным членом. По приглашению Института в его деятельности участвовали А.А. Кизеветтер, И.И. Лаппо, И.И. Лапшин, Н.О. Лосский, возглавлявший в 1928-29 годах философское отделение Института, С.И. Метальников, Д.П. Рябушинский, А.В. Флоровский, С.Л. Франк, Е.Ф. Шмурло. Из писателей были приглашены К.Д. Бальмонт, З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский, И. Северянин и Е.Н. Чириков. Сокращение материальной поддержки, оказываемой Институту, лишило его с 1932 года возможности приглашать ученых из других стран. Пришлось ограничиться сотрудничеством ученых, приезжавших в Белград по собственной инициативе, среди них были В.В. Болдырев, Н.Н. Головин, В.В. Зеньковский, И.А. Ильин, Е.А. Ляцкий.

Первоначально Институт размещался в здании Сербской академии наук на улице Якшичевой, с 1933 года до прекращения своей деятельности из-за немецкой оккупации Сербии в 1941 году Институт находился в здании Русского дома имени императора Николая II на улице Королевы Наталии.

Научная деятельность Института проводилась по отделениям, в октябре 1928 года было образовано пять отделений: философское, отделение языка и литературы, отделение общественных и исторических наук, при котором существовала военная секция, отделение естественных, агрономических и медицинских наук и отделение математических и технических наук.

Институт устраивал торжественные публичные собрания, посвященные крупным деятелям науки и культуры; кроме публичных общих собраний, в Институте проводились и закрытые общие собрания в форме бесед с приезжавшими в Белград учеными и писателями. Средоточие деятельности Института составляли сообщения – доклады и речи – его членов в отделениях или на объединённых собраниях с предусмотренными после выступлений прениями. Основание научного института в Белграде потребовало решения вопроса о печатании трудов русских ученых в эмиграции. Несмотря на значительные планы, издательская деятельность Института, в конце концов, оказалась скромной. Институт опубликовал лишь двухтомные «Труды IV Съезда русских академических организаций за границей» (1929) и библиографию трудов русских ученых в эмиграции «Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом» (1931; 1941; первый выпуск охватывает научные труды, опубликованные русскими учеными с 1921 по 1930 гг., второй – с 1931 по 1940 гг.). Первый выпуск «Записок Русского научного института в Белграде», периодической публикации, которую выпускал Институт, появился в 1930 г. За 11 лет, с 1930 по 1941 гг., вышло 17 выпусков (последние два выпуска в одном томе). Труды ученых русского зарубежья публиковались по следующему принципу: нечетные выпуски печатали труды по гуманитарным наукам (95 работ в 9 выпусках), четные – труды по естественно-математическим и техническим наукам (94 работы в 8 выпусках). Всего в «Записках» опубликовано 189 статей, авторами которых являются 87 ученых-эмигрантов. Кроме корифеев науки, ученых, пользовавшихся высокой научной репутацией еще в дореволюционное время, свое место среди авторов-сотрудников «Записок» нашли и представители молодого поколения ученых, сформировавшихся уже в новых, неблагоприятных для науки условиях вынужденной эмиграции. Высокий научный уровень

печатаемых публикаций «Записки» сохранили, до последнего своего выпуска оставаясь уважаемым периодическим органом русской научной эмиграции, несмотря на все трудности и сложившуюся политическую обстановку.

В национальном и культурном сознании любого народа вопрос о языке играет важную роль. Сохранение национальной культуры, выраженной своим национальным языком, становится весьма актуальным, существенным для русских беженцев, оказавшихся в инородном (инокультурном и иноязыковом), не всегда доброжелательно к ним настроенном окружении. Сохранение языка в данном случае осознается основной задачей культурной миссии спасения и сохранения духовной сути народа, его самобытных культурных ценностей путем их правильного и чистого языкового выражения. Ибо «человек, не говорящий и не думающий по-русски, – перестает быть русским» [11. С. 5]. Во избежание печальной судьбы национального исчезновения вопрос о языке становится одним из самых злободневных в культурной деятельности русской эмиграции.

В 1928 году преподаватели и учащиеся белградской русско-сербской гимназии основали Союз ревнителей чистоты русского языка. Главную задачу своей деятельности Союз видел в поддержке национальных заветов культурной жизни всей эмиграции: «Сохранить свой родной язык в чистоте, научить детей думать по-русски, правильно говорить и писать по-русски – это сейчас едва ли не главный и первый национальный долг всех русских, в вынужденном рассеянии сущих» [11. С. 5].

В отличие от основанного под эгидой белградской русско-сербской гимназии в 1928 году поэтического кружка «Новый Арзамас», члены Союза ревнителей чистоты русского языка поощрением собственной литературной деятельности особенно не интересовались; сфера их деятельности – забота о русском языке в нерусском окружении. С этой целью публикуется в 1937 году маленькая брошюра под названием «В защиту русского языка» с подзаголовком «Памятка Союза ревнителей чистоты русского языка», которая явилась практическим пособием, памяткой по случаю празднования пушкинского юбилея.

Авторы брошюры указывают на порчу и искажение русского языка в новых исторических обстоятельствах как в России, новыми

властями, так и в эмиграции «в силу забвения его и в силу постоянного употребления другого, местного языка» [11. С. 6]. Союз взывает к необходимости сохранения чистоты родного языка, и письменной, и разговорной речи; его члены утверждают, что «человек, плохо говорящий по-русски, едва ли русский; ребенок, думающий не по-русски, вероятно, уже утерян для русской культуры» [11. С. 37]. «Поймут ли нас и наших детей, когда окажется возможным вернуться на Родину» [11. С. 6], – выражают они свое опасение.

В 2013 году отмечен 80-летний юбилей успешной работы белградского Русского дома – центра русской культурной деятельности в Сербии, настоящего очага культурно-просветительской работы русской эмиграции в Белграде.

Конец 20-х и начало 30-х годов XX века играет весьма важную роль в истории русской эмиграции в сербской столице: Белград тогда серьезно заявил свои претензии на передовую роль культурной столицы русского зарубежья. Несмотря на то, что все-таки славу русского Парижа он никак не мог затмить, Белград становится бесспорным центром русского зарубежья, наряду с Берлином и Прагой. Идея создания в югославской столице объединенного центра русской культуры – Русского дома – возникла среди членов основанного Государственной комиссией Русского культурного комитета, председателем которого был профессор Александр Белич. Реализация грандиозной идеи началась в марте 1931 года. На выбранном земельном участке, нижней части территории бывшего российского императорского посольства на улице Королевы Наталии, начались тогда подготовительные работы. Представительное здание в довольно экзотическом для Белграда стиле русского ампира строилось по проекту русского архитектора Василия Баумгартена.

Русский дом имени императора Николая II официально был открыт в воскресенье, 9 апреля 1933 года. Свою речь на открытии Русского дома Александр Белич начал с замечания о том, что в истории человечества найдется не так много примеров такой душевной силы и мужества людей, сурово изгнанных из своих домов: «И хотя лишь маленькая часть той культуры, которую Россия выращивала в своих недрах, стала теперь мировым достоянием, и она была достаточна для того, чтобы во всей мировой культуре

заструился славянский дух неимоверной глубины и разнообразия форм» [12. С. 3]. Приютившая русских беженцев Сербия оценила мировое значение русской культуры. «Пройдет много времени, а вклад, который русские внесли в развитие новой послевоенной культурной жизни Сербии, с той же огромной силой будет сиять светлым примером. Неславянский мир часто говорит об отсталости России, о неуклюжем русском медведе, принижая с презрением ее достоинство и величие; встретившись, однако, лицом к лицу с русской культурой, этот мир забыл о презрении. Измученная эмиграция, насильно изгнанная из России, открыла миру глаза на ее культуру, показав, как заблуждался этот мир, недооценивая русскую культуру» [12. С. 3]. Русские учреждения и организации разместились в новых помещениях следующим образом: на первом этаже, кроме большого театрального зала, находилась еще русская публичная библиотека и малый зал Русского научного института. На втором этаже размещались мужская и женская гимназии, на третьем – Государственная комиссия, на четвертом – художественные, драматические и музыкальные студии. На цокольном этаже находился большой зал организации русских соколов.

Мемориальный музей царя Николая II открыт в Русском доме несколько лет спустя – 7 июня 1936 года благодаря усилиям Общества блюстителей памяти Николая II. Единственный в своем роде музей занимал всего одну небольшую комнату; его экспонаты – предметы, связанные с жизнью и судьбой последних Романовых, вывезенные из императорского посольства в Константинополе (Стамбуле) или же принесенные в дар русскими эмигрантами, у которых они каким-то чудом сохранились. Стены музея были украшены большими полотнами – портретами Николая I, Александра II, Александра III, Николая II и членов их семей, а также редкими сохранившимися семейными фотографиями последнего русского царя.

С момента своего основания Русский дом становится несомненным просветительским, культурным и научным центром всех русских, оказавшихся в эмиграции. В начале 1935 года во время празднования пятнадцатилетия пребывания русской эмиграции в Сербии сотрудник газеты «Правда» Евгений Захаров, важная фигура эмигрантской журналистики, воспользовался удобным случаем для

того, чтобы подчеркнуть значение Русского дома: он назвал его важнейшим учреждением русского Белграда, с появлением Дома возросла и роль сербской столицы как крупного центра русского зарубежья [13. С. 4].

Активная и разнообразная жизнь русского Белграда продолжалась на самом деле всего два десятилетия. Конец русскому Белграду, как и русской эмиграции во всей Сербии, положили следующие события: Вторая мировая война и гражданская война между монархистами и коммунистами, а также победоносное наступление Красной Армии в сентябре-октябре 1944 года. После Второй мировой войны большинство русских уехало на Запад, некоторые приняли решение вернуться на родину, некоторые были насильно депортированы. Те, кто остался, подвергся процессу ассимиляции; на само понятие «русская эмиграция» в течение многих лет было наложено табу, а вклад русской эмиграции в развитие сербской науки, экономики и культуры систематически замалчивался. Интерес к феномену русской эмиграции в Сербии возник снова в 90-е годы и продолжается до сих пор, хотя обстоятельные исследования затруднены из-за плохой сохранности архивных и печатных данных, а также недостаточно изученной культурной истории страны, в особенности ее провинции.

Примечания

1. За оказанную помощь, за отказ признать советское правительство русские эмигранты всегда высоко ценили и глубоко уважали короля Александра. В их глазах это был настоящий «король-рыцарь», олицетворявший истинно-православного монарха.

2. Известный профессор Белградского университета русский эмигрант Г.Н. Пио-Ульский писал, что «потеря русскими эмигрантами их Родины есть следствие Освободительной войны, давшей сербам и целой Югославии возможность быть свободными гражданами собственного независимого большого государства» (Г.Н. Пио-Ульский. Русская эмиграция и ее значение в культурной жизни других народов. Белград, 1939 // Электронный ресурс Интернет: <http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1185560>).

3. Слитное написание *заграницей* – вопреки официальному русскому правописанию приводится в соответствии с уставными документами

РПЦЗ – Положению о Русской православной церкви за границей, Временному Положению о Русской православной церкви за границей 1936 года.

4. Юридический статус русских беженцев-эмигрантов обстоятельно исследован в статье Л.Я. Таубера «Лига Наций и юридический статус русских беженцев» (Записки Русского научного института в Белграде. Вып. 9 (1933). С. 183-214).

5. По просьбе сербских властей российский посол был похоронен в Белграде. В 1939 году на могиле Гартвига на деньги правительства королевства и добровольные пожертвования жителей столицы русским архитектором Георгием Ковалевским был воздвигнут величественный памятник.

Библиографический список

1. Јовановић Мирослав. Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919-1924. Београд: Стубови културе, 1996. 390 с. (Перевод на русский: Бондарева Е. Русская эмиграция в Югославии (1920-1945) // Электронный ресурс Интернет: http://www.perspektivy.info/rus/rassey/russkaja_emigracija_v_jugoslavii_19201945_2007-03-19.htm.

2. Маевский В.А. Русские в Югославии // Русский Белград / сост. В.А. Тесемников, В.И. Косик. М.: Изд-во Московского университета, 2008.

3. Ренников А. Первые годы в эмиграции // Возрождение. 1957. № 62-64.

4. Simpson, Sir John Hope. The Refugee Problem – Report of a Survey. London; New York; Toronto: Oxford Univ. Press, 1939.

5. Аноним. Руска изложба. Одлазак Руса у Француску // Политика (Белград). 24 августа 1924. С. 8.

6. Иванцов Д. Русские беженцы в Югославии в 1921 году // Русский экономический сборник (Прага). 1925. Вып. 2. С. 80.

7. Раев М. Россия за рубежом. М.: Прогресс – Академия, 1994. 296 с.

8. Юрьев Е. Дипломатические превращения // Русь (София). 14 марта 1924.

9. Ђурић О. Руска литерарна Србија 1920-1941. Београд – Горњи Милановац: Дечје новине, 1990. 301 с.

10. Спекторский Е.В. Десятилетие Русского научного института в Белграде 1928-1938 // Записки Русского научного института в Белграде. 1939. Вып. 14. С. 6.

11. В защиту русского языка. Памятка Союза ревнителей чистоты русского языка. Белград: Издание Союза ревнителей чистоты русского языка, 1937. 42 с.

12. Аноним. Њ. В. Краљица, Њ. Кр. Вис. Кнез Павле и Кнегиња Олга на освећењу Руског дома Цара Николе Другог // Правда (Белград). 10 апреля 1933. С. 3.

13. Е[вгений] З[ахаров]. Петнаестогодишњица руске емиграције // Правда (Белград). 2 апреля 1935. С. 4.

Сведения об авторе

Бобан Чурич

доктор филолошких наука,

доцент кафедре славистике филолошког факултета

Белградског универзитета, Србија

E-mail: boban.curic@sbb.rs

ХРОНИКА

Научная конференция «Скребневские чтения»

16-17 апреля 2014 г. в Нижегородском государственном лингвистическом университете им. Н.А. Добролюбова состоялась международная научная конференция «Скребневские чтения», посвященная памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора филологических наук, профессора Юрия Максимовича Скребнева. Это двадцать девятая по счету конференция, которая состоялась в НГЛУ.

Юрий Максимович Скребнев, один из крупнейших лингвистов, является автором учебника по стилистике английского языка, который привлекает внимание отечественных и зарубежных ученых неординарностью концепции, смелостью научного поиска. В течение более 25 лет (с 1965 по 1992 гг.) Ю.М. Скребнев возглавлял кафедру английской филологии НГЛУ, под его руководством она заняла одно из ведущих мест среди филологических кафедр специальных вузов: при кафедре была открыта аспирантура, начал действовать Специализированный совет по защите кандидатских диссертаций, председателем которого стал Ю.М. Скребнев.

Под научным руководством профессора Ю.М. Скребнева было защищено сорок пять кандидатских диссертаций; семь из его учеников стали впоследствии докторами филологических наук. Сегодня ученики профессора являются научными наставниками аспирантов.

Выдающаяся разносторонняя личность Юрия Максимовича Скребнева, его гениальная простота и глобальный масштаб привлекают не одно поколение исследователей. Его научные интересы чрезвычайно разносторонни: проблемы морфологии, синтаксиса, стилистики, теоретические вопросы языкознания, стратификация языковых уровней. Основным направлением его научных исследований оставались проблемы разговорной речи. Ю.М. Скребнев по праву считается одним из основоположников теории коллоквиалистики. С 1966 по 1992 гг. он являлся бессменным ответственным редактором 18 сборников научных трудов «Теория и практика лингвистического описания разговорной речи». Под руководством профессора Ю.М. Скребнева проведены 9 межвузовских научных конференций и 2 республиканских координационных совещания по проблемам изучения и описания иноязычной разговорной речи и применения результатов научных исследований в практике обучения иностранным языкам.

Научно-исследовательская и просветительская деятельность Ю.М. Скребнева выходила далеко за пределы института иностранных языков. Он был активным участником международных конгрессов и симпозиумов, всесоюзных, республиканских и межвузовских конференций. Статьи и рецензии Ю.М. Скребнева (их более 100) опубликованы в целом ряде отечественных и зарубежных периодических изданий.

В прошедших «Скребневских чтениях» приняли участие ученые из Великобритании, Турции и России (Нижнего Новгорода, Пятигорска, Кирова, Петропавловска-Камчатского, Коврова, Тольятти). Многие из них – аспиранты и ученики Ю.М. Скребнева, его научные последователи.

С приветственным словом к участникам конференции обратилась проректор по научной работе НГЛУ д.ф.н., профессор Е.С. Гриценко. На пленарном заседании с воспоминаниями об учителе и выдающемся ученом выступили бывшие аспиранты Ю.М. Скребнева: к.ф.н., доцент А.Н. Кочетков, к.ф.н., доцент Н.Н. Лисенкова, к.ф.н., доцент В.И. Курышева. С научными докладами выступили д.ф.н., профессор В.А. Тырыгина, д.ф.н., профессор М.В. Цветкова (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Нижний Новгород).

На секционных заседаниях обсуждались актуальные вопросы коллоквиалистики, теории коммуникации и коммуникативных стратегий, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, лингвистических основ и литературоведческих аспектов межкультурной коммуникации.

По итогам работы конференции вышел сборник научных трудов и докладов «Теория и практика лингвистического описания разговорной речи».

И.Н. Кабанова

DAAD в НГЛУ: 20 лет сотрудничества

В апреле 2014 года Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова отметил 20-летие сотрудничества с Германской службой академических обменов (DAAD).

DAAD – это самая большая организация в мире, которая занимается академическими обменами между вузами Германии и других стран. Со дня своего основания в 1925 году DAAD оказала финансовую поддержку свыше 1,5 млн студентов и преподавателей. В 15 странах мира есть национальные представительства этой организации, около 500 лекторов и 150 ассистентов трудятся в 110 странах. В 1993 году было открыто Московское представительство DAAD, а уже на следующий год начал свою работу лекторат на факультете немецкого языка НГЛУ. На сегодняшний день в России действуют 34 лектората, но нижегородский был одним из первых и по результатам своей деятельности является одним из самых успешных проектов в России. Свыше 150 студентов и преподавателей стали стипендиатами фонда, в НГЛУ прошли две всероссийских конференции германистов (в 2000 и 2011 гг.). При поддержке DAAD НГЛУ дважды становился местом проведения съездов Российского союза германистов. По инициативе действующего лектора DAAD Георгии Маттиас стало возможным проведение олимпиад по немецкому языку среди студентов вузов Приволжского федерального округа в 2012 и 2013 гг., а также курсов повышения квалификации для преподавателей вузов Поволжья, где своим опытом делились специалисты из Дрездена, Франкфурта, Вены.

Программа праздничных мероприятий включала встречи и переговоры сотрудников Посольства ФРГ в Российской Федерации и DAAD с представителями государственных органов, образовательного сообщества, предпринимателями Нижегородской области.

Руководитель отдела DAAD «Российская Федерация и Беларусь» доктор Томас Праль и второй секретарь Посольства ФРГ в России Бритта Шлютер выступили с лекциями перед студентами НГЛУ, рассказав о реформах системы образования в Германии и международных образовательных программах DAAD. Состоялись встречи с руководством Министерства образования и Департамента внешних связей Правительства Нижегородской области, Комитета внешнеэкономических и межрегиональных связей Администрации Нижнего Новгорода, Торгово-промышленной палаты, НГЛУ, НГТУ. Во время встреч отмечалась необходимость продолжения сотрудничества между вузами России и Германии, были поддержаны инициативы создания новых проектов, в том числе совместных магистерских программ, в рамках которых студенты

лингвистического университета будут проходить параллельную подготовку в немецком вузе-партнере.

22 апреля 2014 г. немецкие гости выступили на открытии Международной научной конференции «Обучение, тестирование, оценка». В ходе круглого стола с участием доктора Т. Пралья обсуждались вопросы интегрированных международных программ двойных дипломов, их преимущества для студентов и вузов-партнеров. Особое внимание было уделено таким условиям реализации программ, как формирование надежных и долгосрочных партнерских отношений, оптимизация и расширение учебных планов, формирование профиля вуза путем предложения специальных учебных курсов, выработка совместных учебных и экзаменационных нормативов, приобретение межкультурных компетенций.

В программе мероприятий были также лекции и мастер-классы, семинары и презентации. Преподавателям немецкого языка из Нижнего Новгорода, Кирова, Перми, Саранска и Чебоксар была предложена программа повышения квалификации «Иностранный язык в сфере профессиональной коммуникации». Руководителями программы были лекторы DAAD, которые с 1994 года работали в НГЛУ преподавателями немецкого языка: научный сотрудник Вестфальского университета имени кайзера Вильгельма II в Мюнстере Мария Майер-Верман и научный сотрудник Рейнского Боннского университета имени короля Фридриха Вильгельма Беттина Грэвингхольт.

22 апреля 2014 г. на заседании Ученого совета НГЛУ доктору Томасу Пралю за вклад в развитие совместных международных проектов было присуждено звание «Почетный профессор НГЛУ». Доктор Т. Праль выступил с докладом «Проблемы и перспективы Болонского процесса». В своем обращении ректор НГЛУ профессор Б.А. Жигалев отметил: «Это не случайное событие в жизни Нижегородского государственного лингвистического университета, так как нашему сотрудничеству с DAAD исполняется уже 20 лет. И все эти годы господин Праль руководил деятельностью нашего лектората из Бонна, где он работал и работает руководителем российских программ, из Москвы, где он был поочередно заместителем руководителя и руководителем национального бюро DAAD, и непосредственно на месте, приезжая к нам в Нижний Новгород. Лекторы DAAD, работающие и работавшие у нас, всегда чувствовали его пристальное внимание и всестороннюю поддержку, благодаря которой десятки преподавателей и студентов нашего университета прошли обучение и занимались научными исследованиями в университетах Германии в качестве стипендиатов DAAD. Вручая сегодня господину доктору Томасу Пралю мантию Почётного профессора НГЛУ, мы

выражаем в его лице Германской службе академических обменов огромную благодарность за многолетнее сотрудничество и надеемся, что мы и в дальнейшем будем возводить мосты между культурами наших стран поверх политических границ, способствовать переосмыслению людьми своих представлений о себе и других народах и конструктивно подходить к феномену культурного многообразия».

Е.В. Плисов, С.Н. Саможенов

Научно-образовательный проект «Начало славянской письменности: культурные корни цивилизаций»

День славянской письменности и культуры ежегодно отмечается 24 мая. В НГЛУ празднования проходили в рамках реализации научно-образовательного проекта «Начало славянской письменности: культурные корни цивилизаций». Культурная традиция празднования этого дня связана с именами Кирилла и Мефодия, славянских просветителей, создателей славянской азбуки. Их деятельность разворачивалась в период христианизации славян, который явился важной исторической вехой, позволившей уравнивать славянские государства с другими европейскими государствам. Славяне занимали значительную часть европейской территории и, будучи язычниками, представляли собой «лакомый кусок» для политического, экономического, идеологического, культурного давления со стороны европейского мира. Два центра христианской религии (Запад и Восток) – римская католическая и византийская православная церкви – боролись за сферы своего влияния. В результате гибкой политики победу одержала православная церковь, которая пытаясь усилить свое воздействие на мощные славянские государства, приняла решение вести богослужение на понятном для верующих «славянском» языке, который стал средством общения славянского мира, орудием культурного обмена. Данный факт обусловил огромное влияние Византии, как наследницы античного мира, на славянскую цивилизацию.

Просветительская миссия Кирилла и Мефодия в славянских государствах изначально поддерживалась римским папой и успешно осуществлялась в Моравии (современная Чехия) и Паннонии. Но к концу IX века ревностное отношение католических священников, боявшихся потерять свое влияние в славянских странах, привело к запрету богослужения на славянском языке. В этих странах восстановились права латинского языка – языка богослужения римской католической церкви. А

Болгария, поддерживаемая византийской православной церковью, стала преемницей старославянской культуры. Старославянская книжная письменность здесь переживает свой расцвет. Старославянская традиция укрепляет свои позиции в Сербии и на Руси, которая была крещена в 988 году.

Исторически судьба каждого из славянских языков оказалась небезразличной к религиозным воззрениям. В первую очередь это отразилось на графике родного языка: основу письменности славянокатоликов составила латиница, являвшаяся графической базой языка богослужения, основу графики православных славян составила кириллица. Этот момент значительно разобщил славянское братство.

Временем создания славянской азбуки считается 863 год. Необходимость ее появления была обусловлена потребностью перевода греческих богослужебных книг на «славянский язык», для чего понадобилось свести в единую систему известные славянам письменные знаки, дополнить и приспособить к славянской фонетике знаки греческого письма. Созданная славянская азбука не могла быть простым набором, реестром букв, расположенных в азбучном порядке. Она представляла собой особый «текст» философского характера, предназначенный для фиксации сакральных текстов. Заслуга создателей этой азбуки состоит не в том, что они являются творцами, «изобретателями» букв: такая работа не по силу одному человеку. Просветительский подвиг солунских братьев перед славянами не оценим: Кириллу удалось собрать графическое славянское наследие, явившееся результатом длительной эволюции славянского письма, спрессовавшей многовековой опыт народа, унифицировать все знаки, привести их к максимально возможному единообразию, а затем классифицировать в азбучном мироустройстве.

Таким образом, в IX веке в результате переводов с греческого языка был создан первый литературный, сакральный язык славянского мира – старославянский язык, впитавший в себя все богатство классического греческого языка. Кириллическое письмо в полной мере соответствовало новому священному языку.

В современную эпоху глобализации растет престиж графических систем, основанных на латинице. Самобытность, оригинальность славянской кириллицы отходит на второй план. Центробежные политические силы «раздирают» славянский мир. В этих условиях как никогда общая славянская азбука становится символом единения, напоминания о великих традициях славянской культуры, об истоках нашей духовности. Поэтому важно возродить некогда забытую традицию празднования Дней славянской письменности и культуры, которая

способна вызвать подъем национального самосознания славян, возродить историческую справедливость.

Праздничные мероприятия в НГЛУ проходили с 21 мая по 24 мая. Сам проект стартовал еще в начале февраля, когда был объявлен конкурс студенческих работ в трех номинациях: научный проект (исследование), научно-популярный очерк-эссе, литературный проект (прозаический, поэтический, драматический).

В конкурсе приняли участие студенты Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (г. Астана, Казахстан), Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, Донецкого национального университета экономики и торговли им. М. Туган-Барановского, Удмуртского государственного университета. В преддверии праздника в НГЛУ были объявлены победители.

Кроме того, студенты НГЛУ им. Н.А. Добролюбова и НГПУ им. Козьмы Минина выступили в командном состязании «От славянской азбуки до современного алфавита», которое продемонстрировало интерес студентов к историческому прошлому нашей азбуки, особенно ярко это проявилось в конкурсе чтецов на старославянском языке.

Торжества, посвященные Дням славянской письменности и культуры, открыл ректор НГЛУ профессор Б.А. Жигалев. В своем вступительном слове он подчеркнул важность отмечаемого события с точки зрения патриотического и гражданского воспитания молодежи, поиска путей преодоления «духовного тупика» и укрепления национального самосознания. С приветственным словом выступила председатель Комитета внешнеэкономических и межрегиональных связей администрации Нижнего Новгорода Е.И. Мишина, представившая перспективу международного сотрудничества со славянскими государствами. Профессор кафедры русской филологии и общего языкознания М.А. Грачев с озабоченностью говорил об историческом повороте событий в судьбах близких по духу восточнославянских народов – русских, украинцев, белорусов, – вскормленных единым древнерусским языком. От имени приглашенных на торжества сербских коллег из Белградского университета с общим праздником поздравила присутствующих заместитель председателя Славистического общества Сербии Вукосава Джапа-Иветич. Директор Центра славянских языков и культур НГЛУ С.Н. Переволочанская представила ретроспективную картину, отражающую судьбу славянской азбуки и славянских языков, развитие которых определило стремление к независимости,

национальному самоопределению, расцвету просвещения и культуры славян.

Важным событием в праздновании Дней стало проведение круглого стола «Диалог славянских культур: язык, история, письменность». Обсуждение на заседании Круглого стола развернулось вокруг следующих научных проблем: *Кирилло-Мефодиевское наследие: славянская письменность на Афоне (Свято-Пантелеимонов монастырь и монастырь Хиландар)* – докладчик Ирена Шпадиер, доктор филологических наук, доцент кафедры сербской литературы и южнославянских литератур Белградского университета (Сербия); *Церковно-славянский язык в сербском «Октоихе»* – докладчик А.А. Евдокимова, кандидат искусствоведения, доцент ННГК им. М.И. Глинки; *«Почитание книжное» как образ жизни. Традиция и духовная культура нижегородских старообрядцев* – докладчик М.М. Белякова, директор Института рукописной и старопечатной книги, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка НижГМА; *Язык как культурный код Русской цивилизации* – докладчик С.Г. Павлов, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи НГПУ; *Русский язык и культура в инославянском мире: традиции и перспективы преподавания в Белградском университете* – докладчик Вукосава Джапа-Иветич, заместитель председателя Славистического общества Сербии, кандидат филологических наук, Белградский университет (Сербия).

В центре обсуждения участников круглого стола были актуальные научные вопросы: рукописное наследие старославянской эпохи, рукописные и старопечатные книги, составляющие духовную культуру нижегородских старообрядцев XVIII–XIX вв., специфические особенности сербского сборника песнопений (осмогласника), в котором представлен церковно-славянский язык русского извода и использованы особые знаки церковной безлинейной музыкальной нотации – крюки. Кроме того, вызвали интерес построенные на эмпирическом материале рассуждения о языке как аксиологической системе: язык, будучи информационной парадигмой, испытывает на себе идеологическое воздействие, и все-таки, несмотря на вестернизацию славянской культуры, в русском языке сохраняется момент соборности. В свою очередь культурный код русской цивилизации находит отражение в традиции, которая определяет процесс преподавания русского языка и культуры в инославянском мире.

Прошедший праздник славянской письменности и культуры напомнил об истоках нашей духовности, и это еще одна возможность, которая должна способствовать поднятию авторитета славянства в мире.

С.Н. Переволочанская

Летняя стажировка в университете Экс-Марсель в Провансе (Франция)

С 2011 года студенты Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова принимают участие в программе «Французский язык и страноведение Франции» в университете Экс-Марсель (г. Экс-ан-Прованс, Франция). Летняя языковая стажировка проходит в течение двух недель июля с участием ведущих преподавателей престижного французского университета – партнера НГЛУ. В первый учебный день студенты проходят тестирование, которое определяет уровень владения французским языком для последующего распределения по группам. Следует отметить, что в программе принимают участие студенты из самых разных стран мира, имеющие широкий диапазон возможностей: от начинающих до свободно владеющих языком.

По окончании программы всем участникам выдаётся сертификат с указанием уровня владения французским языком, соответствующего Европейской шкале оценивания (от А1 до С2) по всем четырем видам речевой деятельности. Все преподаватели программы отмечают, что студенты НГЛУ традиционно показывают высокие результаты как на этапе тестирования, так и в процессе обучения. Занятия построены с использованием современных методик преподавания иностранного языка и новейших информационных технологий. Особое внимание уделяется коммуникативному аспекту, играющему важную роль при общении в интернациональных группах. Весьма интересной является страноведческая информация, представленная на каждом уроке.

Кроме учебных занятий студентам предлагаются различные мероприятия: вечера знакомств, мастер-класс по игре в петанк, танцевальные вечера, работа киноклуба, экскурсии в соседние города – Арль, Авиньон, Ним, Канны, Ниццу. Обучение проходит в одном из главных исторических центров Прованса – городе Экс-ан-Прованс (Aix-en-Provence). Прованс – это уникальный южно-французский регион, который давно любят не только французы, но и другие европейцы. Он сочетает в себе традиции трех непревзойденных европейских культур – Франции, Италии и Испании. Город необыкновенно красив, в нем очень много фонтанов, уютных кафе, тихих маленьких улиц. С XII столетия и до революции Экс был столицей Прованса, в которую стекались лучшие поэты и художники своего времени, и до сих пор остаётся его культурным центром. Это – настоящий музей под открытым небом.

Е.В. Васенева, Е.А. Ефимкина

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного лингвистического
университета им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 26

Редакторы: С.Н. Переволочанская
А.О. Кузнецова
Д.В. Носикова
А.С. Паршаков

Лицензия ПД № 18-0062 от 20.12.2000 г.

Подписано в печать 18.06.2014

Формат 60x90 1/16

Печ. л. 11,125

Тираж 500 экз.

Цена договорная

Заказ

Типография ФГБОУ ВПО «НГЛУ»
603155, Нижний Новгород, ул. Минина, 31а